14 ДЕКАБРЯ 1825

и

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ

издано редакцiей

ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДЫ

По поводу книги Барона Корфа.

LONDON

TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW

1858

Берлинъ, 4 Марта / 20 февраля 1858.

геру

В стр. 26-27, 242, 244, 245, 248, 252, 253, 294 Му

14 ДЕКАБРЯ 1825

И

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ.

14 ДЕКАБРЯ 1825

И

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ

издано редакціей

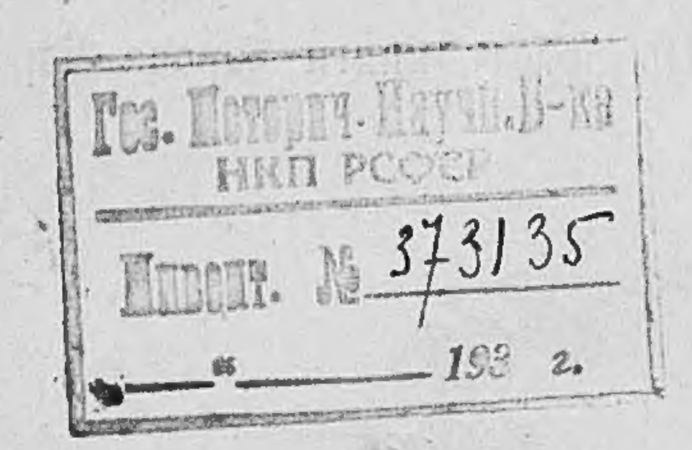
ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДЫ

По поводу книги Барона Корфа.

LONDON

TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.

1858

Гос. Историч.-Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 373135
193 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Предисловіе VII

Донесеніе слѣдственной Коммиссіи 30 Мая 1826. . . 1

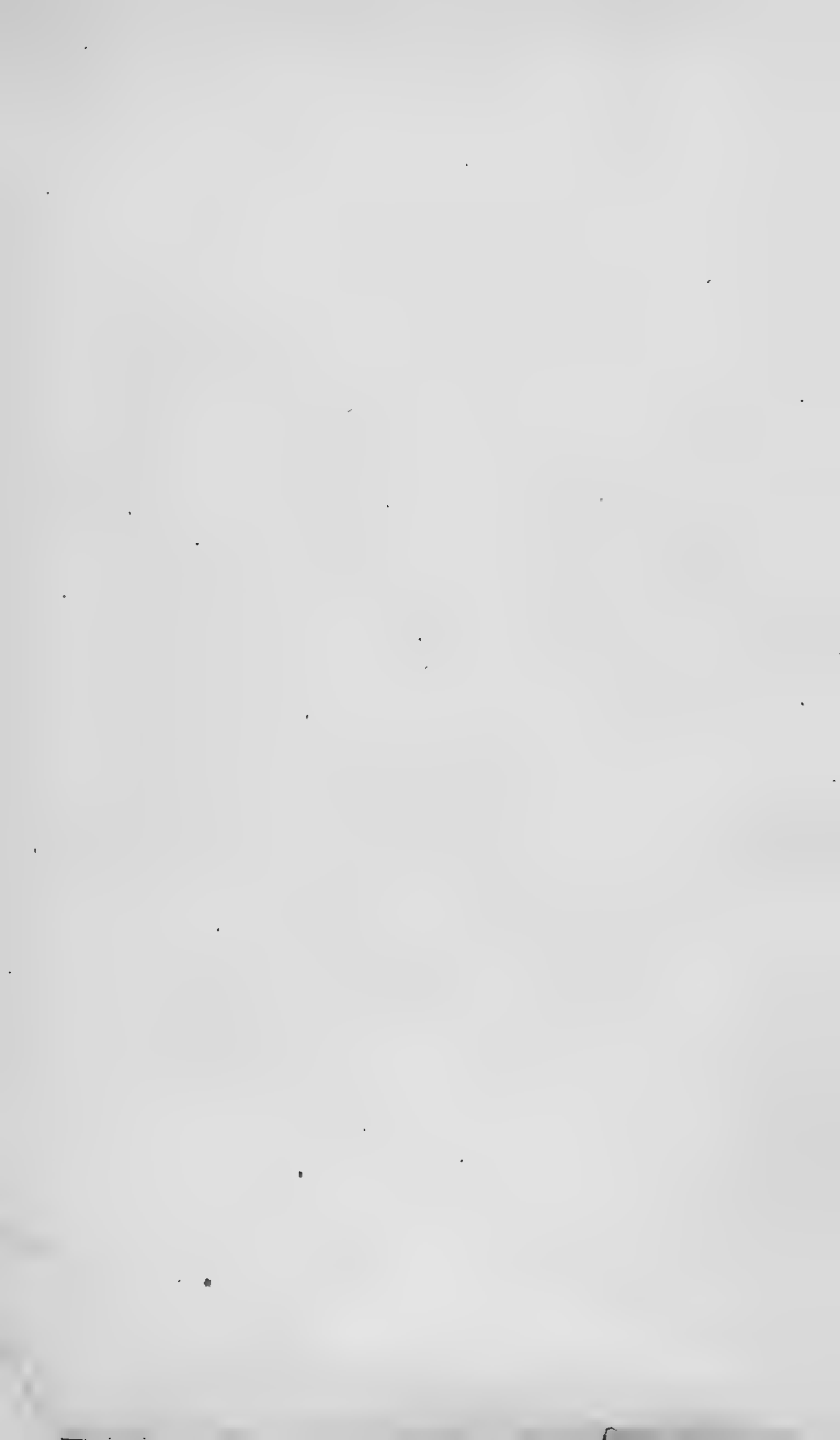
Верховный Уголовный Судъ. 117

Письмо къ Императору Александру II. 183

Разборъ Книги Корфа 202

—

Въ Аугсбургской газетѣ отъ 28 Декабря, мы прочли объявленіе о третьемъ оффиціальномъ изданіи книги Корфа—и долгомъ считаемъ довести до свѣденія правительства, что оно жестоко ошибается, если думаетъ, что расходъ книги Корфа основанъ на сочувствіи публики. Книги, печатаемыя по распоряженію правительства, обычно отправляются къ лицамъ, начальствующимъ въ присутственныхъ мѣстахъ, къ губернаторамъ, вообще къ лицамъ власть имѣющимъ. Эти господа заставляютъ своихъ чиновниковъ брать экземпляры оной книги, вычитая за нее деньги изъ ихъ жалованья или навязываютъ покупку оной книги и не служащимъ людямъ, имѣющимъ съ ними сношенія, зная, что всякій возметъ экземпляръ изъ опасенія подпасть подъ надзоръ III отдѣленія. Вотъ причина большаго расхода подобныхъ книгъ. Мы убѣждены, что, узнавъ это, и самъ государь не захочетъ пользоваться такимъ недостойнымъ средствомъ для продажи жалкой книги, продажи, которая весьма угнетательна для бѣдныхъ чиновниковъ.

Передъ книгой Барона Корфа—мы немогли, не должны были молчать. Кому же и поднять голосъ за великихъ предшественниковъ нашихъ—какъ не намъ Русскимъ покинувшимъ наше отечество для того чтобъ раздавалось хоть гдѣ нибудь свободное русское слово. Тѣмъ больше что мы отъ нихъ считаемъ наше духовное рожденіе, что ихъ голосъ разбудилъ насъ къ жизни и ихъ примѣръ поддержалъ черезъ все существованіе наше. Начиная первое Русское Обозрѣніе, *печатаемое безъ Цензуры*, мы самимъ названіемъ поставили его подъ ихъ сѣнь, примкнули къ ихъ дѣлу—для того—чтобъ "показать непрерывность преданія, преемственность труда, внутреннее и кровное родство". (*)

(*) Программа Полярной Звѣзды за 1855.

Какъ же намъ молчать передъ публикаціей Корфа. Она насъ оскорбила и требуетъ отвѣта.

Не русская мысль систематической оппозиціи чужда намъ. Мы съ искреннимъ упованіемъ привѣтствовали новое царствованіе — изъ нашего удаленія, мы съ радостью слѣдовали за всѣми хорошими начинаніями. Но платоническая надежда стала утомлятся, намъ уже становилось мало его вѣчныхъ попытокъ, его отрицательнаго добра—какъ вдругъ обнародованіе книги Корфа— исполнило насъ удивленія.

Просто ли это ошибка, анахронизмъ или вновь брошенное оскорбленіе общественному довѣрію?— надѣявшемуся именно на то что Николаевскій періодъ окончанъ?

Въ то время какъ вся Россія ждетъ съ нетерпѣніемъ отгадки, символа вѣры новаго царствованія, съ біеніемъ сердца слѣдя за его перѣшительнымъ, робкимъ, колеблющимся шагомъ; въ то время какъ вся Россія окружаетъ его любовью, собственно изъ ненависти къ прошлому царствованію—оно гром-

ко заявляетъ свою полную солидарность съ нимъ.

Вотъ причина почему мы придаемъ важность тощей и неловкой книгѣ Корфа.

Тутъ нечего ссылатся на сентиментальные отношенія сына къ отцу. Александръ II сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ все чего требовало сердце и декорумъ—даже больше нежели было нужно. Намъ всегда казалось страннымъ на пр. названіе "благодѣтеля" которое нынѣшній Государь повторялъ говоря о "незабвенномъ" отцѣ своемъ. . . Когда же Цесаревичъ и наслѣдникъ русскаго престола могъ быть въ томъ положеніи чтобъ ему нужны были благодѣянія? Это неприличная терминологія, но Богъ съ ней.

Обязанность государей не въ служеніи панихиды по покойникамъ, а въ служеніи своему народу; но служить ему можно розно—особенно держа въ рукахъ своихъ самодержавную власть. Или нынѣшній Государь понимаетъ возрастъ въ который входитъ Россія и хочетъ быть тѣмъ роковымъ кормчимъ, ко-

торый поведетъ ее въ ширь свободнаго, самобытнаго развитія—оставляя исторіи лучезарное имя:

—Тогда надобно отказаться отъ своеволія власти, отъ казарменнаго деспотизма, отъ глухо-нѣмаго канцелярскаго управленія, не дичиться человѣческой рѣчи, ознакомиться съ современной мыслію и понять наконецъ какъ много общаго (конечно не въ путяхъ, а въ цѣли) между стремленіями передовыхъ людей Россіи, составившихъ Тайное Общество при Александрѣ I, и собственными стремленіями Александра II.

Или, совсѣмъ обратно, всѣ обѣщанія улучшеній были только captatio benevolentiae и Александръ II, какъ Николай, хочетъ продолжать роль отпора, помѣхи всякому движенію, всякой идеи, быть тормазомъ на всякомъ колесѣ Россіи и Россіей тормазить всю Европу: Тогда надобно ему идти гораздо дальше Николая. Крымская война и два года его царствованія сильно двинули впередъ общественное мнѣніе! Тогда надобно не намекать на освобожденіе крестьянъ—а ободрить помѣщиковъ на счетъ рабства,

не распускать резервы—а сдѣлать штатскихъ военными, уничтожить грамоту, закрыть университеты, посылать въ Бобруйскъ и Нерчинскъ за упованіе, за любовь къ нему, основанную на вѣрѣ въ улучшенія... но мы еще вѣримъ что Александръ II этаго не хочетъ. Потому то мы и не понимаемъ что значитъ его идолопоклонство передъ Николаемъ и обнародованіе книги Корфа.

Ясно какъ эта раболѣпная брошюра возникла при Николаѣ—хотя нельзя не удивляться какъ и онъ могъ читать такую тяжелую, подъяческую, вульгарную лесть. Она носитъ какъ то грубо вырѣзанную печать его времени—бѣдность мыслей, условныя формы, узкой горизонтъ, оффиціяльный холодъ, безпощадность посредственности, отталкивающая, парадная чувствительность; не тотъ воздухъ которымъ человѣкъ можетъ свободно дышать, а какая то давящая атмосфера втораго порядка, въ которой двигаются и дѣйствуютъ какъ рыба въ водѣ Клейнмихели, Чернышевы, Кокошкины, Бенкендорфы—получше, похуже, но всѣ бездарнѣйшіе изъ смертныхъ.

Понятно что Николай окруженный такими людьми читалъ съ удовольствіемъ, что "Измѣна" которую онъ едва покорилъ нѣсколькими полками, картечью и кавалерійскими атаками—"была робка"—Конечно ему не пришло въ голову спросить : кому измѣна? чего? въ чью пользу?

Но зачѣмъ же теперь, приподнимая правительственной рукой завѣсу къ которой полиція не позволяетъ касаться, повторять эту брань? Вѣдь Кромвель, раскрывая тѣло Короля Англіи, не обижалъ его памяти!

Правительство могло молчать, предоставляя усердію разныхъ Устряловыхъ продолжать клевету и лесть, но если уже оно рѣшилось говорить всенародно—надобно было говорить иначе, гораздо серіознѣе.

Какъ бы то ни было, сдѣлана ли эта публикація очертя голову или съ намѣреніемъ, намъ нѣтъ выбора, на насъ тоже лежитъ долгъ благочестія къ прошедшему—и мы рѣшились приподнять туже завѣсу съ другой стороны, и для этаго за-неимѣ-

ніемъ иныхъ источниковъ, мы ихъ взяли у самаго правительства.

Не ограничиваясь однимъ разборомъ Корфовой брошюры—мы перепечатываемъ весь текстъ Донесенія слѣдственной Коммиссіи, весь Приговоръ верховнаго Суда—и разбираемъ ихъ вмѣстѣ съ нею.

Донесеніе Слѣдственной Коммиссіи приходитъ въ забвеніе, его трудно достать въ Россіи, а протвердить его молодому поколѣнію необходимо. Пусть оно посмотритъ на эти сильныя и могущественныя личности, даже сквозь темное сердце ихъ гонителей и судей — и подумаетъ что же они были, когда и такіе живописцы при всемъ желаніи не умѣли исказить ихъ благородныхъ чертъ?

Но мы далеки отъ того, чтобъ считать нашъ трудъ полнымъ или оконченнымъ. Совершенный недостатокъ матеріаловъ чрезвычайно ограничилъ нашу работу. А потому мы и обращаемся съ просьбою ко всѣмъ Русскимъ, хранящимъ въ сердцѣ память мучениковъ и героевъ 14 Декабря—доставлять намъ всякаго рода свѣдѣнія и подробности

могущіе взойти въ историческій сборникъ или въ монографію объ этомъ времени. Всѣ частныя событія, анекдоты, письма, записки—относящіеся до нихъ драгоцѣнны для насъ, для потомства, для Россіи, все это достояніе исторіи и не должно затратиться въ рукописяхъ. Дайте намъ право нашимъ станкомъ закрѣпить за исторіей и спасти отъ забвенія или утраты—разсѣянные документы!

П—ръ.

ДОНЕСЕНІЕ

СЛѢДСТВЕННОЙ КОММИССІИ

30 Мая 1826.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

Высочайше учрежденной Коммиссіи для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ,

Всеподданнѣйшій Докладъ.

Коммиссія, учрежденная Указомъ Вашего Императорскаго Величества отъ 17-го Декабря минувшаго года, привела къ окончанію порученное ей изслѣдованіе и представляетъ на Высочайшее усмотрѣніе Ваше, вмѣстѣ съ подробнымъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ, всѣ собранныя ею свѣдѣнія объ открытыхъ въ Россіи Тайныхъ Обществахъ, приличенныхъ въ злоумышленіи, о началѣ оныхъ, ходѣ, измѣненіяхъ, планахъ, мало помалу распространявшихся, равно и о степени участія въ сихъ планахъ и предпріятіяхъ, и вообще о поступкахъ и дознанныхъ намѣреніяхъ каждаго изъ Членовъ.

Вашему Величеству, при самомъ назначеніи Коммиссіи и почти въ минуту усмиренія бывшаго

мятежа, угодно было напомнить, что слѣдуя побужденіямъ собственнаго сердца и примѣру славныхъ Предковъ своихъ, Вы лучше хотите простить десять виновныхъ, нежели одного невиннаго подвергнуть наказанію. Симъ правиломъ мудраго великодушія Коммиссія постоянно руководствовалась въ продолженіе слѣдствія; но съ другой стороны не теряла изъ вида возложенной на нее обязанности, стараться, посредствомъ точныхъ изысканій, очистить Государство отъ зловредныхъ началъ, обезпечить тишину и порядокъ, успокоить совершенно гражданъ мирныхъ, преданныхъ Престолу и Закону. —Устремляясь къ сей цѣли, Коммиссія вникала тщательно, но безъ предубѣжденій, во всѣ обстоятельства, кои могли служить къ обнаруженію какой-либо отрасли кола мятежниковъ; при разсмотрѣніи оныхъ, и во всякомъ случаѣ, по возможности отличала минутное ослѣпленіе и слабость отъ упорнаго зломыслія, и основаніемъ своихъ заключеній почти всегда полагала признаніе самихъ подозрѣваемыхъ, или бумаги ими писанныя; извѣты же сообщниковъ и показанія другихъ свидѣтелей были, по большой части, только пособіями для улики, или для распространенія слѣдствія и соображеній при допросахъ.

Какъ Вашему Величеству извѣстно, одно изъ таковыхъ показаній, долженствовавшее возбудить особенное вниманіе Правительства, получено въ Бозѣ почивающимъ Императоромъ Александромъ въ Іюнѣ минувшаго года отъ Шервуда, унтеръ-офицера 3-го Бугскаго Уланскаго полка. Онъ доносилъ, что въ нѣкоторыхъ полкахъ І-й и 2-й Арміи есть люди,

замышляющіе ниспровержение порядка въ Государствѣ, и что они принадлежатъ къ Тайному Обществу, которое постепенно умножаетъ число своихъ Членовъ: именуя одного изъ нихъ (Вадковскаго Ѳедора), Шервудъ просилъ дозволенія ѣхать въ Курскъ, для свиданія съ нимъ и другими, коихъ онъ считалъ его сообщниками, надѣясь имѣть чрезъ то вѣрнѣйшія и обстоятельнѣйшія свѣдѣнія. Оныя въ самомъ дѣлѣ доставлены имъ Правительству въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, а вскорѣ за тѣмъ согласныя и еще подробнѣйшія извѣстія привезены въ Таганрогъ Генералъ-Лейтенантомъ Графомъ Виттомъ, который зналъ о существованіи и цѣли Тайнаго злоумышленнаго Общества чрезъ агента своего, притворно къ оному присоединившагося. Большая часть сихъ показаній подтверждена полученнымъ 1-го Декабря на имя въ Бозѣ почивающаго Императора письмомъ Майбороды, Капитана Вятскаго полка, который самъ былъ Членомъ Тайнаго Общества. Въ слѣдствіе сего извѣта, Начальствомъ 2-й Арміи и присланнымъ изъ Таганрога Генералъ-Адъютантомъ Вашего Величества, приняты мѣры осторожности; по указаніямъ Майбороды взяты подъ стражу многіе изъ подозрѣваемыхъ въ злоумышленіи, отъисканы, захвачены нѣкоторыя ихъ бумаги и сдѣланы предварительные допросы. Но между тѣмъ сообщники ихъ въ С.-Петербургѣ, зная ли, что Правительству уже извѣстны ихъ намѣренія, или только нетерпѣливо желая приступить къ исполненію оныхъ, предприняли обмануть часть Гвардейскихъ полковъ на счетъ присяги Вашему Величеству, чтобы произвести движеніе, коего жители столицы были свидѣтелями 14-го

Декабря. Въ тотъ же вечеръ, они почти всѣ были во власти Правительства и показанія ихъ дополнили, объяснили прежнія извѣстія о существованіи заговора.

Съ сего времени начались дѣйствія Коммиссіи; получаемыя съ каждымъ днемъ новыя свѣдѣнія доказывали необходимость распространенія слѣдствія; но Коммиссія, соображаясь въ точности съ правилами Вашимъ Величествомъ предначертанными, не иначе употребляла данную ей власть и приступала къ розысканіямъ, какъ въ случаяхъ явной надобности. По требованіямъ оной, взяты подъ стражу или призываны къ допросу лишь тѣ, даже изъ Членовъ Тайныхъ Обществъ, о коихъ по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ должно было заключить, что они, или участвовали въ самыхъ преступныхъ умыслахъ и могутъ еще быть опасны, или что показанія ихъ нужны для обличенія главныхъ мятежниковъ и обнаруженія всѣхъ плановъ ихъ. О многихъ, коихъ имена означены въ особомъ у сего подносимомъ спискѣ, какъ не совершенно знавшихъ цѣль Тайнаго Общества, коему они принадлежали, или удалившихся отъ онаго по чувству вины своей, Коммиссія положила только довести до Высочайшаго Вашего свѣдѣнія, предавая судьбу ихъ правосудію и милосердію Вашего Императорскаго Величества. Но всѣ, по вышеизложеннымъ причинамъ долженствовавшіе обратить на себя вниманіе Коммиссіи, допрошены съ надлежащимъ тщаніемъ и точностію (1): отвѣты ихъ объяснены

(1) Не допрошенъ Николай Тургеневъ, который былъ требованъ, но не явился изъ за границы для отвѣта.

сличеніемъ, подтверждены очными ставками и почти во всѣхъ, по крайней мѣрѣ во всѣхъ главныхъ обстоятельствахъ, относящихся къ цѣли заговора, составу Тайнаго Общества и дѣйствіямъ руководителей онаго, показанія ихъ совершенно согласны (1).

Изъ оныхъ открывается, что въ 1816 году, нѣсколько молодыхъ людей, возвратясь изъ за границы послѣ кампаній 1813, 1814 и 1815 годовъ, и знавъ о бывшихъ тогда въ Германіи Тайныхъ Обществахъ съ политическою цѣлію, вздумали завести въ Россіи нѣчто подобное. Первые, сообщившіе другъ другу мысль сію, были Александръ Муравьевъ, (нынѣ отставной Полковникъ) (2), который сначала полагалъ сіе Тайное Общество вмѣстить въ составъ какой-нибудь Масонской ложи, Никита Муравьевъ (Капитанъ), и Полковникъ Князь Трубецкой. Побужденіемъ ихъ, какъ говоритъ Александръ Муравьевъ въ своемъ письменномъ отвѣтѣ на допросъ, была ложно понимаемая любовь къ отечеству, служившая для нихъ самихъ покровомъ безпокойнаго честолюбія; они не чувствовали, какъ нынѣ признаютъ единогласно во всѣхъ показаніяхъ своихъ, что чрезъ предполагаемыя ими средства, никакая истинно полезная цѣль не могла быть достигнута (3); что существова-

(1) Тѣмъ изъ допрошеныхъ, кои оказались или непринадлежавшими къ злоумышленнымъ Тайнымъ Обществамъ, или совершенно отставшими отъ оныхъ, немедленно возвращена свобода.

(2) Съ именами всѣхъ, въ семъ донесеніи упоминаемыхъ, означаются ихъ нынѣшніе чины.

(3) Слова Александра Муравьева.

ніе такого Сообщества было беззаконно и противно нравственности(1); что слѣдствіемъ онаго, рано или поздно, и можетъ быть даже безъ участія многихъ Членовъ, долженствовали быть преступленія, ихъ собственная гибель и вредъ для Государства (2).

На сихъ первыхъ совѣщаніяхъ о заведеніи Общества, были сверхъ именованныхъ Офицеры прежняго Семеновскаго полка: Якушкинъ, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолъ. Они тогда не приступили къ исполненію плановъ своихъ, и только въ Февралѣ слѣдующаго (1817) года, когда Капитанъ Никита Муравьевъ, познакомясь съ Полковникомъ Пестелемъ, сблизилъ его, какъ онъ говоритъ, съ Александромъ Муравьевымъ, уже имѣвшимъ тѣсную связь съ Княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ, учредилось ихъ первое Тайное Общество, подъ названіемъ Союза спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ Сыновъ Отечества. Уставъ онаго былъ сочиненъ Пестелемъ. Общество раздѣлялось на три степени: Братій, Мужей и Бояръ (3); изъ сей третьей, высшей степени избирались ежемѣсячно Старѣйшины: Предсѣдатель, Блюститель и Секретарь; для принятія назначались торжественные обряды; желающій вступить въ общество давалъ клятву сохранять въ тайнѣ все,

(1) Слова Никиты Муравьева.

(2) Слова Князя Сергѣя Трубецкаго.

(3) По нѣкоторымъ показаніямъ былъ еще четвертый родъ Членовъ въ семъ Обществѣ не принятыхъ въ оное, даже иногда и незнавшихъ его существованія, но считаемыхъ по чему-либо въ единомысліи съ прочими, ихъ называли Друзьями.

что ему откроють, если оно будеть и не согласно съ его мнѣніемъ; по вступленіи давалъ онъ другую; сверхъ того каждая степень и даже старѣйшины имѣли свою особенную присягу. Обѣщались стремиться къ цѣли Общества, и покоряться рѣшенію Верховнаго Собора Бояръ, хотя сіе наименованіе Боярина, какъ показываетъ одинъ Князь Трубецкой, долженствовало быть тайною для Членовъ нижнихъ степеней. Боярами назвали Членовъ Коренныхъ, то есть основателей Общества, но возводили или принимали прямо въ сіе званіе и нѣкоторыхъ новыхъ. Въ то время составляли Общество : вышеименованные Александръ, Никита, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы, Павелъ Пестель, Князь Сергѣй Трубецкой, Князь Өедоръ Шаховской, Өедоръ Глинка, Новиковъ (бывшій Правителемъ Канцеляріи Малороссійскаго Генералъ-Губернатора и потомъ умершій въ отставкѣ,) Михайло Лунинъ, и еще три Члена, кои потомъ въ разныя времена удалились отъ Общества, прекратили всякія сношенія съ упорнѣйшими изъ бывшихъ товарищей своихъ и тѣмъ заслужили, при милостивомъ прощеніи Вашего Императорскаго величества, совершенное забвеніе кратковременнаго заблужденія, извиняемаго и отмѣнною ихъ молодостію. Цѣлію составленія ихъ Общества было съ самаго начала, измѣненіе Государственныхъ установленій въ Россіи : такъ показываютъ Александръ, Сергѣй, Матвѣй, Никита Муравьевы и Пестель;(1)но по чувству слабости своей и дерзости предпріятія, они, какъ

(1) Александръ Муравьевъ говоритъ, что къ свѣдѣнію о сей сокровенной цѣли Общества приготовляли нововступающихъ по-немногу: объявляли оную только Членамъ послѣдней, высшей степени.

утверждаетъ Князь Трубецкой, больше говорили о обязанности подвизаться для пользы Отечества, способствовать всему полезному, если не содѣйствіемъ, то хотя изъявленіемъ одобренія, стараться, пресѣкать злоупотребленія, оглашая предосудительные поступки недостойныхъ общей довѣренности Чиновниковъ, особенно же стараться усиливать Общество пріобрѣтеніемъ новыхъ надежныхъ Членовъ, развѣдавъ прежде о ихъ способностяхъ и нравственныхъ свойствахъ, или даже подвергнувъ ихъ нѣкоторому испытанію. Они тогда же предложили присоединиться къ нимъ Якушкину, не задолго предъ тѣмъ уѣхавшему изъ Петербурга, и Генералъ-Маіору Михайлу Орлову, который въ сіе время думалъ вмѣстѣ съ Графомъ Мамоновымъ и Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Николаемъ Тургеневымъ завести другое Общество подъ названіемъ Русскихъ Рыцарей. На совѣщаніяхъ между нимъ и Александромъ Муравьевымъ, они взаимно приглашали другъ друга въ свое Общество и не могли согласиться въ правилахъ для соединенія. Генералъ-Маіоръ Орловъ сначала, какъ онъ самъ объявляетъ, хотѣлъ составить Общество только для наблюденія за лихоимствомъ и другими безпорядками внутренняго управленія, и полагалъ испросить на то Высочайшаго одобренія; потомъ, вѣря дошедшимъ до него слухамъ, будто покойный Императоръ намѣренъ возстановить Польшу въ прежнемъ видѣ, и приписывая сіе вліянію Польскихъ Тайныхъ Обществъ, имѣлъ мысль посредствомъ своего сообщества противодѣйствовать онымъ; планъ его не исполнился и Общество имъ предполагаемое не составилось. Но и то, которое уже

было установлено, не могло хвалиться успѣхами. Нѣкоторые Члены (въ томъ числѣ Пестель) уѣхали изъ Петербурга; иные находили неопредѣлительность въ цѣли, неудобства въ исполненіи предписаній устава; другіе, особенно изъ тѣхъ, коимъ было только предложено вступить въ Союзъ, между прочими, Михайло Муравьевъ братъ Александра, Бурцовъ, Петръ Колошинъ, Якушкинъ, Фонъ Визинъ, не иначе соглашались, какъ съ тѣмъ, чтобы Общество ограничилось медленнымъ дѣйствіемъ на мнѣнія, чтобы Уставъ онаго, (по словамъ Никиты Муравьева) основанный на клятвахъ, правилѣ слѣпаго повиновенія, и проповѣдывавшій насиліе, употребленіе страшныхъ средствъ кинжала, яда, (1) былъ отмѣненъ, и вмѣсто онаго принятъ другой, коего главныя положенія заимствованы изъ напечатаннаго въ журналѣ Freywillige Blätter, Устава, коимъ будто бы управлялся Tugend-Bund. Коренные Члены Союза, бывшіе тогда въ Москвѣ съ отрядомъ Гвардіи, долго не уступали сему желанію, и замѣчательно, что во время сихъ преній, на одномъ собраніи, гдѣ находились Александръ, Никита, Сергѣй, Матвѣй Муравьевы, Якушкинъ, Фонъ Визинъ, Лунинъ и Князь Ѳедоръ Шаховской, родилась, или по крайней мѣрѣ объявлена въ первый разъ, ужасная мысль о цареубійствѣ (2). Одного Члена, Александра Муравьева, Князь Трубецкой увѣдомлялъ

(1) Это было мною написано въ подражаніи уставамъ нѣкоторыхъ Масонскихъ ложъ говоритъ Пестель.

(2) Пестель утверждаетъ, что еще прежде, въ томъ же 1817 году, Лунинъ говорилъ, что если при началѣ открытыхъ дѣй-

изъ Петербурга, „что Государь намѣренъ возвратить "Польшѣ всѣ завоеванныя нами области, и что будто "предвидя неудовольствіе, даже сопротивленіе Рус-"скихъ, Онъ думаетъ удалиться въ Варшаву со всѣмъ "Дворомъ и предать отечество въ жертву неустрой-"ствъ и смятеній." Сіе извѣстіе, столь нелѣпое, какъ по томъ признали сами Члены тогдашняго Тайнаго Общества, произвело на нихъ дѣйствіе едва вѣроятное. Они вскричали, что покушеніе на жизнь Императора есть необходимость; одинъ, (Князь Ѳедоръ Шаховской), какъ показываетъ Матвѣй Муравьевъ, полагалъ только дождаться дня, когда будетъ въ караулѣ полкъ, въ коемъ онъ служилъ (1); хотѣли бросить жеребій, и наконецъ Якушкинъ, который въ мученіяхъ несчастной любви давно ненавидѣлъ жизнь, распаленный въ сію минуту волненіемъ и словами товарищей, предложилъ себя въ убійцы. Онъ, и въ иступленіи страстей, какъ кажется, чувствовалъ, на что рѣшался: рокъ избралъ меня въ жертвы, говорилъ онъ; сдѣлавшись злодѣемъ, я не долженъ,

ствій Общества рѣшатся убить Императора, то можно будетъ для сего выслать на Царско-Сельскую дорогу нѣсколько человѣкъ въ маскахъ. Лунинъ признается, что онъ между прочимъ говорилъ это. Пестель, какъ показываетъ Матвѣй Муравьевъ, хотѣлъ набрать изъ молодыхъ отчаянныхъ людей такъ называемую cohorte perdue (обреченный на гибель отрядъ), и поручить начальство онаго Лунину, чтобъ всѣхъ изгубить, pour faire main basse sur tous. Пестель въ этомъ не сознается.

(1) Князь Ѳедоръ Шаховской, по словамъ того же Матвѣя Муравьева, изъявлялъ въ сіе время готовность на ужаснѣйшія преступленія, и другой Муравьевъ, Сергѣй, не иначе называлъ его, какъ *le tigre*; въ послѣдствіи онъ отсталъ отъ общества, и жилъ въ отдаленной отъ Столицъ деревнѣ. Предъ Коммиссіею Князь Шаховской признался только въ томъ, что онъ былъ Членомъ Тайнаго Общества.

не могу жить: совершу ударъ и застрѣлюсь. Всѣ прочіе, хотя и поздно, устрашились, или образумились, и остановили его; Генералъ-Маіоръ Фонъ-Визинъ доказывалъ, что извѣстіе, ихъ смутившее, есть безъ сомнѣнія неосновательное; съ чѣмъ послѣ и самъ Князь Трубецкой, призванный ими въ Москву для объясненій, принужденъ былъ согласиться; Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, сверхъ того въ письменномъ мнѣніи, которое прислалъ Обществу въ слѣдующій день, представлялъ, что предположенное злодѣйство будетъ безплодно: ибо Тайное Общество ихъ не имѣетъ еще средствъ онымъ воспользоваться. Якушкинъ повиновался, но обвиняя сочленовъ своихъ въ томъ, что они его побудили къ преступному, ими самими осуждаемому, намѣренію, онъ на время разорвалъ связь съ ними и Обществомъ, которое вскорѣ измѣнило свое образованіе, принявъ новое имя Союза Благоденствія и предложенный новый Уставъ, сочиненный Александромъ, Михайломъ Муравьевыми, Княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ и Петромъ Колошинымъ. (1)

Первая часть сего Устава отыскана Коммиссіею и при семъ подносится на Высочайшее усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества. Главныя черты сего законоположенія Союза Благоденствія,

(1) Не задолго предъ тѣмъ составилось подъ предсѣдательствомъ Александра Муравьева, служившее для испытанія Общество Военныхъ Людей; существованіе онаго было весьма кратковременно. Александръ Муравьевъ утверждаетъ, что онъ совсѣмъ не помнитъ сего Общества. Въ оное былъ принятъ Полковникъ Артамонъ Муравьевъ; онъ около сего времени предлагалъ Александру и Никитѣ Муравьевымъ, убить покойнаго Государя, сіе предложеніе отвергнуто первымъ, (Александромъ Муравьевымъ).

раздѣленіе, замѣчательнѣйшія мысли и самый слогъ ясно показываютъ, что оно есть подражаніе, и даже бо́льшею частію переводъ съ Нѣмецкаго. Сочинители, именемъ основателей Сообщества, объявляютъ, что одно благо отечества есть цѣль ихъ, что сія цѣль не можетъ быть противна желаніямъ Правительства, что Правительство, не смотря на свое могущественное вліяніе, имѣетъ нужду въ содѣйствіи частныхъ людей, что учреждаемое ими Общество хочетъ быть ревностнымъ пособникомъ въ добрѣ, и не скрывая своихъ намѣреній отъ гражданъ благомыслящихъ, только для избѣжанія нареканій злобы и ненависти будетъ трудиться въ тайнѣ. Они дѣлили Членовъ на четыре разряда, или отрасли; каждый долженъ былъ приписаться къ одной изъ нихъ, не отказываясь совершенно и отъ занятій по другимъ. Въ первой, предметомъ дѣятельности было человѣколюбіе, то есть успѣхи частной и общей благотворительности: она имѣла надзоръ надъ всѣми благотворительными заведеніями увѣдомляя начальство оныхъ и самое Правительство о могущихъ вкрасться въ оныя злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, равно и о средствахъ исправленія, или усовершенствованія. Во второй, умственное и нравственное образованіе, распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ, особенно Ланкастерскихъ, и вообще содѣйствіемъ въ воспитаніи юношества, равно и чрезъ примѣры доброй нравственности, разговоры и сочиненія, съ симъ и съ цѣлію Общества сообразныя. Членамъ сей 2-й отрасли порученъ былъ надзоръ за всѣми школами; они должны были питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя по воз-

можности воспитанію за границей и всякому чужеземному вліянію.—Въ третьей отрасли, вниманіе было обращено на дѣйствія Судовъ; Члены обязывались неуклоняться отъ должностей по выборамъ Дворянства и другихъ въ порядкѣ судебномъ, исправлять оныя съ усердіемъ и точностію, сверхъ того наблюдать за теченіемъ дѣлъ сего рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія Правительства. Наконецъ Члены четвертой отрасли должны были заниматься предметами относящимися къ политической экономіи: стараться изыскивать, опредѣлять непреложныя правила общественнаго богатства, способствовать разпространенію всякаго рода промышленности, утверждать общій кредитъ и противиться монополіямъ.

Членамъ не возпрещалось самимъ обращать вниманіе мѣстныхъ начальствъ на замѣчаемыя ими злоупотребленія; хотя вообще до свѣдѣнія Правительства оныя долженствовали доходить чрезъ Правленіе Союза. Вѣроятно, что для сего въ особенности, нѣкоторые, (въ томъ числѣ Михайло Муравьевъ) предлагали испросить согласія покойнаго Императора на учрежденіе ихъ Общества; но сіе предположеніе непринято прочими Членами. Образованіе онаго было слѣдующее: старѣйшіе Члены, основатели Общества, или первоначально вступившіе въ оное, составляли такъ называемый Коренный Союзъ; изъ него избирался Совѣтъ Кореннаго Союза, то есть: Блюститель и пять Засѣда-

телей, изъ коихъ одинъ, прочими, подъ руководствомъ Блюстителя, былъ назначаемъ въ Председатели, и тогда именовался Главою Союза: каждые четыре мѣсяца выходили изъ Совѣта два Засѣдателя и на мѣста ихъ поступали другіе. Блюститель смѣнялся въ концѣ года. Когда прочіе Члены Кореннаго Союза присоединялись къ Совѣту, то изъ сего образовалась Коренная Управа. Коренный Совѣтъ имѣлъ исполнительную власть въ Союзѣ, Коренная Управа законодательную, она же, какъ выше означено, избирала чиновниковъ и была верховнымъ судилищемъ въ Союзѣ. Совѣтъ могъ признать Членами, и сдѣлать своими уполномоченными, въ ихъ мѣстѣ пребыванія, людей, пользовавшихся довѣренностію Кореннаго Союза; Управа назначала еще Временную законодательную Палату, для разсмотрѣнія, поясненія и дополненія законовъ Союза, но не измѣняя цѣли онаго. Сіи, Палатою сочиненные законы, должны были съ одобренія Управы имѣть временную силу до окончательнаго утвержденія оныхъ верховнымъ Правленіемъ Союза, которое тогда только могло быть установлено, когда бы Союзъ совершенно составился.

Изъ всего означеннаго очевидно, что всѣ распоряженія въ семъ Тайномъ Обществѣ, особенно же направленіе онаго къ какой-либо цѣли, оставались въ рукахъ основателей, или Коренныхъ Членовъ. Они же были обязаны набирать новыхъ, или заводить

Управы, каждый одну. Управы были Дѣловыя, Побочныя и Главныя. Управа называлась дѣловою и получала списокъ первой части Устава, когда въ ней было не менѣе 10 членовъ; до тѣхъ поръ она считалась не дѣйствительною; однако же Коренный Союзъ имѣлъ право дѣлать исключенія изъ сего правила для скорѣйшаго распространенія Общества; всякая могла завести другую, Побочную, которая имѣла сношенія только съ нею; но если сею Побочною Управою была также заведена Управа, и въ ней находилось не менѣе 10 членовъ, то она становилась независимою отъ основавшей оную. Въ Главныя поступала та, которая завела три Побочныя, или три Вольныя Общества (такъ назывались тѣ, кои, не входя въ составъ Союза Благоденствія, могли своею особенною дѣятельностію, по литературѣ, художествамъ, и такъ далѣе, способствовать достиженію цѣли онаго,) такая Управа получала списокъ второй части Устава. Въ каждой Управѣ, для начальствованія, надзора за порядкомъ, и раздѣленія работъ, назначался посредствомъ избранія Совѣтъ изъ Блюстителя и одного или двухъ Старѣйшинъ, смотря по тому, изъ 10, или 20 членовъ была составлена Управа. Всѣ дѣла въ Управахъ и Коренномъ Союзѣ были рѣшаемы большинствомъ голосовъ: такъ же были произносимы и приговоры; имена Членовъ, заслужившихъ одобреніе Союза, выписывались въ почетную книгу, а изгоняемыхъ изъ Общества въ постыдную. Члены имѣли право выходить изъ Союза, но обѣ-

щая хранить въ тайнѣ все имъ извѣстное. Къ сему же храненію тайны обязывались тѣ, коимъ дѣлалось предложеніе вступить въ Союзъ, и повторяли свое обѣщаніе, послѣ прочтенія первой части. Обрядовъ для принятія не было: вступающій давалъ росписку, которая потомъ безъ вѣдома его сожигалась. Всякій долженъ былъ вносить въ кассу общества 25-ю долю своего годоваго дохода (1) и повиноваться законнымъ предписаніямъ Союза.

Таковы были, объявленныя въ 1-й части Устава, цѣль и правила Союза Благоденствія. Вторая часть не была сочинена, или по крайней мѣрѣ не была одобрена Коренным ъ Союзомъ; ибо написанный Княземъ Трубецкимъ проектъ оставленъ безъ вниманія, и Александръ Муравьевъ бросилъ его въ огонь съ другими бумагами въ 1822 году. Но объ оной упоминали, и быть можетъ, сверхъ приманки для любопытства, видѣли въ ней средство, когда-нибудь открыть новымъ Членамъ настоящія намѣренія основателей Общества (2). Они не строго и даже очень мало сообразовались и съ правилами въ первой части означенными. При заведеніи Управъ рѣдко былъ

(1) Сему правилу, какъ всѣ согласно показываютъ, слѣдовали немногіе. Въ Петербургѣ до 1825 года собрано не болѣе пяти тысячь рублей, которые отданы Князю Трубецкому, а имъ издержаны не на дѣла Тайнаго Общества.

(2) Сіи намѣренія не долго хранились въ тайнѣ: "сначала," говоритъ Титулярный Совѣтникъ Семеновъ, бывшій Секретаремъ Тайнаго Общества, "знали только главные, а въ послѣдствіи проникнули и другіе Члены, что цѣлію Союза было измѣненіе Государственныхъ установленій; для оной и для той, которая была объявлена въ Уставѣ, признавали равно нужнымъ усиливать Общество, распространять политическія знанія и стараться овладѣть мнѣніемъ Публики."

наблюдаемъ предположенный порядокъ; оныхъ было двѣ въ Москвѣ: 1-я подъ предсѣдательствомъ Александра Муравьева, который послѣ отставки своей жилъ тамъ нѣсколько времени; 2-я подъ предсѣдательствомъ Князя Ѳедора Шаховскаго; обѣ существовали не долго; (1) въ Петербургѣ также двѣ: у Лейбъ-Гвардіи Егерскаго Офицера Семенова и у Полковника Бурцова (2).

Члены оныхъ (3) хотя дѣлились на Управы, и собирались, гдѣ хотѣли, не соблюдая никакаго порядка. Въ Петербургѣ были заведены и Вольныя Общества, почти независимыя отъ Союза Благоденствія. Два въ Измайловскомъ полку: 1-е, учреждено Княземъ Евгеніемъ Оболенскимъ, и Коллежскимъ Ассесоромъ Токаревымъ (въ послѣдствіи умершимъ), 2-е Егерскимъ Офицеромъ Семеновымъ; то и другое существовали не долѣе трехъ мѣсяцовъ. Третье отдѣльное Общество основано Полковникомъ Глинкою, какъ показываетъ Титулярный Совѣтникъ Семеновъ, бывшій и въ прежде означенныхъ Обществахъ и Управахъ (4). Новиковъ завелъ, или по крайней мѣрѣ заводилъ, Малороссійское Общество, при Масонской ложѣ, которую называлъ мѣстомъ приготовленія; но, какъ показываетъ бывшій тогда въ Полтавѣ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, онъ только искалъ средствъ добывать деньги, и ни Общество, ни ложа его не распростра-

(1) Показаніе Семенова.
(2) Показаніе Семенова и Никиты Муравьева.
(3) Означенные поимянно въ одномъ изъ прилагаемыхъ у сего списковъ.
(4) Полковникъ Глинка не подтвердилъ сего показанія своимъ признаніемъ.

пились (1). О Пестелѣ Никита Муравьевъ говоритъ, что онъ не признавалъ новаго Союза, и дѣйствовалъ отдѣльно по другимъ правиламъ, прежде въ Митавѣ, потомъ въ Тульчинѣ; но онъ въ отвѣтахъ своихъ утверждаетъ, что имъ, какъ и другими, былъ принятъ Уставъ Союза Благоденствія, названный, по цвѣту переплета, Зеленою книгою. Впрочемъ дѣятельность сего Тайнаго Общества, какъ по всему видно, была сосредоточена въ такъ называемомъ Коренномъ Союзѣ, и сія дѣятельность всего болѣе обращалась на умноженіе Членовъ, особенно въ Петербургѣ, гдѣ была большая часть Коренной Управы (2). Однако же, если вѣрить показаніямъ одного посторонняго свидѣтеля, неподтвержденнымъ извѣтами допрошенныхъ, составлявшіе сію Управу располагались тогда дѣйствовать на общее мнѣніе, изданіемъ особеннаго дешеваго журнала, пѣсенъ, каррикатуръ, и хотѣли для того имѣть литографію за границей и тайную типографію въ отдаленной отъ столицъ деревнѣ (3).

(1) Предъ Коммиссіею было показываемо, что въ послѣдствіи, одинъ изъ принятыхъ имъ, Переяславскій Маршалъ Лукашевичъ, завелъ новое Общество Малороссійское, и что будто бы оно имѣло цѣлію отдѣленіе сего края отъ Россіи и присоединеніе онаго къ независимому Королевству Польскому. Но сіи показанія (Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ) основанныя на догадкахъ, найдены несправедливыми.

(2) Списокъ Членовъ оной также приложенъ къ сему Донесенію. Генералъ-Маіоръ Михайло Орловъ и Николай Тургеневъ, не успѣвъ въ намѣреніи завести свое Общество, вступили въ Союзъ Благоденствія; первый, какъ утверждаетъ онъ въ запискѣ поданной имъ въ Коммиссію, не прежде Іюля 1820 года, ибо ему тогда сказали Члены, что противно великодушію знать ихъ таймы, имена многихъ и нераздѣлять съ ними опасностей.

(3) Такъ говоритъ сочинитель Записки найденной въ бумагахъ

По крайней мѣрѣ достовѣрно, что между ними были разговоры и пренія, которыя инымъ могли казаться правильными совѣщаніями, о разныхъ образахъ правленія. По словамъ Полковника Пестеля и другихъ, какъ выше было означено, съ самаго учрежденія перваго Общества (Сыновъ Отечества или Союза Спасенія) обнаруживались въ основателяхъ мысли конституціонныя, но весьма неопредѣлительныя и болѣе склонныя къ Монархическимъ установленіямъ. Первую о правленіи Республиканскомъ подалъ Новиковъ своимъ проектомъ Конституціи; а въ началѣ 1820 года было, какъ показываетъ Полковникъ Пестель, въ Санктпетербургѣ собраніе Коренной Думы (или Управы), которая по Уставу имѣла въ Союзѣ власть законодательную. Въ семъ собраніи, Пестель по вызову Члена исправлявшаго должность Блюстителя (1), исчислялъ выгоды и невыгоды Правленій Монархическаго и Республиканскаго, и послѣ многихъ разсужденій собирали голоса; всѣ, утверждаетъ Пестель, объявили, что предпочитаютъ Республиканское Правленіе: (между прочими Николай Тургеневъ слѣдующими словами: un Prési-

покойнаго Императора, бывшій, какъ видно, Членомъ Союза Благоденствія. Изданіе журнала предпринималъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Николай Тургеневъ: есть нѣсколько возмутительныхъ пѣсенъ, которыя тогда были сочинены и можетъ быть распускаемы, но точно ли по предписаніямъ Тайнаго Общества, того нельзя сказать утвердительно.

(1) Одного изъ трехъ выше показанныхъ, въ послѣдствіи раскаявшихся и оставившихъ Общество.

dent sans phrase) (1); кромѣ одного Полковника Глинки, который говорилъ въ пользу Монархическаго и предлагалъ вручить скипетръ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Сіе заключеніе Коренной Управы, по увѣренію Пестеля, опредѣлено было сообщить всѣмъ другимъ, и онъ сообщилъ его Тульчинской; съ тѣхъ поръ, прибавляетъ онъ, Республиканскія мысли стали брать верхъ надъ Монархическими, хотя Члены еще говорили, что если Императоръ Александръ самъ даруетъ Россіи хорошіе, по ихъ мнѣнію, законы, то они будутъ его вѣрными приверженниками и оберегателями. Но сіи показанія Полковника Пестеля не всѣ подтверждены другими допрошенными; одинъ (Глинка) говоритъ, что все разсказываемое происходило не на правильномъ совѣщаніи, а въ обыкновенномъ разговорѣ о разныхъ политическихъ предметахъ. Фонъ-Деръ-Бригенъ утверждаетъ, что большая часть присутствовавшихъ тутъ Членовъ была не готова къ разсужденіямъ сего рода и къ объявленію какого-либо рѣшительнаго мнѣнія; что между прочими, онъ и Глинка отреклись дать свое; что Тургеневъ, вмѣсто приписываемыхъ ему словъ, сказалъ просто: "Республиканское правленіе съ Президентомъ очень "хорошо, но главное всегда зависитъ отъ устройства "въ народномъ представленіи." Титулярный Со-

(3) Объявляю безъ фразъ, что хочу Президента. Тѣ, которые предпочитали Монархическій образъ Правленія, должны были сказать, что хотятъ Монарха.

вѣтникъ Семеновъ прибавляетъ, что не было сдѣлано никакого опредѣленія, и совѣщаніе кончилось споромъ, въ коемъ Полковникъ Глинка доказывалъ, что въ Россіи не можетъ существовать никакое правленіе кромѣ монархическаго. Наконецъ ни одинъ не упоминаетъ о предложеніи касательно Императрицы Елисаветы.

Впрочемъ все происходившее на семъ совѣщаніи, какъ показываетъ Никита Муравьевъ, не имѣло никакаго вліянія на образъ мыслей и дѣйствія Членовъ вообще; не сдѣлано въ слѣдствіе того никакихъ предписаній подвѣдомственнымъ Управамъ, кромѣ Тульчинской; (1) на многихъ, бывшихъ послѣ, собраніяхъ не говорено о Республиканскомъ Правленіи, а разсуждали о перемѣнѣ образованія и ходѣ Союза Благоденствія, и самъ Пестель свидѣтельствуетъ, что отъ начала до разрушенія сего Союза, ни одно правило не было постоянно признаваемо, и часто все, единогласно рѣшенное, чрезъ нѣсколько часовъ также единогласно отмѣняли. Должно однако же замѣтить, что вскорѣ послѣ вышеописаннаго совѣщанія или разговора, нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ ономъ Членовъ опять собирались, по случайно, какъ сказываетъ Пестель, и продолжая прежнія разсужденія, одинъ (2) подалъ мысль о покушеніи на жизнь Императора Александра; Никита Муравьевъ утверждаетъ, что кромѣ его и Пестеля всѣ бывшіе съ ними

(1) Онъ и нѣкоторые другіе, (Фонъ-Деръ-Бригенъ, Колошинъ, Семеновъ) подтвердили сіе на очныхъ съ Пестелемъ ставкахъ.

(2) Пестель и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ говорятъ, что Никита Муравьевъ; а Никита Муравьевъ показываетъ, что Пестель.

Члены отвергли сіе предложеніе какъ преступное; доказывали, что неминуемымъ послѣдствіемъ такаго злодѣйства были бы всѣ бѣдствія, всѣ ужасы безначалія; Пестель отвѣчалъ, что оные могутъ быть отвращены учрежденіемъ временнаго Правленія изъ принадлежащихъ къ ихъ Тайному Обществу; на него возставали единодушно, съ жаромъ; но ужасное предложеніе, если вѣрить показанію одного Сергѣя Муравьева-Апостола, было снова сдѣлано на другомъ собраніи и принято большинствомъ голосовъ. Изъ бывшихъ на семъ послѣднемъ, онъ помнитъ только себя, Никиту Муравьева и Пестеля.

Между тѣмъ присоединеніе новыхъ Членовъ къ Союзу Благоденствія продолжалось: многіе могли быть прельщены разсѣянными въ Уставѣ, впрочемъ весьма обыкновенными филантропическими и патріотическими мыслями; другихъ завлекали побужденія дружбы, довѣренность къ нѣкоторымъ людямъ, или вліяніе моды, ибо есть мода и на мнѣнія, а симъ пользовались дѣятельнѣйшіе въ Обществѣ, возбуждая въ слабыхъ боязнь сдѣлаться смѣшными, или суетное любопытство, а иныхъ, буде вѣрить нѣкоторымъ показаніямъ, даже виды личной корысти. Но также многіе начинали чувствовать свое заблужденіе, и одинъ изъ первыхъ, Полковникъ Александръ Муравьевъ. Лучь горней благодати, говоритъ онъ, коснулся моей души омраченной, я вдругъ увидѣлъ бездну, надъ которою стоялъ съ несчастными сообщниками, и долго, въ слезахъ раскаянія, молилъ небо простить мнѣ, ихъ и мои преступле-

нія. Богъ услышалъ грѣшника; онъ въ теченіи шести лѣтъ испытывалъ меня тяжкими крестами, смертію дѣтей, страданіемъ жены, разстройствомъ имущества, наконецъ и праведнымъ гнѣвомъ Государя и карою Закона. Нѣсколько времени онъ не могъ побѣдить ложнаго стыда и только уклонялся отъ прежнихъ занятій и разговоровъ; но въ 1819 году превозмогъ себя, письменно объявилъ Коренному Союзу о своемъ мнѣніи, прося, заклиная всѣхъ послѣдовать его примѣру, отказаться отъ всякихъ противозаконныхъ предпріятій и мыслей. Ему отвѣчали увѣреніями (ложными), что они съ нимъ согласны и уничтожаютъ Общество (1). Вскорѣ послѣ того, оно и въ самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, стало приходить въ упадокъ: нѣкоторые Члены, не имѣвъ рѣшительности явно отказаться, удалялись отъ онаго, въ томъ числѣ и означенные выше, три Члена перваго Тайнаго Общества, раскаяніемъ своимъ заслужившіе совершенное отеческое прощеніе Вашего Величества: двое около 1821 года, одинъ же, хотя позднѣе, но до того разорвалъ тяготившія совѣсть его связи, что наконецъ даже избѣгалъ встрѣчи съ прежними товарищами (2).

Но на Югѣ, Полковникъ Павелъ Пестель, будучи

(1) Показаніе Титулярнаго Совѣтника Семенова.

(2) Никита Муравьевъ говоритъ, что когда какой-либо Членъ начиналъ оказывать холодность къ Обществу, то старались его увѣрить, что не онъ одинъ, а и всѣ прочіе перемѣнили образъ мыслей, что Общество распадается на части, и почти уже не существуетъ.

тогда Адъютантомъ Графа Витгенштейна и живучи въ Тульчинѣ, главной квартирѣ 2-й арміи, старался всѣми средствами распространять свои мнѣнія. Онъ внушалъ молодымъ сослуживцамъ своимъ, что воля самого Монарха (въ Бозѣ почивающаго Императора Александра) до времени только сокрываемая, есть питать идеи сего рода въ юношествѣ и войскахъ; что стремясь къ измѣненію настоящаго порядка, они будутъ содѣйствовать Ему; что въ Петербургѣ всѣ умы въ движеніи, что уже составилось многочисленное и почтенное по достоинствамъ своихъ Членовъ Сообщество, которое все готовитъ къ великой перемѣнѣ (1). Онъ принялъ многихъ въ Союзъ Благоденствія, показывая новоступающимъ первую часть Устава, но самъ часто уклонялся отъ опредѣленныхъ въ ономъ правилъ. Вліяніе его, какъ видно по единогласнымъ свидѣтельствамъ, бывало рѣдко оспориваемо близкими къ нему сообщниками; однакожъ въ исходѣ 1820 года, и между бывшими въ семъ краѣ, начали оказываться холодность, несогласія въ мнѣніяхъ, и возникали жаркіе споры на собраніяхъ, кои бывали у Пестеля и Юшневскаго (Генералъ-Интенданта 2-й арміи) имъ принятаго и до конца остававшагося въ тѣсной съ нимъ связи. Пестель предложилъ, для прекращенія разномыслія, учредить временное Диктаторство; сіе предложеніе, равно и другое, чтобы замѣнить Диктатора Тріумвиратомъ, отвергнуты, а положено быть въ Москвѣ съѣзду Депутатовъ Союза, для точнѣйшаго опредѣленія цѣли и дѣйствій онаго. Пестелю нельзя было ѣхать въ Москву;

(1) Показаніе Подполковника Комарова.

полномочными отъ его Управы назначены Полковникъ Бурцовъ и Подполковникъ Комаровъ, который замѣтивъ въ Обществѣ явную наклонность къ революціоннымъ правиламъ и даже къ предпріятіямъ противузаконнымъ, думалъ уже тогда воспользоваться долженствовавшимъ быть на семъ съѣздѣ разногласіемъ, чтобы склонить Членовъ къ уничтоженію Союза. Генералъ-Маіоръ Фонъ Визинъ пріѣзжалъ изъ Тульчина въ Петербургъ (1) для приглашенія Депутатовъ, а въ Москву отправились Николай Тургеневъ и Глинка. Кромѣ ихъ и вышепоименованныхъ, были на съѣздѣ: два брата Фонъ Визины, Генералъ-Маіоръ Орловъ, Полковникъ Граббе, Якущкинъ, (вступившій въ Союзъ Благоденствія въ 1819-мъ году,) Михайло Муравьевъ, Охотниковъ. Симъ Членамъ, на многихъ предварительныхъ собраніяхъ, Генералъ Фонъ Визинъ предлагалъ раздѣлить Общество на три разряда: 1-й, высшій, главноуправляющій и законодательствующій, Незнаемыхъ; 2-й Исполнителей: изъ онаго хотѣли отряжать Членовъ для наблюденій, разъѣздовъ, словесныхъ сообщеній, прекративъ всѣ письменныя; наконецъ 3-й, Нововводимыхъ. Тутъ опять начались несогласія и споры; предложеніе Фонъ Визина отвергали: Николай Тургеневъ (избранный Предсѣдателемъ на время съѣзда и по словамъ Комарова показывавшій себя весьма умѣреннымъ), Генералъ-Маіоръ Орловъ, Бурцовъ, Колошинъ и Комаровъ. Послѣднему Якушкинъ сказалъ однажды: Я на лицѣ твоемъ вижу, что ты измѣняешь Обществу. — Да! отвѣ-

(1) Показаніе Подполковника Комарова.

чалъ Комаровъ, если оно не войдетъ опять въ предѣлы извѣстнаго мнѣ устава.—Это невозможно. Вскорѣ за тѣмъ, Генералъ Орловъ письменно объявилъ, что онъ уже не хочетъ принадлежать къ Обществу, и остался твердъ, не смотря на убѣжденія и просьбы товарищей; а въ концѣ Февраля (1821 года) на общемъ засѣданіи, положено уничтожить Союзъ. Тургеневъ, какъ Предсѣдатель, отъ имени всѣхъ уполномоченныхъ Членовъ объявилъ прочимъ, что ихъ Сообщество разрушилось совершенно и навсегда, какъ по возникшему въ ономъ разномыслію, такъ и для того, чтобы не возбудить подозрѣній Правительства. Уставъ Союза Благоденствія и прочія бумаги сожжены; многіе Члены, въ томъ числѣ Бурцовъ и Комаровъ, искренно вѣрили и радовались уничтоженію онаго.

Но истинныя причины, побудившія сдѣлать сіе объявленіе, какъ показываютъ Якушкинъ, Фонъ-Визинъ и Никита Муравьевъ, было чувство, что Уставъ не ясно опредѣлялъ цѣль Общества, отъ чего дѣятельность онаго уменьшалась, и желаніе удалить Членовъ, кои уже хладѣли въ усердіи къ сей цѣли, или не знали оной, и по характеру своему и образу мыслей казались неспособными содѣйствовать Коренной Управѣ. Бывшіе въ Москвѣ руководители оной тогда же рѣшились, (сіе объявляютъ Генералъ Фонъ-Визинъ и Якушкинъ) со временемъ составить новое Общество и раздѣлить его на двѣ степени, съ тѣмъ, чтобы только принадлежащимъ къ первой была извѣстна настоящая цѣль онаго: готовить Россію къ из-

мнѣнію Государственныхъ установленій. Въ сію первую степень принимать не иначе, какъ по согласію Главнаго Правленія въ Петербургѣ; для принятія во вторую, нужно бы было единодушное утвержденіе Членовъ двухъ отдѣленій; оныхъ полагалось четыре: въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Смоленской Губерніи и Тульчинѣ. Якушкинъ утверждаетъ, что сіе Тайное Общество, съ названіемъ, коего онъ не помнитъ, и новымъ Уставомъ, тогда же и составилось; Генералъ-Маіоръ Фонъ-Визинъ напротивъ, что все окончилось одними предположеніями и признаніемъ нѣсколько разъ повтореннымъ, что никакая цѣль не оправдываетъ средствъ. Первый прибавляетъ, что назначенныя въ Москвѣ и Смоленскѣ отдѣленія не были учреждены.

Полковникъ Бурцовъ, вмѣстѣ съ Подполковникомъ Комаровымъ, привезъ Тульчинской Управѣ извѣстіе о разрушеніи Союза Благоденствія и долженъ былъ представить ей письменно сообщеніе отъ Предсѣдателя Московскаго съѣзда. Но уже знавъ все по слухамъ, Пестель и Юшневскій на предварительномъ совѣщаніи условились: во 1-хъ, не признавать Общества разрушеннымъ; во 2-хъ, воспользоваться симъ случаемъ чтобы удалить всѣхъ слабосердыхъ, представя имъ опасности и трудности предпріятія.

Въ слѣдствіе сего, когда по собраніи Думы Тульчинской, Бурцовъ, исполнивъ данное ему въ Москвѣ порученіе, вышелъ, а за нимъ и Комаровъ, то Юшневскій говорилъ приготовленную имъ рѣчь;

но симъ не удалилъ никого, напротивъ подстрекнулъ самолюбіе присутствовавшихъ Членовъ; Полковникъ Аврамовъ, (послѣ, какъ онъ увѣряетъ, раскаявшійся) объявилъ, что если и всѣ оставятъ *Союзъ*, то онъ не перестанетъ полагать оный *существующимъ въ немъ одномъ*; другіе также провозгласили, что Депутаты ихъ въ Москвѣ вышли изъ предѣловъ данной имъ власти, что Общество не разрушено и будетъ продолжать дѣйствовать, перемѣнивъ нѣкоторыя изъ прежнихъ правилъ. Какъ бывшіе на семъ собраніи, такъ и приставшіе вскорѣ потомъ къ ихъ мнѣнію, Пестель, Юшневскій, Аврамовъ, Вольфъ, Ивашевъ, двое Крюковыхъ, Князь Барятинской, Басаргинъ, Князь Сергѣй Волконской, Василій Давыдовъ, (вѣроятно сообразуясь съ положеніями сочиненнаго Пестелемъ Устава перваго Тайнаго Общества), приняли названіе *Бояръ Союза*(1). Они выбрали Предсѣдателями или Директорами, Пестеля, Юшневскаго, и сначала третьимъ Никиту Муравьева, ибо думали, что и онъ, не бывъ въ Москвѣ, также несогласенъ на уничтоженіе Общества. Но въ Петербургѣ, какъ утверждаетъ послѣдній (Никита Муравьевъ) "оно было по "крайней мѣрѣ совершенно разстроено: большая "часть Членовъ изъ него вышла; остававшіяся

(1) Пестель показываетъ, что *съ сего времени Члены Южнаго Общества*, или какъ онъ его называетъ, *Округа, раздѣлялись на Братій, Мужей и Бояръ. Братья не имѣли права принимать другихъ; Мужи, пользуясь симъ правомъ, должны были отъ принятыхъ ими скрывать имена прочихъ Членовъ. Бояре присоединялись къ Директоріи для рѣшеній въ важныхъ случаяхъ. Принимая новаго Члена, довольствовались его честнымъ словомъ.*

"Управы, не имѣя между собою связи, не имѣя ни-
"какого Устава и общаго управленія, не знали, чего
"хотѣли, или не могли дать себѣ отчета въ своихъ
"желаніяхъ." (I) Только въ исходѣ 1822 года, сіе Петербургское или Сѣверное Общество снова образовалось. Его раздѣлили на Убѣжденныхъ и Соединенныхъ, или Согласныхъ (2). Союзъ Убѣжденныхъ или Верхній Кругъ, составлялся изъ основателей; (3) принимали въ оный и другихъ изъ Союза Соединенныхъ, но не иначе какъ по согласію всѣхъ находящихся въ Петербургѣ Убѣжденныхъ. Сіе согласіе было нужно и для принятія какой-либо рѣшительной мѣры. Сверхъ того Верхній Кругъ имѣлъ слѣдующія права: онъ избиралъ Членовъ Думы или Совѣта управлявшаго Обществомъ; дозволялъ принятіе нововступающихъ; требовалъ отчетовъ отъ Думы. Ненаходящійся въ ономъ Членъ могъ принять не болѣе двухъ, и согласія на то испрашивалъ

(1) Титулярный Совѣтникъ Семеновъ показываетъ, что Николай Тургеневъ возвратясь изъ Москвы въ 1821 году, начиналъ изъ нѣкоторыхъ Членовъ уничтоженнаго Союза составлять новое Тайное Общество; въ оное приглашалъ прежнихъ, Князя Оболенскаго, Полковника Нарышкина и его Семенова, да принялъ Полковника Митькова, Якова Толстаго и Миклашевскаго. Вскорѣ потомъ Гвардія выступила въ походъ и дѣйствія Общества прекратились. Семеновъ не знаетъ, имѣло ли оно Уставъ; онъ прибавляетъ, что ни Тургеневъ, ни другіе Члены сего Общества не обнаруживали при немъ (Семеновѣ) злодѣйственныхъ намѣреній противъ Императорской Фамиліи.

(2) Показаніе Князя Евгенія Оболенскаго.

(3) Главными изъ сихъ основателей, или возобновителей Общества, по словамъ Никиты Муравьева, были: онъ самъ, Князь Оболенскій и Николай Тургеневъ, который однако же не участвовалъ въ принятіи новыхъ Членовъ. Въ обоихъ отдѣленіяхъ Сѣвернаго Общества, Соединенныхъ, и Убѣжденныхъ, равно какъ и въ Южномъ, Членовъ принимали безъ всякихъ обрядовъ.

чрезъ Члена, коимъ былъ самъ принятъ; сей послѣдній также, если не былъ въ числѣ Убѣжденныхъ. Сіе согласіе чрезъ такую же цѣпь доходило отъ Думы до принимающаго новыхъ Членовъ. Сихъ сначала испытывали, готовили, потомъ открывали имъ мало по-малу цѣль Тайнаго Общества, но о средствахъ для достиженія оной и о времени начатія дѣйствій долженъ былъ имѣть свѣдѣніе одинъ Верхній Кругъ. Многимъ, коихъ назначали слѣпыми орудіями, говорили только, что ихъ дѣло рубиться; нововступившіе и вообще всѣ непричисленные къ Убѣжденнымъ, знали однаго принявшаго ихъ Члена. Но сіе правило и всѣ прочія весьма не строго наблюдались (1).

Возобновивъ Тайное Общество, Начальникомъ онаго нѣсколько времени признавали одного Никиту Муравьева; потомъ въ концѣ 1823 года, рѣшась для лучшаго успѣха имѣть трехъ Предсѣдателей, присоединили къ нему Князя Сергѣя Трубецкаго, лишь возвратившагося изъ за границы, и Князя Евгенія Оболенскаго (2). Чрезъ годъ послѣ того первый отправился въ Кіевъ, и съ надеждою, что будучи въ Штабѣ 4-го Корпуса, онъ можетъ имѣть сообразное съ планами злоумышленниковъ вліяніе на войско онаго, и для того, чтобы наблюдать за Пестелемъ, коему главные дѣйствователи Сѣвернаго Общества недовѣряли, ибо по словамъ Рылѣева видѣли въ немъ хитраго властолюбца, не Ва-

(1) Показаніе Александра Бестужева.

(2) Мѣсто Правителя предлагали Николаю Тургеневу; онъ отказался за нездоровьемъ, множествомъ иныхъ занятій и худымъ успѣхомъ его Предсѣдательства въ Москвѣ.

шингтона, а Бонапарте. На мѣсто Князя Трубецкаго сдѣланъ Членомъ Директоріи или Думы Рылѣевъ который настоялъ, чтобы впредь сіи Директоры или Правители были не безсмѣнными, а избирались только на одинъ годъ.

Сношенія новаго Петербургскаго или Сѣвернаго Союза съ Южнымъ, какъ показываютъ многіе допрошенные, были довольно рѣдки и почти всегда на словахъ; Думы боялись ввѣрять письма даже Сочленамъ своимъ, ибо оныя могли по нечаянному случаю попасть въ руки постороннихъ. Сіи два Общества не соглашались во многомъ, особенно же касательно своего внутренняго устройства; но имѣли одну цѣль испровержепіе существующаго порядка, и въ обоихъ уже занимались сочиненіемъ законовъ для преобразованія Россіи. Коммиссія представляетъ на Высочайшее усмотрѣніе Вашего Величества отъисканные ею списки сихъ проектовъ, вмѣстѣ съ краткими изъ оныхъ извлеченіями (1).

(1) Одинъ проектъ Конституціи написанъ Никитою Муравьевымъ. Онъ предполагалъ Монархію, но оставляя Императору власть весьма ограниченную, подобную той, которая дана Президенту Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и дѣлилъ Россію на независимыя, соединенныя общимъ союзомъ области. Сей проектъ, по увѣренію Пестеля, служилъ только для новопринимаемыхъ Членовъ, коихъ боялись устрашить предложеніемъ учредить Республику; Никита Муравьевъ утверждаетъ, что онъ говорилъ сіе обманывая Пестеля, чтобъ не разсердить его и чтобъ Южное Общество не отдѣлилось совершенно отъ Сѣвернаго. Другая Конституція, съ именемъ Руской Правды и совершенно въ духѣ Республиканскомъ, есть сочиненіе Пестеля. Обѣ имѣютъ основаніемъ безразсудное предположеніе, что всякое Государство можетъ принимать всѣ виды, по волѣ образователей. Обѣ, даже по мнѣнію нѣкоторыхъ умнѣйшихъ Членовъ Союза, равно доказываютъ совершенное незнаніе отечественнаго края, свойствъ онаго, выгодъ и потребностей: а въ такъ названной Руской Правдѣ, сверхъ того часто обнару-

Для достиженія цѣли своей, тоже въ обоихъ думали употребить одни средства: силу, дѣйствіе войскъ, которыя надѣялись склонить къ возмущенію (1). Приготовленіемъ сихъ средствъ особенно занимались на Югѣ, въ нѣкоторыхъ полкахъ 1-й и 2-й Арміи. Тамъ, какъ показываетъ Капитанъ Майборода, Полковникъ Пестель, то ласкалъ рядовыхъ, то вдругъ, когда ожидали покойнагаго Императора въ Армію, подвергалъ ихъ жестокимъ и вѣроятно незаслуженнымъ наказаніямъ. "Пусть думаютъ,

живается едва вѣроятное и смѣшное невѣжество. Редакторъ раздѣляя Имперію на большія области и отторгая отъ оной почти всѣ присоединенныя отъ Польши, именуетъ Лифляндію, Эстляндію, Курляндію, и Губерніи Новгородскую и Тверскую, Холмогорскою областію, а Губерніи Архангельскую, Ярославскую Вологодскую, Костромскую и Пермскую, областію Сѣверскою или Сѣверянскою. По его плану Временное Правленіе долженствовало служить переходомъ отъ Самодержавія къ Республикѣ, и первою мѣрою сего Правленія было бы запрещеніе Тайныхъ Обществъ и заведеніе искуснаго, дѣятельнаго шпіонства, съ тѣмъ, чтобы шпіонами были люди умные и самой чистой нравственности. Временное Правленіе долженствовало также основать новое Іудейское Царство, изъ находящихся въ Польшѣ и Россіи Жидовъ. Ихъ будетъ два милліона, говоритъ Пестель (въ томъ числѣ женщины, старики, дѣти); они даже и безъ вспомогательнаго войска могутъ легко пройти сквозь всю Европейскую Турцію и выбравъ мѣсто на берегахъ малой Азіи завести свое независимое Государство. Юшневскій поправлялъ только слогъ сего Пестелева сочиненія. Кромѣ сихъ, найдены еще два проекта Конституціи: одинъ не полный въ бумагахъ Князя Трубецкаго; онъ не что иное, какъ списокъ Конституціи Муравьева, съ весьма неважными перемѣнами: другой, Государственный Завѣтъ, у Сергея Муравьева-Апостола; сей послѣдній есть сокращеніе Пестелева проекта.

(1) По всему видно, что сія мысль родилась въ нихъ не прежде 1821 года и вѣроятно въ слѣдствіе бывшихъ не задолго предъ тѣмъ революцій въ Испаніи, Неаполѣ и Піемонтѣ. Иные, говоритъ Пестель, полагали, что возмущеніе должно быть въ Петербургѣ; другіе, что надобно начать въ Арміи, идти на Москву и тамъ принудить Сенатъ провозгласить перемѣну, установить новый образъ Правленія.

"говорилъ, что не мы, а высшее началь-
"ство и самъ Государь причиною излишней строгости." Подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, также всячески, и въ Черниговскомъ, и въ другихъ полкахъ 9-й Дивизіи, старался привязывать къ себѣ солдатъ, въ томъ числѣ выписаныхъ изъ прежняго Семеновскаго полка; внушалъ имъ мысли о возможности и близости всеобщей перемѣны, требуя обѣщанія, за нимъ во всякомъ случаѣ слѣдовать.

Дѣйствія сего Тайнаго Общества (Южнаго) уже не ограничивались умноженіемъ Членовъ; оныя съ каждымъ днемъ болѣе принимали характеръ рѣшительнаго заговора противъ власти законной, и скоро на совѣщаніяхъ стали обнаруживаться въ часто повторяемыхъ предложеніяхъ злодѣйскіе, страшные умыслы. Въ Тульчинской думѣ первенствовалъ, какъ и прежде, Полковникъ Пестель; его Сочленомъ въ оной, всегда согласнымъ хотя по наружности недѣятельнымъ, былъ Юшневскій; отъ нихъ зависѣли всѣ составлявшіе Южное Общество, одни непосредственно, другіе чрезъ подвѣдомственныя Думѣ двѣ Управы: Каменскую или Правую, гдѣ засѣдали Давыдовъ и Князь Сергѣй Волконской, и Васильковскую или Лѣвую, въ коей начальствовали Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ: (первый, Муравьевъ, послѣ сдѣланъ и третьимъ Членомъ Думы) (1). Въ Генварѣ 1823 года были въ Кіевѣ собраны

(1) Въ послѣдствіи, они отдѣлили Тульчинскую Управу отъ Думы или Директоріи, сдѣлавъ въ оной Начальникомъ Князя Барятинскаго. Сіи Управы иногда, по крайней мѣрѣ на Французскомъ, назы-

Начальства всѣхъ Управъ, Пестель, Юшневскій, Василій Давыдовъ, Князь Сергѣй Волконской, Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ: они читали отрывки Пестелевой Русской Правды, и сдѣланъ вопросъ: при введеніи нашихъ законовъ, какъ быть съ Императорскою фамиліею? Истребить ее, сказалъ Пестель; съ нимъ согласились Юшневскій, Давыдовъ, Волконской; но Бестужевъ-Рюминъ думалъ удовольствоваться смертію одного Императора, (прочихъ Членовъ Царственнаго Дома предполагали, какъ показываетъ Пестель, вывезти за границу, употребивъ къ тому Кронштатскій Флотъ); Сергѣй Муравьевъ на сей разъ противился вообще ихъ мнѣнію, онъ не хотѣлъ Цареубійства. Кончили тѣмъ, что хотя большинство голосовъ на сторонѣ Пестеля, но нельзя дозволить, чтобы шесть человѣкъ рѣшили вопросъ столь важный. Бестужевъ-Рюминъ послѣ прислалъ къ Юшневскому рѣчь, въ коей осуждалъ намѣреніе сообщниковъ своихъ, доказывая, что Члены Императорской Фамиліи по совершеніи революціи не будутъ опасны; „ чего, говорилъ онъ, могутъ еще „ пожелать Русскіе, когда мы устроимъ для нихъ „ хорошее Правленіе, когда мы дадимъ имъ му„ дрые законы?" (1) Но не смотря на изъявленное въ семъ случаѣ, искреннее, или притворное несо-

вались Вентами или Вендитами, въ подражаніе Италіанскимъ Карбонарамъ. Управа Каменская, буде вѣрить показанію Давыдова, основана лишь въ 1824 году; но Начальники оной, Князь Волконской и Давыдовъ, были уже и прежде въ числѣ Главныхъ Членовъ Южнаго Общества.

(1) Сей отрывокъ рѣчи Бестужева на Французскомъ въ его отвѣтахъ.

гласіе, Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ въ томъ же 1823 году при свиданіи съ Начальниками другихъ Управъ, Пестелемъ, Княземъ Сергѣемъ Волконскимъ, Давыдовымъ, въ деревнѣ Каменкѣ, одобрили ихъ предложеніе, истребить весь Императорскій Домъ. Князь Сергѣй Волконскій утверждаетъ, что оно даже и возобновлено Муравьевымъ: а въ 1824, Бестужевъ писалъ въ Варшаву, (сіе письмо не доставлено Княземъ Волконскимъ), требуя смерти Государя цесаревича Константина Павловича, отъ Членовъ Тайнаго Общества, съ коимъ онъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ вступилъ въ сношенія и связи.

Открытіе сего Польскаго Тайнаго Общества и переговоры съ нимъ принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ дѣйствіямъ Южной Директоріи. Бестужевъ-Рюминъ извѣстилъ ее о существованіи онаго; ему же дано порученіе сдѣлать условія съ повѣренными сего Общества, коего цѣлію было отдѣленіе отъ Россіи, независимость Польши въ ея прежнемъ видѣ. Условія вскорѣ сдѣланы, Бестужевымъ-Рюминымъ съ одной стороны, а съ другой Крыжановскимъ. Южное Общество обѣщало признать независимость Польши, возвратить ей завоеванныя области, еще не совсѣмъ слившіяся съ Россіею, (qui ne sont pas encore russifiés), между прочими, область Бѣлостокскую, Губернію Гродненскую, часть Виленской, Минской и Подольской, съ наблюденіемъ однако же нужныхъ для обороны выгодъ при постановленіи новыхъ границъ; обѣщало покровительствовать въ Россіи Полякамъ и стараться искоренять взаимную нелюбовь обѣихъ націй; а Об-

щество Польское обязывалось употребить средства дѣйствительнѣйшія, какого бъ ни были они рода, чтобы препятствовать Государю Цесаревичу пріѣхать въ Россію, когда начнется революція, и съ своей стороны, приступивъ въ то же время къ возмущенію, идти на Литовскій Корпусъ, если онъ не пристанетъ къ нимъ, обезоружить его и учредить въ Польшѣ Республиканскій образъ Правленія. Сверхъ того хотѣли взаимно сообщать одно другому нужныя и вообще важныя свѣдѣнія, но съ тѣмъ, чтобы сношенія происходили не между простыми Членами, а чрезъ особыхъ Коммисаровъ; сими Коммисарами назначены Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, Гродецкій и Чаркосскій. Въ послѣдствіи Пестель самъ и Князь Сергѣй Волконскій входили въ новые переговоры съ Депутатами Польскаго Общества, Яблоновскимъ и Гродецкимъ (1). Пестель признается, что обѣщалъ независимость Польшѣ, но утверждаетъ что не сказалъ ничего положительнаго о возвращеніи завоеванныхъ областей, хотя и видно по картѣ Россіи имъ сочиненной и приложенной къ проекту конституціи (Русской Правдѣ), что онъ въ своихъ планахъ отъ состава Имперіи отдѣлялъ всѣ означенныя Бестужевымъ части прежней Польши, и хотя на совѣщаніяхъ съ нѣкоторыми Петербургскими Членами, (такъ показываетъ Никита Муравьевъ), на упрекъ за сіе намѣ-

(1) Гродецкій, по желанію Полномочныхъ Южнаго Общества, взялся предложить Варшавской Директоріи, чтобы съ Его Высочествомъ Цесаревичемъ было поступлено точно такъ въ Польшѣ, какъ съ прочими Членами Императорской Фамиліи поступятъ въ Россіи: онъ надѣялся что Директорія согласится. (Показаніе Бестужева-Рюмина).

реніе, ему и Давыдову, они оба отвѣчали: "какъ "быть! слово уже дано, и на то была воля Южна"го Общества." Сіи сношенія съ Обществомъ Польскимъ, кажется, не имѣли дальнѣйшихъ послѣдствій; повѣренные онаго требовали отъ Пестеля, чтобы онъ далъ имъ узнать важныхъ людей въ Государствѣ, участвующихъ въ заговорѣ противъ настоящаго порядка, обѣщая съ своей стороны наименовать и сблизить съ ними такихъ же. Пестель былъ принужденъ отвѣчать не ясно, ибо не могъ назвать никого; Поляки охолодѣли, но связи ихъ съ Южнымъ Обществомъ не совершенно прекратились, ибо опредѣлено было обоюднымъ уполномоченнымъ съѣхаться опять въ Кіевѣ, въ Генварѣ 1826 года. Впрочемъ все сіе долженствуетъ быть точнѣе объяснено производящимся въ Варшавѣ слѣдствіемъ.

Не за долго до сихъ странныхъ сношеній, въ коихъ частные люди своевольно располагали достояніемъ Отечества и судьбою правительствъ и народовъ, Управа Васильковская, то есть Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, замышляли начать мятежническія дѣйствія въ 9-й дивизіи, которая тогда была собрана въ лагерѣ при Бобруйскѣ, ожидая прибытія покойнаго Государя и Вашего Императорскаго Величества. Они хотѣли, (оба въ томъ согласно признаются) въ положенный день, или ночь, съ помощію нѣсколькихъ сообщниковъ одѣтыхъ въ мундиры солдатъ полка, коимъ начальствовалъ единомышленникъ ихъ Полковникъ Швейковскій, овладѣть Государемъ и Вашимъ Величествомъ; также взять подъ стражу Генералъ-Адъютанта Барона Дибича,

произвести бунтъ въ лагерѣ и оставя гарнизонъ въ крѣпости, (которая, говорятъ они, могла въ неудачѣ служить для нихъ убѣжищемъ) идти на Москву, возмущая на пути и присоединяя къ себѣ другія войска. Но, какъ извѣстно уже Вашему Величеству и Коммиссіею неоднократно было замѣчено, всѣ покушенія и планы злоумышленниковъ равно очевидно ознаменованы и нетерпѣливостію страстей, и ничтожностію средствъ: обманывая на сей счетъ другъ друга, по всегдашнему обыкновенію въ заговорахъ, они часто были сами ослѣплены своими вымыслами, и лишь въ минуты, назначенныя для совершенія предпріятія, узнавали свою слабость. Такъ было и въ семъ случаѣ: Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, думавъ возмутить цѣлой корпусъ войскъ, скоро увѣрились, что въ ономъ могли имѣть только двухъ пособниковъ: Полковника Швейковскаго и Подполковника Норова. Въ слѣдствіе того положили: 1-е, Бестужеву ѣхать въ Москву, узнать, что тамъ дѣлаютъ настоящіе или бывшіе Члены Тайнаго Общества, пригласить ихъ, именно Михайла Муравьева и Михайла Фонъ Визина, къ участвованію въ новыхъ планахъ, и для исполненія оныхъ привезти нѣсколько молодыхъ людей въ Бобруйскъ; 2-е, требовать мнѣнія и помощи Пестеля чрезъ Василья Давыдова, котораго за тѣмъ звали къ себѣ въ лагерь. Давыдовъ не пріѣхалъ и не отвѣчалъ; Бестужевъ нашелъ въ Москвѣ только Ивана Фонъ-Визина и Якушкина, которые отказались отъ всякаго содѣйствія, и начальники Васильковской Управы остались при одномъ злодѣйственномъ умыслѣ. Пестель утверждаетъ, что онъ удержалъ

ихъ; но сему нельзя вѣрить, ибо изъ показаній Бестужева-Рюмина (1) видно, что въ Апрѣлѣ слѣдующаго 1824 года составленъ планъ другаго и еще болѣе преступнаго покушенія, имъ Пестелемъ, Бестужевымъ-Рюминымъ, Сергѣемъ Муравьевымъ, двумя Поджію, Давыдовымъ и Швейковскимъ. Полагали, ошибочно, что покойный Государь Императоръ будетъ въ семъ году осматривать войска 3-го Корпуса при мѣстечкѣ Бѣлая Церковь, и заговорщики рѣшили, что въ первую ночь послѣ пріѣзда Его Величества въ павильйонъ парка Александріи, при смѣнѣ караула, нѣсколько одѣтыхъ въ солдатскіе мундиры Офицеровъ, (въ томъ числѣ разжалованныхъ,) коихъ они считали готовыми на злодѣйство, ворвутся въ комнаты Государя и умертвятъ его (2). Тогда же Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Швейковскій и Тизенгаузенъ должны были произвести возмущеніе въ лагерѣ, идти на Кіевъ и на Москву. Муравьевъ думалъ изъ Кіева отправиться въ Петербургъ, дѣйствовать на Сѣверное Общество, и съ нимъ Бестужевъ опредѣлялъ себя въ начальники Черниговскаго полка. Но смотра не было; потому даже не сдѣлано предложенія назначаемымъ въ убійцы (3) и можетъ быть нерожденнымъ для злодѣйства офицерамъ и рядовымъ: по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ, Жуковъ, выписанный изъ Гвардіи, говорилъ послѣ: (такъ свидѣтельствуетъ Бес-

(1) Также Поджіо, В. Давыдова и Сергѣя Муравьева.

(2) Швейковскій утверждаетъ, что по его мнѣнію должно было только арестовать Государя.

(3) Сихъ только они между собою называли заговорщиками, другихъ же соумышленниковъ революціонерами.

тужевъ - Рюминъ,) "знаю, что для успѣха намъ "нужна смерть Государя; однако жъ если жребій "велитъ мнѣ быть исполнителемъ ужаснаго при"говора, то я самъ себя лишу жизни."

Но исполненіе сихъ преступныхъ намѣреній только-что отлагалось; оно, какъ явствуетъ изъ множества показаній, было постоянною мыслію руководителей Южнаго Тайнаго Общества. Уже въ 1821 году, по свидѣтельству Ротмистра Ивашева, вскорѣ послѣ возобновленія Союза на Югѣ, въ одномъ собраніи, гдѣ находились Пестель, Юшневскій, Аврамовъ, Ивашевъ, Князь Барятинской, Вольфъ, Крюковы 1-й и 2-й и Басаргинъ, Члены провозгласили торжественно, что цѣль ихъ есть измѣненіе существующаго въ Государствѣ порядка, во что бы ни стало, предполагая не только упраздненіе Престола, но истребленіе всѣхъ лицъ, кои могли бы тому препятствовать; средства къ сему предоставляли избрать Директорамъ, Пестелю и Юшневскому, и для того вручали имъ власть неограниченную (1). Въ другомъ засѣданіи, при Юшневскомъ, Аврамовѣ, Ивашевѣ, двухъ Крюковыхъ, Князѣ Барятинскомъ и Штабъ-Лѣкарѣ Вольфѣ, (который показываетъ сіе,) Пестель требовалъ рѣшительнаго утвержденія плана его, ввести въ Россіи Республиканскій образъ Правленія посредствомъ вооруженной силы и

(1) На очныхъ ставкахъ, подтвердивъ показаніе Ивашева, нѣкоторые, (Юшневскій, Басаргинъ, Князь Барятинской и Крюковъ 2-й,) прибавили, что сіе происходило въ томъ самомъ засѣданіи, въ коемъ положено было непризнавать Общества разрушеннымъ.

упразднить царствующій домъ: Члены изъявили согласіе. Въ 1822 году Князь Барятинской принимая въ общество Полковника Фалленберга, взялъ съ него клятву жертвовать всѣмъ и даже покуситься на жизнь Императора. (1) Въ 1823 году младшій изъ братьевъ Поджіо (2) вступивъ въ Союзъ, нашелъ что всѣми (Южными) Управами положено было имѣть цѣлію установленіе Республики, но изъ осторожности не вдругъ открывать сіе нововводимымъ. Въ семъ же году Поджіо видѣлъ въ Петербургѣ Князя Барятинскаго и письмо, которое онъ привозилъ отъ Пестеля къ Никитѣ Муравьеву. Пестель спрашивалъ о числѣ Членовъ, силѣ, успѣхахъ Сѣвернаго Общества: готовы ли въ Петербургѣ къ возмущенію? и прибавлялъ: les demi mesures ne valent rien, ici nous voulons avoir maison nette; (слабыя мѣры ни къ чему негодятся; мы, здѣшніе, думаемъ все до-чиста искоренить). Какъ, вскричалъ Никита Муравьевъ, они тамъ Богъ вѣсть что затѣяли: хотятъ всѣхъ. Князь Барятинской требовалъ рѣшительнаго отвѣта: Никита Муравьевъ объявлялъ, что ихъ намѣреніе начать съ обращенія умовъ, (commencer par la propagande;) но имъ (Никитою Муравьевымъ,) какъ утверждаетъ въ своихъ показаніяхъ Поджіо, иные въ Петербургѣ тогда были недовольны, хуля его за медлительность, бездѣйствіе, холодность. Въ числѣ тѣхъ, кои желали

(1) Показаніе Фалленберга, и Князь Барятинской сознался въ этомъ на очной съ нимъ ставкѣ.

(2) Показаніе самого Поджіо.

скорыхъ мѣръ не ужасаясь злодѣйства, Поджіо именуетъ: Митькова, который на свиданіи у Оболенскаго сказалъ ему: я съ вашимъ мнѣніемъ (о погубленіи всей Императорской Фамиліи) согласенъ совершенно до корня; (1) Князя Валеріяна Голицына, повторившаго слова Митькова; (2) Рылѣева, исполненнаго отваги, какъ говоритъ показатель, но хотѣвшаго дѣйствовать и на умы, сочиненіемъ возмутительныхъ пѣсенъ и Катихизиса свободнаго человѣка; (3) наконецъ и Матвѣя Муравьева-Апостола (4). Поджіо представляетъ его однимъ изъ жаркихъ приверженниковъ Пестеля и Республиканскаго Правленія, готовымъ произнести смертный приговоръ всему Царствующему Дому, только съ тѣмъ, (сію мысль, по другимъ показаніямъ, имѣли и братъ его Сергѣй, и Бестужевъ-Рюминъ, и Пестель), чтобы злодѣйство ими внушенное казалось дѣломъ другихъ, послѣдствіемъ заговора составленнаго внѣ ихъ Тайнаго Общества, и чтобы они могли избѣгнуть

(1) Митьковъ сознавался въ томъ на очной ставкѣ съ Поджіо: послѣ онъ опять началъ запираться.

(2) Онъ однакожъ въ этомъ не признается.

(3) Рылѣевъ только думалъ кончить сей Катихизисъ свободнаго человѣка, начатый Никитою Муравьевымъ, но не успѣлъ. Въ сочиненіи возмутительныхъ стиховъ и пѣсни онъ признался.

(4) Самъ Матвѣй Муравьевъ въ одномъ изъ послѣднихъ отвѣтовъ своихъ утверждаетъ, что сверхъ названныхъ Подполковникомъ Поджіо, сіе мнѣніе, (объ истребленіи Императорской Фамиліи,) раздѣляли въ Петербургѣ еще многіе изъ Членовъ, и въ томъ числѣ главныхъ, Сѣвернаго Общества. Нѣкоторые признали справедливость сего показанія, какъ сіе подробно означено въ особыхъ о каждомъ запискахъ; о другихъ онъ самъ объявилъ послѣ, что не говорилъ съ ними о томъ: противились же сему мнѣнію, какъ показываетъ онъ, Князь Трубецкой, и Никита

отъ кары праведнаго всеобщаго омерзѣнія (1). Но сіи мнѣнія Матвѣя Муравьева значительно измѣнились въ теченіи слѣдующаго года; ибо въ найденномъ между бумагами брата его Сергѣя письмѣ (отъ 3-го Ноября 1824) онъ напротивъ изъявляетъ благоразуміе, старается удержать брата отъ всякихъ покушеній, доказываетъ ему, если не беззаконность, то по крайней мѣрѣ безрасудность предпріятія и невозможность успѣха: "Духъ въ Гвардіи, пишетъ онъ, и "вообще въ войскахъ и народѣ совсѣмъ не "тотъ, какой мы предполагали. Государь и Вели"кіе Князья любимы; они съ властію имѣютъ "и способы привязывать къ себѣ милостями; а мы, "что можемъ обѣщать, вмѣсто чиновъ, денегъ и "спокойства? Метафизическія разсужденія о поли"тикѣ и двадцати-лѣтнихъ Прапорщиковъ въ Пра"вители Государства. Изъ Петербургскихъ умнѣй"шіе начинаютъ видѣть, что мы обманываемся и "обманываемъ другъ друга, твердя о нашихъ силахъ: "въ Москвѣ я нашелъ только двухъ Членовъ, кото"рые сказали мнѣ: здѣсь ничего не дѣлаютъ, да "и дѣлать нечего (2)."

Муравьевъ; онъ приводитъ слова послѣдняго: *je vais dire à ces Messieurs, que la famille Impériale est sacrée* (я объявлю этимъ господамъ, что Императорская Фамилія должна быть священна).

(1) Пестель, если вѣрить словамъ Никиты Муравьева, думалъ даже сихъ заговорщиковъ-убійцъ имъ возбужденныхъ немедленно казнить смертію, и такимъ образомъ, будто бы отмщая за Императорскую Фамилію, отклонить отъ своего Общества всякое подозрѣніе въ участіи. На очной ставкѣ съ Никитою Муравьевымъ, Пестель не признался въ семъ послѣднемъ намѣреніи.

(2) Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ показываетъ въ своихъ послѣднихъ отвѣтахъ, что онъ былъ въ необыкновенномъ расположеніи души, когда видѣлся съ Поджіо въ Петербургѣ: долго не получая извѣстій о братѣ своемъ Сергѣѣ, онъ вообразилъ что заговоръ открытъ и братъ его

По всему видно, что и дѣятельнѣйшіе въ Тайномъ Обществѣ точно не стыдясь обманывали другъ друга. Такъ, Генералъ-Маіоръ Князь Сергѣй Волконской сообщалъ Пестелю, что онъ подговоритъ многихъ Офицеровъ изъ всѣхъ полковъ 19-й дивизіи, за исключеніемъ лишь полка его личнаго непріятеля Бурцова; называлъ нѣкоторыхъ, будто бы принятыхъ имъ или приготовленныхъ, и послѣ долженъ былъ признаться, что все было имъ вымышлено, изъ тщеславія, для доказательства его преступнаго усердія. Такъ, они говорили въ Южномъ Обществѣ, что ихъ главныя силы на Сѣверѣ и тамъ должно начаться дѣйствіямъ, а въ Петербургѣ, что все готово на Югѣ; утверждали иногда, что Москва рѣшитъ дѣло, а въ Москвѣ не было уже и Управы, и очень мало Членовъ, большею частію отставшихъ отъ Союза; говорили также, и также ложно, что есть Тайныя Общества на Кавказѣ и въ Харьковѣ, послѣднее будто бы подъ начальствомъ Графа Якова Булгари. Но то же самое чувство тщеславія недопускало ихъ, ни сердиться за обманъ, ни при-

подъ стражею. "Терзаемый горестію, страхомъ, говоритъ онъ, я въ " безуміи хотѣлъ мести, хотѣлъ самъ покуситься на жизнь Государя " и объявлялъ о своемъ намѣреніи Кавалергардскимъ Офицерамъ, " Вадковскому, Свистунову, Артамону Муравьеву." Первый думалъ для сего употребить бывшее у него духовое ружье; послѣдній назначалъ день, когда его эскадронъ будетъ въ караулѣ. Но Матвѣй Муравьевъ, узнавъ, что братъ его свободенъ, успокоился и оставилъ мысль о злодѣйственномъ покушеніи. Вскорѣ послѣ того, одинъ изъ вышеупомянутыхъ Офицеровъ, (Федоръ Вадковскій) предполагалъ, между прочими способами для исполненія повелѣній ихъ Общества, убить Покойнаго Императора и всѣхъ Членовъ Его августѣйшей фамиліи, на какомъ нибудь большомъ придворномъ балѣ и тутъ же провозгласить установленіе Республики. Подпоручикъ Кривцовъ и Корнетъ Александръ Муравьевъ говорятъ, что находя сіе предположеніе нелѣпымъ, сочли его за шутку.

знаваться въ перемѣнѣ образа мыслей. Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, послѣ означеннаго выше письма къ брату, въ коемъ онъ сверхъ того изъявлялъ весьма невыгодное мнѣніе о Пестелѣ, послѣ разговора въ томъ же духѣ съ пріѣзжавшимъ къ нему въ деревню Маіоромъ Лореромъ, вдругъ снова началъ увѣрять Пестеля въ привязанности къ нему, во рвеніи къ успѣху его плановъ. (1) Сей послѣдній; (Пестель,) какъ свидѣтельствуютъ Никита Муравьевъ, другіе допрошенные и самый ходъ происшествій, былъ въ Южномъ Обществѣ не только Директоромъ, но полнымъ властелиномъ; большая часть Членовъ слѣпо ему вѣрила; иные, въ томъ числѣ начальникъ одной изъ Управъ, Князь Сергѣй Волконской, не знавъ его проекта Конституціи, хотѣли всѣмъ жертвовать для введенія предположеннаго въ ней образа Правленія. (2) Впрочемъ, по нѣкоторымъ показаніямъ, онъ часто дѣйствовалъ такъ, чтобы его мысли и намѣренія были предложены не имъ и даже казались не его внушеніемъ. Подполковникъ Поджіо встрѣтился съ нимъ въ первый разъ осенью 1824 года. Пестель зналъ, что онъ Членъ ихъ Общества, зналъ, что онъ изъ такихъ, коихъ по словамъ его не было нужды пришпоривать, но сперва говорилъ очень осторожно, только искалъ плѣнить его умомъ, велерѣчіемъ, лестью; много

(1) Уступая просьбамъ брата, какъ онъ утверждаетъ; даже письма его къ Пестелю сочинены не имъ, а братомъ его Сергѣемъ и Бестужевымъ-Рюминымъ.

(2) Князь Сергѣй Волконской говоритъ самъ, что онъ видѣлъ только небольшіе отрывки Пестелевой Руской Правды и что главнѣйшія основанія оной были ему вовсе неизвѣстны.

разсуждалъ о различныхъ формахъ Правленія, начавъ отъ Нимврода, и особенно охуждалъ наслѣдственный въ Монархіяхъ порядокъ; но когда Поджіо, въ восторгѣ, который въ другомъ случаѣ можно бы назвать дѣтскимъ, вскричалъ: должно признаться, что всѣ жившіе до насъ ничего не разумѣли въ Государственной Наукѣ; они были ученики, и наука въ младенчествѣ: то онъ сталъ мало по-малу намѣкать о томъ, что для торжества ихъ идей нужны усилія, жертвы: отвѣтъ, уже воспламененнаго до бѣшенства и нынѣ горько раскаявшагося Поджіо, былъ готовъ: принесемъ на жертву всѣхъ; тогда Пестель сжавъ руку, сказалъ: давай считать ихъ по пальцамъ; для удара я готовлю двѣнадцать удальцовъ: Барятинской уже набралъ нѣкоторыхъ. Дошедши до царственныхъ особъ женскаго пола, онъ на минуту остановился: знаешь ли, Поджіо, что это ужасно! и однако жъ заключилъ свой страшный счетъ числомъ 13-ть, прибавя: если убивать и въ чужихъ краяхъ, то конца не будетъ, у всѣхъ Великихъ Княгинь есть дѣти: довольно объявить ихъ лишенными правъ на Царство; и кто захочетъ Престола облитаго кровью? Но Пестель самъ, какъ показываетъ его сообщникъ-обвинитель, хотѣлъ для себя, по крайней мѣрѣ власти Царской. "Кто же, спрашивалъ онъ у Поджіо, "будетъ главою Временнаго Правительсшва?—Ко-"му быть кромѣ того, кто начинаетъ и безъ сомнѣ-

" нія совершитъ великое дѣло революціи, кромѣ
" Васъ?—Не ловко мнѣ, нося имя не Русское.—
" Что нужды! Вы уймете самое злорѣчіе, удалясь
" какъ Вашингтонъ въ среду простыхъ гражданъ:
" вѣдь Временное Правительство недолго будетъ
" дѣйствовать, годъ, много два.—О, нѣтъ! возразилъ
" Пестель, не менѣе десяти лѣтъ, они необходимы
" для однихъ предварительныхъ мѣръ; между тѣмъ
" чтобы не роптали, можно занять умы внѣшнею
" войною, возстановленіемъ древнихъ Республикъ
" въ Греціи. А окончивъ великій подвигъ, я заклю-
" чусь въ Кіевской Лаврѣ, буду схимникомъ и
" тогда примусь за вѣру." (1)

Ослѣпляя такимъ образомъ людей незрѣлаго ума въ своемъ непосредственномъ кругу, заражая или по крайней мѣрѣ укореняя въ ихъ сердцахъ беззаконныя и безчеловѣчныя намѣренія, Директоръ Южнаго Тайнаго Общества продолжалъ стараться и о томъ, чтобы распространить свое вліяніе на Сѣверную Думу (2). Князь Сергѣй Волконской, Давы-

(1) Пестель, также по свидѣтельству Поджіо, говорилъ и о людяхъ, коихъ намѣренъ былъ употребить, щедро обѣщая своимъ соумышленникамъ Министерства и всѣ важныя мѣста въ Государствѣ; о предателяхъ сказалъ, что имена ихъ записаны въ черную книгу и обречены мщенію, кинжаламъ, aqua tophana, и проч. и проч. Послѣ, когда Василій Давыдовъ спросилъ у него при Поджіо: знаешь его и мое мнѣніе? всѣхъ! то онъ отвѣчалъ, усмѣхаясь: Да! Поджіо ужасный человѣкъ. На очной ставкѣ Пестель призналси, что имѣлъ съ нимъ означенный выше разговоръ, но прибавя: безъ театральныхъ движеній, и мнѣ ни какой нужды не было воспламенять Поджіо; я нашелъ его готовымъ на все.

(2) Тѣми же средствами: ласкательствомъ; однажды въ разговорѣ съ Рылѣевымъ, какъ сей показываетъ, Пестель, чтобы привязать къ себѣ сего тогда новаго Члена и узнать его образъ мыслей, изъявлялъ попеременно разныя политическія мнѣнія: онъ

довъ, Швейковскій пріѣзжали въ Петербургъ, (первый два раза), съ предложеніемъ соединить оба Общества, дѣйствовать вмѣстѣ, стремиться къ одной, опредѣленной Южными Членами, цѣли. Въ 1824 году былъ и самъ Пестель.—Онъ возвратясь на Югъ, увѣрялъ,что привелъ все въ желанный имъ порядокъ; что Общества Южное и Сѣверное соединились; что сначала ему противились во многомъ, и однажды онъ въ нетерпѣніи ударивъ по столу, сказалъ: такъ будетъ же республика; что наконецъ всѣ согласились съ его мнѣніемъ и видами. Но Члены Петербургскаго Общества показываютъ другое; Рылѣевъ утверждаетъ, что они думали соединиться съ Южнымъ для того единственно, чтобы надзирать за Пестелемъ и противодѣйствовать ему; что сего къ сожалѣнію не могли сдѣлать; а по словамъ Никиты Муравьева, Пестель послѣ пріѣзда въ Петербургъ на собраніи при Князѣ Трубецкомъ, Оболенскомъ, Николаѣ Тургеневѣ, Рылѣевѣ, Матвѣѣ Муравьевѣ-Апостолѣ, жаловался на недѣятельность Сѣвернаго Общества, на недостатокъ единства точныхъ правилъ, на различіе устройствъ

былъ, говоритъ Рылѣевъ, и Гражданиномъ Сѣверо-Американскимъ, и защитникомъ то Государственнаго Устава Англіи, то Конституціи Испанской, и Террористомъ и Наполеонистомъ. Между прочимъ сказавъ, что и богатствомъ и силой, и славой, Англія обязана своимъ законамъ, онъ чрезъ минуту согласился съ Рылѣевымъ, что сіи законы устарѣли, не годятся для нашего вѣка, наполнены недостатками и могутъ плѣнять только слѣпую чернь, Купцовъ, Лордовъ и близорукихъ Англомановъ. Хваля Бонапарте, на слова Рылѣева, что теперь уже Наполеономъ быть нельзя, что даже, честолюбцу должно, для собственной выгоды, подражать скорѣе Вашингтону, Пестель отвѣчалъ: правда, но если бы и вышелъ Наполеонъ, то мы все будемъ не въ проигрышѣ.

на Сѣверѣ и Югѣ. Въ Южномъ Обществѣ были Бояре, въ Сѣверномъ ихъ не было; онъ предлагалъ слить оба Общества въ одно, назвать Боярами главныхъ Петербургскихъ Членовъ, имѣть однихъ Начальниковъ, всѣ дѣла рѣшить большинствомъ голосовъ Бояръ, обязать ихъ и прочихъ Членовъ повиноваться слѣпо симъ рѣшеніямъ; предложеніе было принято, какъ сказалъ Князь Трубецкой Никитѣ Муравьеву, который не былъ на семъ собраніи. "Мнѣ это " весьма не понравилось, говоритъ Муравьевъ, и " когда вскорѣ за тѣмъ Пестель пришелъ ко мнѣ, то " у насъ началось преніе; Пестель говорилъ, что " надобно прежде всего истребить всѣхъ Членовъ " Императорской фамиліи, заставить Синодъ и Се- " натъ объявить наше Тайное Общество времен- " нымъ Правительствомъ съ неограниченною " властію, что сіе временное Правительство при- " нявъ присягу всей Россіи, раздавъ Министер- " ства, Арміи, Корпуса и прочія мѣста Членамъ " Общества, мало по-малу, въ продолженіи нѣсколь- " кихъ лѣтъ, будетъ вводить новый порядокъ. Я " нашелъ сей планъ, равно и варварскимъ, и нес- " быточнымъ (1). Въ слѣдствіе сего разговора Никита Муравьевъ на другомъ собраніи Общества до-

(1) Планъ самаго Муравьева, какъ онъ показываетъ, былъ слѣдующій:

1. Окончивъ свой проектъ Конституціи, раздать множество экземпляровъ онаго людямъ всѣхъ состояній;
2. Произвести возмущеніе въ войскѣ и тогда напечатать сей проектъ;
3. По мѣрѣ успѣховъ возмущенія, во всѣхъ занятыхъ мѣстахъ учреждать предположенныя имъ новыя Начальства и другія Присутственныя мѣста;

и 4. Если бы Императорская Фамилія не согласилась при-

казывалъ, что совершенное соединеніе ихъ съ Южнымъ невозможно, по дальности разстоянія и по несходству въ мнѣніяхъ; что въ Сѣверномъ, всякій слѣдовалъ своему, а въ Южномъ, какъ онъ слышалъ, никто не противорѣчилъ Пестелю, и такъ большинство голосовъ было бы выраженіемъ одной его воли; онъ же не сказывалъ, сколько у него Бояръ, и предоставлялъ себѣ право вмѣстѣ съ своими Боярами принимать новыхъ. Муравьевъ прибавилъ, что никогда не будетъ слѣпымъ орудіемъ рѣшеній большинства, которыя могутъ быть противны его совѣсти, и хочетъ имѣть свободу выйти изъ Общества. Его слова подѣйствовали; Пестель долженъ былъ согласиться оставить все въ прежнемъ видѣ до 1826 года, а тогда собрать уполномоченныхъ для постановленія правилъ и для избранія однихъ Правителей въ оба Общества: съ тѣхъ поръ онъ (1) видимо охладѣлъ къ главнымъ Членамъ Петербургскимъ, не показывалъ имъ довѣренности, и хотя обѣщалъ прислать свой проектъ Конституціи, однако жъ не прислалъ и не входилъ ни въ какія объясненія объ устройствѣ и состояніи Южнаго Общества. О Князѣ Сергѣѣ Волконскомъ Никита Муравьевъ говоритъ, что онъ былъ въ Петербургѣ послѣ Пестеля, (вѣроятно во вторый

пять его Конституцію, то изгнать ее и предложить установленіе Республиканскаго Правленія, но только въ сей крайности, ибо онъ въ концѣ 1822 года, какъ увѣряетъ, отчасти перемѣнилъ свой образъ мыслей и призналъ превосходство Монархическихъ формъ надъ Республиканскими.

(1) Слова Никиты Муравьева.

разъ), и не имѣлъ никакихъ порученій, а только хвалилъ единодушіе Обществъ Сѣвернаго и Южнаго.

Въ семъ послѣднемъ безпрестанно оказывалось нетерпѣніе приступить къ дѣйствію, мятежамъ, и было остановливаемо только чувствомъ безсилія. Сіи порывы особенно волновали такъ называемую Васильковскую Управу, которая часто, какъ увѣряетъ Пестель, составляла планы, рѣшалась на предпріятія, даже и по его мнѣнію несбыточныя, безъ согласія Тульчинской Директоріи; но увѣдомляла ее обо всемъ. Сія Управа приняла многихъ новыхъ Членовъ; она, какъ означено выше, вступила первая въ сношенія съ Польскимъ Обществомъ и ею же въ 1825 году открыто другое Тайное Общество, *Соединенныхъ Славянъ*, которое было и не весьма многочисленно, и не значительно, ни по званію, ни по свойствамъ Членовъ своихъ, и коего существованіе продолжалось не болѣе двухъ лѣтъ. Основать оное вздумалъ 1823 года Подпоручикъ Артиллеріи Борисовъ 2-й, пригласивъ къ тому своего брата и одного Волынскаго Шляхтича Люблинскаго. Онъ сочинилъ, а Люблинскій перевелъ на Польскій языкъ, формулу клятвеннаго обѣщанія для вступающихъ и краткій *Катихизисъ Славянина*. Въ немъ, между многими ученическими апофѳегмами о природѣ, о просвѣщеніи и предразсудкахъ, о простотѣ выраженій великодушія и надутомъ слогѣ рабства, сказано: *не надѣйся ни на кого кромѣ друзей и своего* — (оружія). *Друзья тебѣ помогутъ а* — *тебя защитить; и ты если Славянинъ, и на землѣ твоей, при брегахъ морей ее окружающихъ, построишь четыре*

порта, Черный, Бѣлый, Далматскій, Ледовитый, воздвигнешь городъ и въ немъ своимъ могуществомъ посадишь на тронѣ Богиню просвѣщенія, и проч. и проч. Желаешь сего, жертвуй 10-ю частію своихъ доходовъ и будешь обитать въ сердцѣ друзей. Въ клятвѣ, обѣщаясь хранить тайну, дѣйствовать для блага Славянскихъ племенъ, они прибавляли: Если измѣню, то да буду наказанъ, и угрызеніемъ совѣсти, и симъ оружіемъ, надъ коимъ произношу присягу; да внидетъ оно остріемъ въ сердце мое; да истребитъ всѣхъ мнѣ любезныхъ, и жизнь моя съ сей минуты да будетъ сцѣпленіемъ неслыханныхъ бѣдъ. Цѣлію Общества они полагали, соединить общимъ союзомъ, и единообразнымъ Республиканскимъ Правленіемъ, но безъ нарушенія независимости каждаго, восемь Славянскихъ колѣнъ, означенныхъ на осміугольной печати ихъ: Россію, Польшу, Богемію, Моравію, Далмацію, Кроацію, Венгрію съ Трансильваніей, Сербію съ Молдавіей и Валахіей; средствъ для сего предпріятія, они, какъ говорятъ единогласно въ показаніяхъ, не имѣли никакихъ до самаго конца. Заводя сіе Общество, Борисовъ старался только умножать число Членовъ, и чтобы придать ему важности, увѣрялъ принимаемыхъ, что оно сильно, что средоточіе онаго въ Петербургѣ, отрасли во всѣхъ земляхъ населенныхъ Славянами, и что основатель Общества есть извѣстный Молдавскій Князь, который теперь не въ Россіи. Во лживости сего и въ причинахъ побудившихъ его вымыслить разсказываемую имъ басню, онъ въ послѣдствіи

признавался Бестужеву-Рюмину и то-же подтвердилъ на допросахъ предъ Коммисіею. Когда онъ и другіе Члены сего Тайнаго Общества познакомились съ Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ, ихъ было 36 человѣкъ (1), большею частію молодыхъ Офицеровъ Артиллеріи и нѣкоторыхъ пѣхотныхъ полковъ 3-го Корпуса. Сей Корпусъ стоялъ тогда лагеремъ у мѣстечка Лещина: многіе изъ товарищей Муравьева и Бестужева-Рюмина по Южному Обществу видались съ ними ежедневно: Полковники Швейковскій, Тизенгаузенъ, Артамонъ Муравьевъ, Враницкій, Маіоръ Спиридовъ; положено, чтобы Бестужевъ обратилъ Соединенныхъ Славянъ къ своей цѣли. Ему было не трудно доказать невозможность когда-либо исполнить ихъ собственный планъ; онъ прибавилъ къ сему, что обязанность Русскаго думать о преобразованіи Россіи, прежде иныхъ соплеменныхъ намъ народовъ, и потомъ, говоря именемъ своего многочисленнаго могущественнаго Общества, распространившаго отрасли свои по всей Имперіи, именемъ Верховнаго Правленія, сокровеннаго даже и для большой части Членовъ въ непроницаемой тайнѣ, пригласилъ ихъ содѣйствовать и повиноваться ему безпрекословно. Всѣ тутъ бывшіе согласились (2); Общество Славянъ присоединилось къ Южному, то есть къ Васильковской Управѣ; они обязались кля-

(1) Кои означены въ одномъ изъ приложенныхъ списковъ.

(2) Борисовъ 2-й, Горбачевскій, Пестовъ, Тютчевъ, Бечасновъ, Громницкій, Андрѣевичь 2-й, Веденяпинъ 1-й, Мозгалевскій, Щипилла, Шимковъ, Кирѣевъ и Мозганъ. Сверхъ того присоединились къ Южному Обществу, но не присягали, Ивановъ и Лисовскій.

твою, цѣлуя образъ, который Бестужевъ снялъ съ шеи; а онъ, объявивъ, что должно стремиться къ ниспроверженію настоящаго порядка посредствомъ военной силы, раздѣлилъ ихъ на округи; начальники сихъ округовъ, для Артиллерійскихъ, Горбачевскій, для пѣхотныхъ, Спиридовъ, назывались Посредниками, ибо чрезъ нихъ Соединенные Славяне сносились съ Бестужевымъ и Южнымъ Обществомъ. Потомъ онъ показывалъ имъ проектъ новыхъ Республиканскихъ законовъ (1) и увѣрялъ, что Князь Трубецкой возилъ его на разсмотрѣніе лучшихъ иностранныхъ Публицистовъ, кои всѣ одобрили сіе законоположеніе (2). Наконецъ требовалъ, что бы они подговаривали солдатъ и готовились по его предписанію начать возмущеніе не позднѣе Августа 1826 года при смотрѣ войскъ у Бѣлой Церкви, а можетъ быть и прежде. За тѣмъ, на собраніяхъ у него и Муравьева, гдѣ бывали и вышеименованные Члены Южнаго Общества и нѣкоторые изъ Соединенныхъ Славянъ, (3) они оба твердили имъ безпрестанно о близости, о пользѣ революціи, воспламеняли ихъ воображеніе и страсти, сначала намѣкали, потомъ говорили ясно и рѣшительно о необходимости посягнуть на жизнь Императора Александра, истребить всю Дина-

(1) Государственный завѣтъ, сокращеніе Руской Правды Пестеля.

(2) Они въ самомъ дѣлѣ думали послать свой проектъ Конституціи для исправленія нѣкоторымъ Французскимъ и Англійскимъ Литераторамъ, коихъ образъ мыслей считали близкимъ къ своему; сіе объявляетъ Бестужевъ-Рюминъ.

(3) Тютчевъ, Борисовъ 2-й, Горбачевскій, Пестовъ, Бечасновъ, Громницкій, Андрѣевичь 2-й, Берстель, Мозгалевскій.

стію. Одинъ изъ Общества Соединенныхъ Славянъ, (Горбачевскій) сказалъ: но это противно Богу и религіи.—Неправда, возразилъ Сергѣй Муравьевъ, и сталъ имъ читать свои выписки изъ Библіи, коими, ложно толкуя ихъ, хотѣлъ доказать, что Монархическое Правленіе не угодно небу. "Надобно, повторялъ Бестужевъ, самый прахъ "ихъ, (Членовъ Императорской Фамиліи,) развѣять по землѣ. Послѣдствій такихъ, какъ "во Франціи, бояться не должно: тамъ началъ революцію народъ, а не войско; у нихъ не было "хорошей Конституціи, одна смѣняла другую, всѣ "были наполнены недостатками, и между Верховными Правителями ихъ, Консулами, былъ человѣкъ отважный съ обширнымъ геніемъ: у насъ "противъ всего подобнаго взяты мѣры." (1).

Во время сихъ свиданій и переговоровъ, Члены Васильковскаго Округа едва не рѣшились немедля поднять знамя бунта. Получено извѣстіе, что у одного изъ нихъ, (Швейковскаго,) отнятъ полкъ: онъ былъ въ отчаяніи, сообщники его также, и по участію въ немъ, и по тому, что съ нимъ лишались надежды привлечь къ содѣйствію полкъ, коимъ онъ начальствовалъ. Въ первыя минуты раздраженія, они (2) опредѣлили возмутить 3-й Корпусъ, (Дивизіи 8-10 и 9-ю пѣхотныя, 3-ю Гусарскую и Артиллерію сихъ Дивизій,) и итти на Кіевъ потребо-

(1) Показаніе Бечаснаго.

(2) То есть Сергѣй, Артамонъ Муравьевы, и Бестужевъ-Рюминъ. Вроницкій не былъ на ихъ первыхъ совѣщаніяхъ, Швейковскій въ горести тогда все молчалъ; Тизенгаузенъ также говорилъ очень мало.

вавъ совѣта и помощи у Пестеля; хотѣли также послать убійцъ въ Таганрогъ, и Полковникъ Артамонъ Муравьевъ предложилъ себя. "Ты намъ нуженъ здѣсь для своего полка," отвѣчали ему. Бестужевъ для совершенія злодѣянія взялся найти человѣкъ до 15,(1) изъ Соединенныхъ Славянъ и другихъ, непринадлежавшихъ ни къ какому Тайному Обществу, но извѣстныхъ ему и надежныхъ по ихъ образу мыслей и характеру: онъ составилъ имъ списокъ, но не всѣ, коихъ имена были въономъ, изъявляли согласіе (2); нѣкоторымъ онъ и не открывалъ своихъ намѣреній, какъ видно, полагаясь на общую данную ими присягу въ слѣпомъ повиновеніи. Но не долго они занимались своими преступными мечтами; опомнясь, самъ Швейковскій убѣдительно, со слезами, просилъ товарищей не жертвовать собою за него, отложить всякое дѣйствіе: чувствуя всю невѣроятность удачи, они согласились и однако же дали другъ другу слово начать непремѣнно въ 1826 году. И тогда, они думали убіеніемъ Императора Александра подать знакъ къ повсемѣстнымъ смятеніямъ, принудить Сенатъ провозгласить избранную ими Конституцію и составить три лагеря: первый у Кіева подъ командою Пестеля, вторый у Москвы подъ командою Бестужева-Рюмина, третій близъ Петербурга, гдѣ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ долженъ

(1) Такъ показываютъ Штабсъ-Капитанъ Корниловичъ и самъ Бестужевъ.

(2) Признались или привлечены въ томъ Спиридовъ, Горбачевскій, Борисовъ 2-й, Бечасновъ, Пестовъ: они въ семъ случаѣ обязались новой клятвой, также цѣлуя образъ.

былъ явиться, чтобъ принять начальство надъ Гвардіею: такъ имъ все казалось легко. Но одинъ (Полковникъ Тизенгаузенъ,) иногда казавшійся ревностнымъ, даже предлагавшій составить кассу для предпріятій Общества и продать для сего послѣднее платье жены своей, говорилъ: начинать черезъ годъ! развѣ черезъ десять лѣтъ! (1) Артамонъ Муравьевъ еще нѣсколько времени упорствовалъ въ желаніи не откладывать и ѣхать для убійства въ Таганрогъ; Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ утверждаютъ, что ему худо вѣрили, считая его самохваломъ, яростнымъ болѣе на словахъ нежели въ самомъ дѣлѣ; онъ самъ признался предъ Коммиссіею въ истинѣ приписываемыхъ ему словъ и умысла.

По снятіи Лещинскаго лагера, разстались твердя о планѣ на 1826-й годъ между собою и Соединенными Славянамъ чрезъ Бестужева. Онъ имъ повторялъ, что при смотрѣ войскъ у Бѣлой Церкви будетъ удобный случай произвести мятежъ и всѣ замышленныя ими перемѣны; увѣрялъ снова въ силѣ своего Тайнаго Общества, уже неимѣющаго нужды въ новыхъ Членахъ, и требуя отъ нихъ крови священной, утверждалъ, что не будетъ кровопролитія; наконецъ совѣтовалъ, предписывалъ приглашать къ сообщничеству Фейерверкеровъ, унтеръофицеровъ и рядовыхъ. Сіе порученіе было испол-

(1) Тизенгаузенъ утверждаетъ, что онъ былъ только увлеченъ дружбой къ Сергѣю Муравьеву, хотя ужасался его намѣреній; даже хотѣлъ донести обо всемъ Начальству, но былъ удержанъ отъ того болѣзнію.

няемо, хотя не всѣми и не всегда съ успѣхомъ; ибо нѣкоторымъ солдаты на ихъ лукавыя обѣщанія и слова, что пора избавиться отъ несправедливости начальниковъ, по большой части Нѣмцевъ, отвѣчали: не вѣримъ, это все пустое; или хорошо, мы съ вами, если только въ этомъ не будетъ бунта, или какого инаго худа. Иные даже спрашивали: да полно, батюшка, не противно ли это присягѣ и знаетъ ли про то Государь? И, ругаясь надъ ихъ простодушнымъ легковѣріемъ, имъ говорили, что все согласно съ присягою и будетъ извѣстно Государю.

Директоры Южнаго Общества были, какъ сіе означено выше, увѣдомляемы о дѣлахъ и предположеніяхъ Васильковской Управы; Сергѣй Муравьевъ, тогда уже самъ былъ однимъ изъ Директоровъ. Пестель въ отвѣтахъ своихъ утверждаетъ, что онъ не одобрялъ ихъ плановъ, зналъ невозможность исполненія, предвидѣлъ, что и въ 1826 году нельзя будетъ ни на что рѣшиться; но по другимъ показаніямъ (1) онъ нѣсколько разъ говорилъ: Муравьевъ нетерпѣливъ и скоръ; однакожъ, если онъ начнетъ удачно, то я не отстану отъ него. Онъ повторялъ сіи слова и послѣ кончины Государя Императора Александра, ибо непритворная, всеобщая горесть Отечества не перемѣнила ни расположенія заговорщиковъ, ни главныхъ намѣреній ихъ; одинъ изъ Членовъ и Бояръ (Ѳедоръ Вадковскій) писалъ въ то время изъ Курска къ Пестелю (это письмо достойно замѣчанія:) „Вотъ слу-

(1) Капитана Майбороды и Давыдова.

"чай, коимъ Общество могло бы воспользоваться, "если бы оно было готово; но онъ пропущенъ: "будемъ ждать, что сдѣлаетъ новое Правительство: "если оно будетъ дѣйствовать дурно, то сіе, умно-"живъ число недовольныхъ, увеличитъ наши силы; "въ противномъ же случаѣ, при общемъ благоден-"ствіи, имѣя и болѣе свободы, удвоимъ старанія, "чтобы скорѣе испровергнуть его. "Многіе изъ допрошенныхъ (1) свидѣтельствуютъ, что уже послѣ сего, Пестелемъ и его главными соумышленниками было положено 1-е Генваря нынѣшняго года, по вступленіи Вятскаго полка, коимъ Пестель командовалъ, въ караулъ въ Тульчинѣ, арестовать Главнокомандующаго 2-й Арміи и Начальника Штаба, и тѣмъ подать знакъ къ возмущенію, какъ донесеніе Капитана Майбороды, удостовѣривъ въ существованіи Тайнаго Общества, открыло всѣ планы онаго и Пестель взятъ подъ стражу.

Междутѣмъ и въ Обществѣ Петербургскомъ явилась большая противъ прежняго и безпокойная дѣятельность, особливо со времени вступленія Рылѣева въ Думу на мѣсто Князя Сергѣя Трубецкаго. Онъ и принятый имъ и въ Апрѣлѣ 1825 года причисленный къ Верхнему Кругу Александръ Бестужевъ, тѣсно съ нимъ связанный пріязнію, единомысліемъ, сходствомъ вкусовъ и занятій, ревностнѣе всѣхъ старались распространять свои правила и умножать число сообщниковъ, хотя Бестужевъ и утверждаетъ, что съ перваго засѣданія его въ кругѣ Убѣжденныхъ, онъ увѣрился въ ничтожности силъ ихъ Общества; что съ

(1) Давыдовъ, Князь Сергѣй Волконской, Капитанъ Майборода.

тѣхъ поръ до 27-го Ноября, онъ видѣлъ въ немъ одну игрушку, даже искалъ средствъ удалиться только не нарушая даннаго обѣщанія и не ссорясь съ товарищами; что для сего думалъ нынѣшнею зимою жениться въ Москвѣ и ѣхать на нѣсколько лѣтъ за границу. Имъ и Рылѣевымъ, прямо и чрезъ другихъ приняты многіе новые Члены; (1) въ томъ числѣ вступили въ Общество, въ разныя времена, нѣкоторые изъ преступныхъ участниковъ въ безпорядкахъ 14-го минувшаго Декабря: Николай, Михайло, Петръ Бестужевы, Сутгофъ, Пановъ, Кожевниковъ, Князь Одоевскій, Князь Щепинъ-Ростовскій, Вильгельмъ Кюхельбекеръ, Торсонъ и Арбузовъ, служившій въ Гвардейскомъ Морскомъ Экипажѣ. Чрезъ него (2) Рылѣевъ дѣйствовалъ на кругъ молодыхъ Офицеровъ сего Экипажа, кои не были Членами ни Сѣвернаго, ни Южнаго Тайнаго Общества и не составляли особеннаго, а только любили собираться, чтобы въ нескромныхъ разговорахъ охуждать Правительство, хвалить Конституцію Американскихъ Штатовъ, мечтать о введеніи новаго Республиканскаго порядка въ Россіи. На сихъ, впрочемъ весьма малочисленныхъ собраніяхъ, вмѣстѣ съ Арбузовымъ первенствовалъ Завалишинъ, также молодый Флотскій Офицеръ, недавно возвратившійся изъ отдаленнаго морскаго путешествія: онъ увѣрялъ товарищей, что принадлежитъ къ тай-

(1) Рылѣевъ имѣлъ намѣреніе одобренное Сѣверною Думою принимать и купцовъ: онъ о томъ совѣтовался съ Барономъ Штейнгелемъ, который сказалъ, что это не возможно, что наши купцы невѣжды: (показаніе Рылѣева и самого Штейнгеля).

(2) А на него самого, прежде принятія въ Общество, чрезъ Николая Бестужева.

ственному Вселенскому ордену Возстановленія, который будто бы имѣя Членами важнѣйшихъ людей въ разныхъ Государствахъ, стремится къ преобразованію всѣхъ Правительствъ въ Европѣ и Америкѣ; прибавлялъ, что Статуты сего ордена (писанные, по словамъ читавшаго ихъ Рылѣева, двусмысленно, въ духѣ, который можно назвать и Монархическимъ, и Республиканскимъ), онъ доводилъ до свѣдѣнія покойнаго Императора Александра, прося его согласія на подобное установленіе въ Россіи; не смотря на то, онъ находилъ (такъ показываетъ Мичманъ Бѣляевъ 1-й), что Государь и августѣйшій домъ его будутъ всегда препятствіемъ въ успѣхѣ замышляемыхъ имъ перемѣнъ и сначала полагалъ вывезти ихъ за границу; потомъ онъ и особливо Арбузовъ стали говорить, что лучше, всѣхъ истребить. Слыша о сихъ предположеніяхъ, другіе сперва ужасались; но послѣ, мало по-малу привыкая, становились равнодушнѣе: такимъ образомъ ихъ готовили въ орудія Тайнаго Общества почти имъ неизвѣстнаго, ибо Арбузовъ по крайней мѣрѣ не ясно объ ономъ разсказывалъ (1).

(1) Одинъ (Дивовъ) даже старался превзойти Арбузова и Завалишина въ изъявленіяхъ кровожадности: онъ самъ признается въ семъ безуміи. Завалишинъ утверждаетъ, что большая часть его поступковъ и словъ были, по крайней мѣрѣ въ началѣ, не что иное, какъ благонамѣренная хитрость; что онъ еще въ малолѣтствѣ, читая Священное Писаніе имѣлъ таинственныя откровенія назначавшія его для возстановленія истины, и что онъ тогда же вздумалъ учредить Орденъ Возстановленія. "Сперва, говоритъ онъ, я полагалъ цѣлію одно торжество истинъ Вѣры; послѣ, бывъ въ Англіи и " Калифорніи, присоединилъ къ сему и виды Политическіе, хотѣлъ " произвести въ Испаніи Контръ-Революцію безъ войны, хотѣлъ " также, будто-бы для основанія Республиканскихъ Правительствъ " внѣ Европы, стараться вывезти изъ сей части Свѣта тѣхъ людей " безпокойнаго ума, которые желаютъ перемѣнъ и смятеній. На-

Около сего же времени, то есть въ течеціи 1825 года, Члены Сѣверной Думы познакомились съ пріѣхавшимъ изъ Грузіи Капитаномъ Якубовичемъ. Александръ Бестужевъ открылъ ему о существованіи Тайнаго Общества и предложилъ вступить въ оное, на что онъ не совсѣмъ согласился, говоря: " Не хочу принадлежать ни къ какому Обществу, " чтобы не плясать по чужой дудкѣ: сдѣлаю " свое; вы пользуйтесь этимъ какъ хотите; я-же, " или постараюсь увлечь за собою войска, или при " неудачѣ застрѣлюсь: мнѣ жизнь наскучила." Подъ словами, сдѣлаю свое, Якубовичъ разумѣлъ намѣреніе убить Императора Александра, увѣ-

" писанные мною Статуты Ордена, на подобіе Мальтійскихъ, я " представлялъ Императору Александру, онъ похвалилъ мое усер- " діе, но не принялъ плана; что крайне меня огорчило. Вскорѣ " за тѣмъ, имѣвъ несчастіе войти въ связи съ симъ коварнымъ злодѣемъ Рылѣевымъ, я узналъ, что есть Тайное " Общество враждебное Правительству и рѣшился-было донести о " томъ; но Государь былъ въ Варшавѣ, а я, по глупой гордости, " хотѣлъ все открыть Ему безъ посредниковъ. Между тѣмъ ста- " рался извѣдать болѣе о Тайномъ Обществѣ чрезъ другихъ, и для " сего дозволялъ себѣ несогласныя съ моими чувствами и видами " слова, обратившіяся нынѣ къ моей гибели. Я говорилъ, что Ор- " денъ Возстановленія существуетъ, показывалъ Статуты, не тѣ, " которые представлялъ покойному Государю, а другіе и въ дру- " гомъ духѣ, мною же нарочно для того сочиненные. Но обманы- " вая другихъ, самъ сдѣлался жертвой обмана; мой собственный " образъ мыслей начиналъ измѣняться; сердце тускнѣло, а я не " замѣчалъ въ немъ пятенъ; наконецъ сталъ увѣрять себя и повѣ- " рилъ, что намѣренія Рылѣева могли быть чистыя, что во всякомъ " случаѣ позорно быть доносителемъ." На него, уже послѣ сего объясненія, показали Арбузовъ, Бѣляевъ 1-й и Дивовъ, что онъ имъ читалъ съ жаромъ и восторгомъ стихи будтобы имъ писанные и наполненные гнуснѣйшими клеветами на покойнаго Императора Александра. Завалишинъ признался, что читалъ имъ сіи стихи, утверждая однако-же, что не онъ Авторъ оныхъ, и не знаетъ, кѣмъ они сочинены; онъ прибавляетъ, что въ распаленіи страстей, коими ознаменовано время его преступнаго заблужденія, онъ былъ готовъ говорить все ужасное, чужое и свое.

ряя, что онъ на сіе давно рѣшился изъ личной, восемь лѣтъ питаемой имъ мести; причиною столь неимовѣрной злобы было то, что Якубовичъ въ 1817 году за участвованіе въ одномъ несчастномъ поединкѣ, выписанъ изъ Гвардіи въ Кавказскій Корпусъ. Въ своихъ показаніяхъ предъ Коммиссіей, онъ утверждаетъ, что никогда не умышлялъ того въ самомъ дѣлѣ, а только желалъ удивлять своихъ сообщниковъ необыкновеннымъ ожесточеніемъ и отчаянною дерзостію: но они не сомнѣвались, и по остатку ли добрыхъ чувствъ, или по разсчетамъ старались его удержать отъ дѣла безполезнаго, даже вреднаго (1). Рылѣевъ (который послѣ говорилъ Трубецкому: Якубовича можно бы спустить съ цѣпи, да что будетъ проку?) хотѣлъ просить его на колѣняхъ, отложить, хотя на мѣсяцъ или на два; если онъ не согласится, убить его или донести Правительству. Якубовичъ сказалъ, что уступаетъ просьбамъ, отлагаетъ до маневровъ, или до Петергофскаго праздника, потомъ далѣе, наконецъ до Мая 1826 года; или даже на неопредѣленное время. Одинъ изъ допрошенныхъ (Баронъ Штейнгель) слышалъ отъ Рылѣева, что когда Якубовичу объявили о кончинѣ Императора Александра, то онъ скрежеталъ зубами, досадуя, что лишился возможности совершить давно замышленное имъ злодѣйство (2). Объ его намѣреніи знали и внѣ Петербурга. Въ исходѣ Сентября, Никита Муравьевъ сообщалъ объономъ

(1) Показаніе Александра Бестужева.

(2) Рылѣевъ, на вопросъ о томъ объявилъ Коммиссіи, что Якубовичъ вбѣжавъ къ нему закричалъ: Царь умеръ; это вы его у меня вырвали.

въ Москвѣ Генералъ-Маіорамъ Михайлу Фонъ Визину и Михайлу Орлову: они и самъ Муравьевъ говорили, что должно препятствовать Якубовичу всѣми возможными средствами, а въ крайности и увѣдомить Правительство: послѣдній (Орловъ) худо вѣрилъ извѣстію, видя въономъ хитрость, чтобы завлечь его опять въ Тайное Общество, будто бы для отвращенія злодѣйствъ и несчастій, посредствомъ его вліянія. Въ Кіевѣ Князю Сергѣю Трубецкому доставилъ о томъ свѣдѣніе Полковникъ Фонъ Бригенъ; оно дошло и до Васильковской Управы, ибо Сергѣй Муравьевъ, разсуждая о назначаемыхъ въ орудія цареубійства, упоминалъ объ Якубовичѣ (1).

Осенью въ семъ же 1825 году, другій человѣкъ, (Подполковникъ Батенковъ,) совсѣмъ иныхъ свойствъ, но также какъ Якубовичъ не бывшій Членомъ Сѣвернаго Общества, а знавшій тайныя намѣренія руководителей онаго, вошелъ случайно въ пріятельскія связи съ Рылѣевымъ и Александромъ Бестужевымъ. Рылѣевъ рѣшился сдѣлать Батенкова однимъ изъ своихъ главныхъ пособниковъ: Бестужевъ утверждаетъ, что онъ напротивъ долго подозрѣвалъ его, и слова согласныя съ ихъ словами и образомъ мыслей почиталъ способомъ извѣдыванія; однако же говоря съ нимъ однажды о томъ, что бы могло быть въ Россіи при иномъ образѣ Правленія, онъ прибавилъ: есть 20 или 30-ть удалыхъ головъ, которыя для такой перемѣны на все готовы. Батенковъ отвѣчалъ: я почелъ бы себя недостойнымъ имени Русскаго, если бы отсталъ отъ

(1) Такъ показываетъ Полковникъ Тизенгаузенъ.

нихъ. Вскорѣ послѣ того Рылѣевъ пришедши къ Александру Бестужеву, вскричалъ: какъ ты былъ несправедливъ, сомнѣваясь въ Батенковѣ! онъ нашъ. Съ сихъ поръ, они обходились съ нимъ какъ съ ближайшимъ сообщникомъ, не скрывая отъ него своихъ надеждъ и умысловъ, по крайней мѣрѣ главнаго: перемѣны Правленія; но на счетъ силъ и средствъ Тайнаго Общества, кажется, умѣли обмануть его. Батенковъ, какъ самъ показываетъ, сначала въ разговорахъ съ Рылѣевымъ и Бестужевымъ искалъ одной забавы, хотѣлъ блистать остроуміемъ и смѣлыми мечтами, но потомъ лишась выгоднаго мѣста, (въ Совѣтѣ Военныхъ Поселеній) по нечаянному стеченію обстоятельствъ и непріятнымъ образомъ, онъ въ волненіи оскорбленнаго самолюбія сталъ раздѣлять съ ними ихъ преступныя желанія, а мало по-малу и планы, особливо познакомясь съ пріѣхавшимъ въ Октябрѣ изъ Кіева Княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ. Впрочемъ, какъ видно изъ собственныхъ извѣтовъ Батенкова, его всегда влекли къ таинственности и къ замысламъ дерзостнаго честолюбія, и воображеніе болѣе безпокойное нежели живое, и высокая мысль о себѣ, и самые успѣхи по службѣ. Не зная еще Рылѣева и Бестужева, онъ когда-то въ дорогѣ, думая о способахъ, коими Правительство можетъ оградить себя отъ покушеній враждебныхъ ему Тайныхъ Обществъ, и находя, что къ сему оно должно употреблять другія, имъ заводимыя Сообщества, сочинилъ планъ Тайнаго Общества противъ Правительства. Вѣроятно въ томъ, къ коему онъ несовершенно присоединился, Г. Батенковъ полагалъ силы, которыя предназначалъ своему: онъ самъ

говоритъ, что въ Рылѣевѣ видѣлъ не что иное, какъ агента настоящихъ, сокровенныхъ Правителей Общества и средоточіемъ онаго считалъ главную квартиру 2-й арміи; хотѣлъ однако же посредствомъ связей съ здѣшними Членами преобразовать по своему плану, или, буде не успѣетъ, разрушить его, разгласивъ чрезъ своихъ знакомыхъ о существованіи заговора и наименовавъ Князя Трубецкаго въ числѣ злоумышленниковъ. Я не подозрѣвалъ, прибавляетъ онъ, что уже стою между ими (1). Происшествія скоро доказали, что всѣ его предположенія были столь же неосновательны, сколь и противозаконны; онъ ежедневно болѣе и болѣе увлекался въ сообщничество съ мятежниками; сначала содѣйствовалъ имъ только изъявленіемъ сходнаго съ ихъ мнѣніями образа мыслей, а послѣ совѣтами, въ коихъ иногда оказывалъ умѣренность, даже нѣкоторое благоразуміе. Такъ, когда при немъ стали говорить о грабежѣ, кровопролитіи, и кто-то (Александръ Бестужевъ, какъ думаетъ Князь Трубецкой,) сказалъ: можно и во Дворецъ забраться, то Батенковъ возразилъ съ жаромъ: сохрани Боже! Дворецъ во всякомъ случаѣ долженъ быть неприкосновеннымъ, священнымъ залогомъ безопасности общей. Но часто другими словами, какъ будетъ означено ниже, онъ и ободрялъ ихъ къ дѣйствію: и они считали его важнымъ для себя пособникомъ, ибо, съ своей стороны обманываясь, полагали, что Г. Батенковъ имѣетъ на значительныхъ въ Государствѣ лю-

(1) Онъ для сего опредѣлялъ 1-е Генваря и поздравительныя посѣщенія.

дей вліяніе, котораго онъ не имѣлъ никогда. Потому льстили его чрезмѣрному самолюбію, и каждое слово его казалось имъ замѣчательнымъ; ему, какъ онъ самъ показываетъ, случилось сказать въ шутку, что онъ желаетъ быть купцомъ, сдѣлаться Градскимъ Главою и возвысить это званіе въ достоинство Лорда Мейора; Якубовичъ тотчасъ подхватилъ: Вы хотите быть головами Господа! Пусть такъ; но оставьте намъ руки.

Пріѣздъ сего послѣдняго (Якубовича) въ Петербургъ, его разговоры, объявленный имъ умыселъ, сильно дѣйствовали на тогдашняго начальника Сѣверной Думы, Рылѣева; имъ, какъ утверждаетъ Александръ Бестужевъ, воспламенена тлѣвшаяся искра; хотя и до того Рылѣевъ полагалъ, что Общество приступитъ къ началу при кончинѣ Императора Александра, или и прежде, если будетъ въ состояніи: но тогда уже, можетъ быть по извѣстіямъ съ Юга, сталъ намѣкать о возможности начать въ Маіѣ 1826 года, даже и скорѣе: вотъ увидишь, когда возвратится Государь, (изъ Таганрога,) мы что-нибудь предпримемъ. Сіи слова сказаны имъ въ отвѣтъ на вопросъ Пущина, что они дѣлаютъ? привезенный изъ Москвы въ Сентябрѣ новымъ Членомъ Барономъ Штейнгелемъ, котораго побудило къ нимъ присоединиться, (какъ онъ самъ искренно объявляетъ,) между прочимъ, и страданіе неудовлетвореннаго честолюбія, досада видѣть себя забытымъ, заброшеннымъ. Ему, какъ одному изъ менѣе ослѣпленныхъ, Рылѣевъ говорилъ: „во 2-й Арміи хотятъ Демократіи; но это вздоръ,

„невозможное дѣло; мы желаемъ Монархіи ограни-„ченной." Но онъ же и почти въ тоже время восклицалъ при Батенковѣ, что въ Монархіяхъ не бываетъ великихъ характеровъ; что въ Америкѣ только знаютъ хорошее правленіе, а Европа вся и самая Англія въ рабствѣ; что Россія подастъ примѣръ освобожденія; когда же (сіе показываетъ Александръ Бестужевъ) представился вопросъ, **какъ быть, если Императоръ не согласится на условія, и можно ли, помня примѣръ Испаніи, полагаться на вынужденное согласіе?** то онъ (Рылѣевъ) сказалъ: "Южные отвергаютъ Монархію, **ихъ мнѣніе** "**принято и здѣсь**; они же берутся извести "Государя при случаѣ." Александръ Бестужевъ показываетъ также, что Рылѣевъ и Оболенскій, вѣроятно **въ слѣдствіе Южныхъ инстигацій**, упоминали и о погубленіи всей Императорской Фамиліи. Показатель присталъ къ сему мнѣнію, но утверждаетъ, что притворно, и **настаивалъ вмѣстѣ съ Якубовичемъ, что на это нужно не менѣе 10-ти убійцъ, въ надеждѣ, что нельзя будетъ найти такого числа отчаянныхъ изверговъ и тѣмъ устранится ударъ отъ главы священной. Я былъ крикунъ, а не злодѣй, пишетъ онъ, хотя предлагалъ себя для совершенія ненавистнаго дѣла, ибо зналъ, что меня Рылѣевъ не употребитъ: ему было извѣстно, что дѣйствовать на солдатъ должно людямъ чистымъ.** Почти то же объявляетъ и

Торсонъ, но Рылѣевъ не во всемъ сознается; увѣряетъ, что и не зналъ точно о намѣреніи Южнаго Общества погубить Государя Императора Александра и все августѣйшее семейство его; что хотя предпочиталъ всѣмъ другимъ образъ Правленія Сѣверо-Американской Республики, однакожъ желалъ въ Россіи, и раздѣливъ ее на области, подобныя Американскимъ Штатамъ, оставить на время формы Монархіи; что впрочемъ считалъ свое Общество въ правѣ только разрушить существующій порядокъ, а не вводить новый, безъ согласія Депутатовъ, (противъ сей мысли очень возставалъ Пестель;) наконецъ что когда спросили: что дѣлать, если Государь не согласится на ихъ условія? то онъ, Рылѣевъ сказалъ: не вывезти ли за границу? что къ сему мнѣнію пристали Трубецкой, Никита и Матвѣй Муравьевы, Оболенской и Николай Тургеневъ, и что для сего ему отъ Думы велѣно приготовлять Кронштадскій Флотъ, чрезъ надежныхъ Офицеровъ. Исполняя сіе порученіе, Рылѣевъ говорилъ съ Торсономъ, и на слова его, что это средство опасно, что лучше Императорскую Фамилію оставить даже во дворцѣ, лишь подъ присмотромъ, отвѣчалъ: нѣтъ, въ Петербургѣ нельзя, а развѣ въ Шлиссельбургѣ; и на случай возмущенія мы имѣемъ примѣръ то, что сдѣлано въ бунтъ Мировича (1).

Извѣстіе, поразившее скорбію сердца всѣхъ добрыхъ Россіянъ и всѣхъ благомыслящихъ людей въ Европѣ, произвело на злоумышленниковъ иное впе-

(1) Собственное признаніе Рылѣева.

чатлѣніе, но не радостное; ибо случай, коимъ они думали воспользоваться, для начатія мятежей, лишь только снова доказалъ ихъ безсиліе. Они въ одно время, (27-е Ноября), узнали о кончинѣ въ Бозѣ почившаго Императора, о Манифестѣ, коимъ Его Величество назначалъ преемника Державы, и о присягѣ уже данной Государю Цесаревичу всѣми жителями столицы (1). Въ своихъ совѣщаніяхъ они не скрывали терзавшей ихъ досады. Батенковъ говорилъ двумъ Бестужевымъ (Александру и Николаю), потерянъ случай, которому подобнаго не будетъ въ цѣлыя 50 лѣтъ: если бъ въ Государственномъ Совѣтѣ были головы, то нынѣ Россія присягнула бы вмѣстѣ и новому Государю, и новымъ законамъ. Теперь все для насъ пропало невозвратно (2). Къ досадѣ въ нихъ присоединялся и страхъ, что Обществу нельзя уже будетъ существовать. Хотя Трубецкой утверждалъ, что это не бѣда; что надобно лишь приготовиться содѣйствовать Южнымъ, если они подымутся: однакожъ и онъ съ другими главными Членами положилъ прекратить Общество, по крайней мѣрѣ до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. Но тутъ же, разсуждая о присягѣ 27-го Ноября, Батенковъ примолвилъ: " какъ легко въ Россіи " произвесть перемѣну! Стоитъ разослать печат-

(1) Князь Оболенской посылалъ въ сей самый день спрашивать у Кавалергардскаго Корнета Александра Муравьева, можно ли надѣяться на ихъ полкъ для произведенія бунта; Муравьевъ отвѣчалъ, что это намѣреніе безумное.

(2) Онъ почти тоже сказалъ и Штейнгелю.

" ные Указы изъ Сената. Только въ ней не мо-
" жетъ быть инаго Правленія кромѣ Монархичес-
" каго; однѣ церковныя ектеніи не допустятъ
" насъ до Республики. Хоть для переходу, нужна
" Монархія ограниченная." Когда же его сообщ-
ники замѣтили, что Монарху-завоевателю легко сдѣ-
латься изъ ограниченнаго самовластнымъ, онъ отвѣ-
чалъ: " этому пособить можно: за чѣмъ имѣть
" мущинъ на Тронѣ? у насъ двѣ Императрицы:
" много Великихъ Княгинь и Княженъ."

Директоры Сѣвернаго Тайнаго Общества: Рылѣ-
евъ, Князья Трубецкой, Оболенской и ближайшіе
ихъ совѣтники, не долго останавливались на мысли
разрушить оное на-всегда или на время; до нихъ
дошелъ слухъ, что Государь Цесаревичъ твердъ въ
намѣреніи не принимать короны, и сія вѣсть воз-
будила въ заговорщикахъ новую надежду: обмануть
часть войскъ и народъ увѣрить, что Великій Князь
Константинъ Павловичъ не отказался отъ Престола,
и возмутивъ ихъ подъ симъ предлогомъ, воспользо-
ваться смятеніемъ для ниспроверженія порядка и
Правительства. " Чтобы прекратить несогласія въ
" мнѣніяхъ, говоритъ Рылѣевъ, положили мы: (онъ,
" Оболенской, Александръ Бестужевъ и Каховскій,
" за себя и всѣхъ принадлежавшихъ къ ихъ о т р а-
" с л я м ъ) назначить Князя Трубецкаго полновласт-
" нымъ Начальникомъ или Диктаторомъ, хотя сіе
" названіе инымъ (Александру Бестужеву) казалось
" смѣшною игрушкою. Съ тѣхъ поръ онъ одинъ
" дѣлалъ распоряженія." Но Князь Трубецкой
утверждаетъ, что истиннымъ распорядителемъ всего
былъ Рылѣевъ, что онъ управлялъ всѣми намѣре-

ніями и дѣйствіями, только употребляя имя мнимаго Диктатора (1), Трубецкой однако же дѣйствовалъ съ своей стороны. 8-го Декабря, онъ совѣтовался съ Батенковымъ о средствахъ для замышляемой революціи и для будущаго образованія Государства; они одобрили слѣдующій, составленный Батенковымъ планъ, если можно такъ назвать предположенія безъ связи, безъ основанія, несогласныя ни съ состояніемъ Россіи, ни съ здравыми понятіями о составѣ Политическихъ обществъ.

Воспользоваться случаемъ, чтобы:

1-е. Пріостановивъ дѣйствіе Самодержавія, назначить временное Правительство, которое учредило бы въ Губерніяхъ Камеры для избранія Депутатовъ;

2. Стараться, чтобъ были установлены двѣ Палаты, изъ коихъ въ Верхней Члены были бы опредѣляемы на всю жизнь, (хотя Батенковъ и желалъ, чтобъ они были наслѣдственные);

3. Употребить на сіе войска, кои не согласятся присягать Вашему Величеству, не допуская ихъ до безпорядковъ, и стремясь только къ умноженію числа ихъ.

Въ послѣдствіи же для утвержденія Конституціонной Монархіи:

(1) Рылѣевъ въ своихъ послѣднихъ отвѣтахъ на допросы показываетъ, что сіе не совсѣмъ справедливо, что Князь Трубецкой многое предлагалъ первый, и превосходя его (Рылѣева) въ осторожности, равнялся съ нимъ въ дѣятельности по дѣламъ заговора. " Въ " прочемъ прибавляетъ Рылѣевъ: я признаю себя главнымъ винов- " никомъ произшествій 14-го Декабря: я могъ все остановить и " напротивъ былъ для другихъ пагубнымъ примѣромъ преступной " ревности. Если кто заслужилъ казнь, вѣроятно нужную для " блага Россіи, то конечно я, не смотря на мое раскаяніе и совер- " шенную перемѣну образа мыслей."

Учредить Провинціальныя Палаты для мѣстнаго законодательства;

Обратить Военныя поселенія въ народную стражу;

Отдать Городовому Правленію (Муниципалитету) крѣпость Петропавловскую; (объ коей Батенковъ по тому говорилъ: Вотъ Палладіумъ Русскихъ вольностей); помѣстить въ ней Градскую Стражу и Городовый Совѣтъ;

Провозгласить независимость Университетовъ: Московскаго, Дерптскаго, Виленскаго.

При семъ Батенковъ сказалъ Трубецкому, что если всѣ войска откажутся присягать, и Его Высочество Цесаревичъ въ слѣдствіе того пріѣдетъ въ Петербургъ, то перемѣна въ образѣ Правленія будетъ невозможна; что лучше бы сообщникамъ ихъ раздѣлиться: однимъ объявлять Императоромъ Государя Цесаревича, а другимъ показывать себя преданными Вашему Величеству; въ случаѣ же перевѣса первой стороны, полагалъ онъ, случится одно изъ двухъ: или, 1-е что Ваше Величество согласитесь на измѣненіе Государственныхъ Установленій въ Россіи, и на учрежденіе Временнаго Правительства, или, 2-е что отложите принятіе Державы, и тогда они (заговорщики), объявивъ, что чрезъ то Вы отрекаетесь отъ Престола, провозгласятъ Императоромъ Наслѣдника Вашего Императорскаго Величества, Великаго Князя Александра Николаевича.

На это Князь Трубецкой отвѣчалъ, что войскъ за нихъ вѣроятно будетъ очень мало, (1) а изъ важ-

(1) Онъ сначала, какъ говоритъ Рылѣевъ, воображалъ, что довольно будетъ одного полка для совершеннаго успѣха.

ныхъ людей между военными никто не захочетъ участвовать въ предпріятіи.—Такъ и думать не о чемъ, вскричалъ Батенковъ.

Но и сочиняя вмѣстѣ сіи планы для ниспроверженія порядка, они, какъ видно, во многомъ или не понимали, или обманывали другъ друга. Трубецкой и сообщники его назначили Батенкова только Правителемъ дѣлъ Временнаго Правленія, а онъ воображалъ, что будетъ Членомъ онаго, и предавался мечтамъ неограниченнаго честолюбія, въ надеждѣ быть лицемъ Историческимъ; хотѣлъ Членами сего Правленія сдѣлать: одну Духовную Особу, себя, и чрезъ нѣсколько времени третьимъ Князя Сергѣя Трубецкаго. Тогда имѣя большинство голосовъ на своей сторонѣ, (ибо онъ надѣялся владѣть Трубецкимъ), я, говоритъ онъ, управлялъ бы Государствомъ, и обратилъ бы Временное Правленіе въ Регентство малолѣтнаго Александра II-го. (Изъ словъ Трубецкаго онъ полагалъ, что присяга, данная Вашимъ Величестомъ Цесаревичу, будетъ объявлена отреченіемъ отъ Престола, а по слышанному отъ Рылѣева, что, быть можетъ, во время замышляемаго мятежа покусятся на жизнь Вашу). За тѣмъ, продолжаетъ Батенковъ, мало по малу утвердивъ себя, получивъ силу учрежденіемъ Родовой Аристократіи и пріобрѣтенными чрезъ то связями, я дѣйствовалъ бы по обстоятельствамъ: но если бъ Государь Императоръ принялъ наши условія, то я перешелъ бы на Его сторону, не взявъ мѣста во Временномъ Пра-

вѣрилъ, чтобъ было что-нибудь предпринято.

Но другіе уже готовили средства для предпріятія. Къ Рылѣеву, какъ въ опредѣленное сборное мѣсто, являлись Члены съ предложеніями, планами, или за приказаніями Думы. Ихъ совѣщанія въ сіи послѣдніе дни представляли странную смѣсь звѣрства и легкомыслія, буйной непокорности къ властямъ законнымъ и слѣпаго повиновенія неизвѣстному Начальству, будтобы ими избранному. 12-го Декабря, какъ свидѣтельствуетъ очевидецъ одинъ изъ Членовъ, (Баронъ Штейнгель), собирались вечеромъ у Рылѣева Князь Трубецкой, Николай, Александръ и Михайло Бестужевы, Князь Оболенской, Каховскій, Арбузовъ, Рѣпинъ, Графъ Коновницынъ, Князь Одоевской, Сутгофъ, Пущинъ, Батенковъ, Якубовичъ, Щепинъ-Ростовскій; но не всѣ вмѣстѣ: одни приходили, другіе уходили. Николай Бестужевъ и Арбузовъ отвѣчали за Гвардейскій Экипажъ; Бестужевъ 3-й, Московскаго полка, но довольно слабо, за свою роту; Рѣпинъ сначала за часть Финляндскаго полка, потомъ лишь за нѣсколько Офицеровъ, прибавляя, что сей полкъ увлечь за собою не можетъ никто изъ согласившихся участвовать въ бунтѣ. Князь Одоевской только твердилъ въ жалкомъ восторгѣ: Умремъ! ахъ, какъ славно мы умремъ! Александръ Бестужевъ и Каховскій показывали себя

(1) Онъ (Батенковъ) думалъ также предложить Корону и Великому Князю Михаилу Павловичу, и Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Тоже думалъ и говорилъ своимъ соумышленникамъ Баронъ Штейнгель, надѣясь, что Императрица, не имѣя дѣтей, согласится, даже и при жизни своей, установить Правленіе Республиканское.

пламенными террористами, готовыми на ужаснѣйшія злодѣйства. Первый признается, что сказалъ, переступаю за Рубиконъ; а руби-конъ, значитъ руби все, что попало; однако же клянется, что сіе было лишь бравадою, пустою игрою словъ. Каховскій кричалъ: съ этими филантропами не сдѣлаешь ничего: тутъ просто надобно рѣзать, да и только; а если не согласятся, я пойду, самъ на себя все объявлю. Испуганному симъ Штейнгелю Рылѣевъ отвѣчалъ: не бойся, онъ у меня въ рукахъ; я уйму его. И однакожъ на другой день, Рылѣевъ, при Оболенскомъ, Пущинѣ, (старшемъ, пріѣхавшемъ изъ Москвы) и Александрѣ Бестужевѣ, говорилъ Каховскому, обнимая его: Любезный другъ! ты сиръ на сей землѣ; долженъ жертвовать собою для Общества. Убей Императора. И съ сими словами прочіе бросились также обнимать его. Каховскій согласился; хотѣлъ 14-е число, надѣвъ Лейбъ-Гренадерскій мундиръ, итти во Дворецъ, или ждать Ваше Величество на крыльцѣ; но потомъ отклонилъ предложеніе за невозможностію исполнить, которую признали и всѣ другіе (1).

(1) Такъ показываютъ: Князь Оболенской (прибавляя однакожъ, что сіе было въ минуту изступленія) и Рылѣевъ; прежде, говоритъ онъ, я нѣсколько разъ удерживалъ Каховскаго, который умышлялъ на жизнь Императора Александра; даже ссорился съ нимъ за то, хотя, успокоивая его, увѣрялъ, что въ случаѣ нужды Общество никого не употребитъ для сего удара кромѣ его: но въ этотъ день, вдругъ ужаснувшись возможности междоусобной войны, я вздумалъ, что для избѣжанія оной надо-

Собраніе ихъ въ сей вечеръ (13-го числа) было также многочисленно и безпорядочно, какъ предшедшее: всѣ говорили, почти никто не слушалъ. Князь Щепинъ-Ростовскій удивлялъ сообщниковъ своимъ пустымъ многорѣчіемъ; Корниловичъ, только-что возвратившійся въ Петербургъ, увѣрялъ, что во 2-й арміи готово 100 тысячь человѣкъ; Александръ Бестужевъ отвѣчалъ на замѣчанія младшаго Пущина (Конно-Піонернаго): по крайней мѣрѣ объ насъ будетъ страничка въ Исторіи.—Но эта страничка замараетъ ее, возразилъ Пущинъ, и насъ покроетъ стыдомъ. Когда же Баронъ Штейнгель, удостовѣрясь болѣе прежняго въ ничтожности силъ ихъ Тайнаго Общества, и какъ отецъ семейства, заранѣе устрашенный вѣроятными послѣдствіями мятежа, спрашивалъ Рылѣева: не уже ли вы думаете дѣйствовать? то онъ сказалъ ему: дѣйствовать, непремѣнно дѣйствовать; а Князю Трубецкому, который начиналъ изъявлять боязнь: умирать все равно; мы обречены на гибель; и прибавилъ, показывая копію съ письма Подпоручика Ростовцова къ Вашему Величеству: видите ли? намъ измѣнили; Дворъ уже многое знаетъ, но не все; и

бно Государя принесть на жертву. Каховскій же утверждаетъ напротивъ, что онъ отказывался, а Рылѣевъ самъ назначалъ его въ убійцы; что такихъ людей, кои согласились бы, жертвуя для Тайнаго Общества не только жизнію, а честію, истребить всю Императорскую Фамилію, и потомъ даже предъ казнію увѣрять, что не были ихъ Сочленами—Рылѣевъ и Александръ Бестужевъ называли чистыми, самоотверженными. Однако жъ на очной ставкѣ Каховскій призналъ, что Александръ Бестужевъ на-единѣ уговаривалъ его неисполнять порученія, даннаго ему Рылѣевымъ 13 Декабря.

мы еще довольно сильны.—Ножны изломаны, примолвилъ другой, и саблей спрятать не льзя.

Въ шумѣ сихъ разговоровъ, преній, восклицаній, слышны были снова и ужасныя предложенія: говорили, но, какъ утверждаютъ, лишь мимоходомъ, о погубленіи всей Августѣйшей Фамиліи Вашей; а покушенія на Священную Вашу жизнь требовали, какъ необходимости, Князь Оболенской, Александръ Бестужевъ и наконецъ самъ Князь Трубецкой, ихъ Диктаторъ (1); сей послѣдній полагалъ, что надобно оставить Великаго Князя Александра Николаевича и провозгласить Его Императоромъ. Трубецкой не совершенно въ томъ признается, но и не запирается, утверждая, что не можетъ самому себѣ дать яснаго отчета въ тогдашнихъ поступкахъ своихъ и рѣчахъ, ибо онъ былъ какъ въ безпамятствѣ, и потому не смѣетъ извѣта соумышленниковъ своихъ назвать клеветою. Якубовичъ (2) вызывалъ бросить жребій, кому изъ пяти, (ихъ въ сію минуту столько было въ комнатѣ) умертвить Ваше Величество: видя, что всѣ молчатъ, онъ сказалъ: впрочемъ я за это не возьмусь; у меня доброе сердце; я хотѣлъ мстить, но хладнокровно убійцей быть не могу (3). Нѣкоторые Члены совѣтовали удоволь-

(1) Показаніе Штейнгеля.

(2) Показаніе Князя Трубецкаго и Рылѣева.

(3) Одинъ Арбузовъ, буде вѣрить Рылѣеву, къ сему примолвилъ: „нѣтъ ничего легче, какъ убить Государя, когда онъ будетъ выходить изъ Дворца." Якубовичъ предлагалъ также разбить кабаки, дозволить грабежъ и взявъ хоругви изъ какой-нибудь церкви, итти съ толпами неистовыхъ ко Дворцу. Такого

ствоваться арестованіемъ Вашего Величества и всей Августѣйшей Фамиліи Вашей; Штейнгель ставилъ въ примѣръ Шведскую революцію 1809 года; Рылѣевъ кончилъ споръ словами: обстоятельства покажутъ, что дѣлать должно; но просилъ достать карту Петербурга и планъ Зимняго дворца; на что Александръ Бестужевъ отвѣчалъ со смѣхомъ: Царская фамилія не иголка; не спрячется, когда дѣло дойдетъ до ареста. (1) Они уже знали на вѣрное, что слѣдующій день, (14 Декабря), назначенъ для обнародованія Манифеста о возшествіи Вашего Императорскаго Величества на Прародительскій Престолъ. О томъ, что Сенатъ собирается въ 7-мь часовъ утра для присяги, извѣстилъ ихъ Оберъ-Прокуроръ Краснокутскій, Членъ Южнаго Общества, который вечеромъ 13-го числа пріѣзжалъ къ Князю Трубецкому, и оттуда, не зас-

предложенія, даже и на семъ мятежномъ совѣщаніи, никто не смѣлъ одобрить; оно единодушно отвергнуто, такъ показываетъ Рылѣевъ. Якубовичъ признается, что говорилъ это; но прибавляетъ, что въ слѣдующую ночь (въ 3 часа) онъ раскаялся. Оболенской утверждаетъ, что противъ мысли разбить даже и одинъ кабакъ, чтобъ напоить солдатъ, воставалъ Рылѣевъ первый, и съ жаромъ.

(2) Трубецкой, если вѣрить показаніямъ Рылѣева, также думалъ о занятіи Дворца, не смотря на слова Батенкова, и за сіе бранились Якубовичъ и Арбузовъ; (они не признаются въ томъ,) но, прибавляетъ Рылѣевъ, мы хотѣли только захватить Императорскую фамилію, и держать ее подъ стражею до Великаго Собора, (съѣзда Депутатовъ,) который рѣшилъ бы судьбу всѣхъ Членовъ оной; я долженъ однакожъ признаться: мнѣ приходило на мысль, что для безопасности новаго Правленія, лучше бы всѣхъ изгубить; только сей мысли я не открывалъ никому; наконецъ и самъ отстранилъ ее возвратясь къ прежней.

тавъ его, къ Рылѣеву. Показываютъ, (Корниловичь и Рылѣевъ) что объявивъ свою новость, онъ прибавилъ: дѣлайте что хотите; но Краснокутскій не сознается въ этомъ, а говоритъ только, что слыша вокругъ себя: завтра присяга сигналъ, онъ отгадалъ намѣренія Тайнаго Общества на 14-е Декабря, хотѣлъ-было донести объ оныхъ Правительству и раздумалъ единственно за тѣмъ, что считалъ исполненіе невозможнымъ.

О сихъ намѣреніяхъ было уже сообщено простымъ Членамъ отъ главныхъ дѣйствователей (1); положено приготовлять солдатъ къ возмущенію изъявленіемъ сомнѣній въ истинѣ отреченія Государя Цесаревича, и съ первымъ полкомъ, который откажется отъ присяги, идти къ ближайшему, а тамъ далѣе, увлекая одинъ за другимъ. (Князь Трубецкой при семъ напоминалъ слова Батенкова: надо бы въ барабанъ приударить, чтобъ собрать народъ (2);) потомъ всѣ войска, кото-

(1) На канунѣ (12 Декабря) съѣзжались у Князя Оболенскаго, гдѣ былъ и Рылѣевъ, Офицеры разныхъ полковъ Гвардіи, Лейбъ-Гренадерскаго Поручикъ Сутгофъ, Измайловскаго Подпоручикъ Кожевниковъ, Финляндскаго Поручикъ Баронъ-Розенъ, Конной Гвардіи Корнетъ Князь Одоевскій, Кавалергардскаго полка Корнетъ Арцыбашевъ и Поручикъ Анненковъ, Гвардейскаго Экипажа Лейтенантъ Арбузовъ. Князь Оболенскій сообщилъ имъ приказанія Диктатора и Думы, стараться въ день, который назначится для присяги, возмутить и вести за собой на Сенатскую площадь, сколько имъ будетъ возможно, нижнихъ чиновъ изъ полковъ своихъ, а если не удастся, то по крайней мѣрѣ быть самимъ.

(2) Батенковъ показываетъ самъ, что онъ говорилъ Якубовичу: "чего думать о планахъ всего Общества! Вамъ молодцамъ стоило бы только разгорячить солдатъ именемъ Цесаревича и походить изъ полка въ полкъ съ барабаннымъ боемъ, такъ можно надѣлать много великихъ дѣлъ.

рыя пристанутъ, собрать предъ Сенатомъ и ждать, какія мѣры будутъ приняты Правительствомъ. Они думали, особливо ихъ Диктаторъ Князь Трубецкой, какъ онъ утверждаетъ, что Ваше Величество не употребляя силы для усмиренія мятежниковъ, рѣшитесь скорѣе отказаться отъ правъ Самодержавія и вступите съ ними въ переговоры. Тогда они объявили бы свои желанія:

1-е, Чтобъ были собраны Депутаты изъ всѣхъ Губерній;

2-е, Чтобы о томъ былъ изданъ Манифестъ отъ Сената и въ ономъ было сказано, что сіи Депутаты долженствуютъ опредѣлить новое законоположеніе для управленія Государствомъ на будущее время;

3-е, Чтобы дотолѣ учредить Временное Правленіе, пригласивъ въ оное Депутатовъ изъ Царства Польскаго, для постановленія мѣръ къ сохраненію единства Державы.

Въ случаѣ, если бы Ваше Величество рѣшились послать въ Варшаву къ Государю Цесаревичу, заговорщики хотѣли требовать мѣстъ для стоянія лагеремъ внѣ города (1), не смотря на зимнее время, въ ожиданіи прибытія Его Императорскаго Высочества; но не переставать требовать также и созванія Депутатовъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они всѣ будутъ нужны, или для упрошенія Цесаревича принять Державу, или для торжественной присяги Вашему Величеству. Наконецъ въ томъ случаѣ, когда бы Великій Князь Константинъ Павловичъ прибылъ въ Санктпетербургъ, они надѣялись увѣрить

(1) Именно на Пулковской горѣ, какъ полагалъ Батенковъ.

Его Высочество, что все произведено однимъ усердіемъ къ нему (1)

Таковъ былъ, по словамъ Князя Трубецкаго, объявленный ими другъ-другу планъ. Рылѣевъ говоритъ только, что должно было войскамъ, ими возмущеннымъ, притти на Сенатскую площадь и Начальнику ихъ Трубецкому дѣйствовать по обстоятельствамъ; что они надѣялись избѣгнуть кровопролитія, и посредствомъ Сената, который думали принудить къ тому, получить отъ Вашего Величества, или отъ Государя Цесаревича, согласіе на созваніе Депутатовъ, для назначенія Императора и установленія представительнаго образа Правленія. Они хотѣли предложить Депутатамъ проектъ Конституціи, писанный Никитою Муравьевымъ. Князь Оболенской прибавляетъ къ сему, что до съѣзда Депутатовъ, Сенатъ долженствовалъ бы учредить Временное Правленіе, (изъ двухъ или трехъ Членовъ Государственнаго Совѣта и одного Члена ихъ Тайнаго Общества, который былъ бы Правителемъ дѣлъ онаго) назначить и Корпуснаго и Дивизіонныхъ Командировъ Гвардіи изъ людей имъ извѣстныхъ и сдать имъ Петропавловскую Крѣпость. При неудачѣ, они полагали, (такъ показываютъ согласно Князь Тру-

(1) Каховскій утверждаетъ, что Рылѣевъ думалъ поручить одному Члену Общества умертвить Государя Цесаревича всенародно и тутъ же закричать, что онъ убилъ Его по приказанію Вашего Величества; такимъ образомъ, говорилъ онъ, мы вдругъ погубимъ обоихъ. Рылѣевъ объявилъ, что это клевета; то же сказали Штейнгель, Александръ и Николай Бестужевы, на коихъ ссылался Каховскій.

бецкой и Рылѣевъ) выступить изъ города, чтобы стараться распространить возмущеніе (1).

Но, по крайней мѣрѣ сначала, они были такъ ослѣплены, что совсѣмъ не ожидали неудачи. Батенковъ 13-го Декабря по утру, говорилъ Александру Бестужеву: кажется, что успѣхъ несомнителенъ; (2) Баронъ Штейнгель, менѣе другихъ заблуждавшійся, началъ однако же сочинять проектъ Манифеста (3), въ коемъ онъ объявлялъ, что когда оба Великіе Князья, (Ваше Императорское Величество и Государь Цесаревичь) отрекаются отъ престола, не хотятъ быть отцами Росіи, то осталось ей самой избрать себѣ Правителя и потому Сенатъ назначаетъ общее собраніе Депутатовъ, а дотолѣ Временное Правленіе (4). Князь Трубецкой съ своей стороны означилъ въ бумагѣ, найденной у него ввечеру 14-го Декабря и у сего прилагаемой, сущность Манифеста, въ коемъ намѣревался отъ имени Сената объявить объ уничтоженіи прежняго Правленія и учрежденіи временнаго для созванія Депутатовъ.

Нѣкоторые вздумали дать свѣдѣніе о предпри-

(1) Каховскій прибавляетъ, что въ семъ случаѣ Рылѣевъ хотѣлъ зажечь городъ; но сей послѣдній утверждаетъ, что и это ложь.

(2) Показаніе Александра Бестужева.

(3) Желая, говоритъ онъ доказать Рылѣеву, что и я могъ бы на что-нибудь пригодиться.

(4) Сей проектъ хотѣли въ слѣдствіе приказаній Диктатора нести въ Сенатъ Рылѣевъ, Коллежскій Ассесоръ Иванъ Пущинъ, и какъ они показываютъ, Батенковъ, который не сознается въ томъ.

нимаемомъ и въ другія мѣста. Пущинъ (Иванъ) отправилъ чрезъ Американскую Компанію (1) письмо въ Москву къ Титулярному Совѣтнику Семенову. "Насъ, писалъ онъ, по справедливости "назвали бы подлецами, если бъ мы пропустили "нынѣшній, единственный случай. Когда ты по- "лучишь это, все ужь будетъ кончено. Насъ здѣсь "60 Членовъ; мы можемъ надѣяться на 1500 ря- "довыхъ, которыхъ увѣрятъ, что Цесаревичь не "отказывается отъ Престола. Прощай; вздохни "объ насъ, если и проч." Въ заключеніи онъ поручалъ Семенову показать его письмо Генералъ-Маіорамъ Фонъ-Визину и Михайлу Орлову, коихъ, по старымъ связямъ и образу мыслей, вѣроятно, считалъ внутренно благопріятствующими видамъ Тайнаго Общества. Князь Трубецкой можетъ быть думалъ также (2), и 13-е число отправя письмо къ Сергѣю Муравьеву-Апостолу съ братомъ его Ипполитомъ, онъ писалъ и къ Генералу Орлову съ Кавалергардскимъ Офицеромъ Свистуновымъ; сіи письма не доставлены (3). Трубецкой показываетъ, что онъ, только и не упоминая о причинахъ, звалъ Орлова въ Петербургъ, но прибавлялъ: если быть чему нибудь,

(1) Рылѣевъ былъ Правителемъ дѣлъ сей Компаніи.

(2) Однажды говоря о Пестелѣ, Трубецкой сказалъ: должно будетъ послать Орлова во 2-ю Армію и сила Пестеля изчезнетъ. — Да развѣ Орловъ нашъ? спросилъ Рылѣевъ. Нѣтъ, отвѣчалъ Трубецкой, имъ владѣютъ Раевскіе; но тогда по неволѣ будетъ нашъ.

(3) Муравьевъ и Свистуновъ сожгли ихъ дорогою, узнавъ о произшествіяхъ 14-го Декабря.

то будетъ и безъ васъ, какъ при васъ. Ежели вѣрить дальнѣйшимъ показаніямъ Князя Трубецкаго, то онъ рѣшился писать, въ надеждѣ, что Генералъ Орловъ и не принадлежа къ Обществу могъ бы своимъ появленіемъ и силою характера обуздать другихъ Членовъ, коихъ онъ, Диктаторъ, былъ уже не въ состояніи удерживать. Онъ утверждаетъ, что по сей же причинѣ, по чувству своего безсилія, однажды просилъ, чтобъ его отпустили въ 4-й Корпусъ, тамъ что-нибудь сдѣлать, хотя зналъ что въ семъ Корпусѣ у него не было ни одного сообщника, хотя думалъ и ѣхать не прямо и прожить нѣсколько времени въ Москвѣ.

Чѣмъ ближе подходило предназначенное самими мятежниками роковое для нихъ мгновеніе, чѣмъ болѣе воспламенялись нѣкоторые, тѣмъ больше изъявлялъ нерѣшимости избранный ими начальникъ, уже видимо волнуемый разкаяніемъ, или по крайней мѣрѣ страхомъ. "Что жъ! говорилъ онъ и повторялъ Рылѣеву, если выйдетъ мало войска, рота "или двѣ? за чѣмъ итти и намъ и другихъ вести на "гибель?" Рылѣевъ иногда казался согласнымъ; иногда напротивъ отвѣчалъ: "если придетъ хоть 50 человѣкъ, то я становлюсь въ ряды съ ними;" и однако жъ не сдержалъ слова.

Не смотря на сомнѣнія и боязнь, Князь Трубецкой не отказывался явно, и опредѣлено ему на другой день быть на Сенатской площади чтобы принять главную команду надъ войсками, которыя не согласятся присягать Вашему Величеству; подъ нимъ же начальствовать Капитану Якубовичу и Полковнику

Булатову. Сей послѣдній, какъ видно изъ дѣлъ и словъ его, не злой, а слабоумный человѣкъ, за нѣсколько дней до того не зналъ о существованіи Тайнаго Общества; но его считали нужнымъ, потому что онъ служивъ прежде въ Лейбъ-Гренадерскомъ полку, оставилъ хорошую о себѣ молву и многіе солдаты еще любили его. 6-е Декабря Пановъ, Поручикъ того же Лейбъ-Гренадерскаго полка, позвалъ его обѣдать съ нѣсколькими другими Офицерами. Тутъ осыпаемый ласкательствами, разгоряченный виномъ и споромъ, ибо при немъ нарочно хвалили одного Государственнаго Сановника, котораго онъ ненавидѣлъ, Булатовъ произнесъ обѣтъ пожертвовать всѣмъ пользѣ отечества: ему тотчасъ объявили, что естъ Общество, которое составилось для произведенія благотворной перемѣны въ ономъ; что онъ по любви къ Россіи долженъ принадлежать къ сему Обществу, и несчастный, самъ не понимая, какимъ образомъ, принялъ на себя обязанность быть пособникомъ мятежниковъ, съ коими едва былъ знакомъ. Рылѣевъ открылъ ему намѣренія ихъ: Булатовъ часто спрашивалъ: *но гдѣ же польза отечества? я вижу одну перемѣну въ Правителяхъ; вмѣсто Государя, вы хотите имѣть Диктатора Князя Трубецкаго*; однако же обѣщалъ дѣйствовать съ ними, и какъ бы предвидя погибель прощался съ своими дѣтьми-младенцами и плакалъ, но отказался ѣхать въ Лейбъ-Гренадерскій полкъ для возмущенія рядовыхъ. Въ вечеру 13-го числа, замѣтивъ что на слова Рылѣева о Князѣ Трубецкомъ: — "Не правда ль, что мы выбрали прекраснаго Начальника?" Якубовичъ отвѣчалъ усмѣхнувшись: "да! онъ довольно *великъ*," Булатовъ вышелъ изъ комнаты

вмѣстѣ съ Якубовичемъ и дорогой спрашивалъ-"какъ "вамъ кажется? полезно ли, хорошо ли обдумано "предпріятіе нашихъ товарищей и довольно ли они "сильны? — Не вижу пользы, отвѣчалъ Якубовичъ, "и для меня они почти всѣ подозрительны. — Да-"димъ же другъ другу слово, продолжалъ Булатовъ, "что если, какъ завтра должно открыться, средства "ихъ не соразмѣрны замысламъ и въ ихъ предпо-"ложеніяхъ нѣтъ истинной пользы, то мы не пристанемъ къ нимъ." Якубовичъ согласился. Такъ всѣ тѣ, коихъ заговорщики назначали своими начальниками въ рѣшительный день, заранѣе готовились ихъ бросить.

Въ казармы Гвардейскаго Морскаго Экипажа посланъ былъ Рылѣевымъ для начатія первыхъ дѣйствій Лейтенантъ Арбузовъ, который уже и 12-го Декабря старался въ своей ротѣ, чрезъ фельдфебеля Боброва и унтеръ-офицера Аркадьева распустить слухи, что будто скоро потребуется отъ войскъ незаконная присяга; что за четыре станціи отъ Нарвы Государь Цесаревичъ стоитъ съ I-й Арміей и Польскимъ Корпусомъ, для истребленія тѣхъ, которые присягнутъ Вашему Величеству; что прочіе полки Гвардіи непремѣнно откажутся; но Бобровъ и Аркадьевъ не исполняли его приказаній, и говорили, что рядовые не вѣрятъ. 13-е Декабря онъ прямо отъ Рылѣева пріѣхалъ къ Мичманамъ братьямъ Бѣляевымъ; тутъ кромѣ ихъ нашелъ двухъ Бодиско, Дивова и Подпоручика Измайловскаго полка Гудимова. "Господа, говорилъ онъ, зная вашъ образъ мы-"слей, кажется могу вамъ сказать все откровенно. "Завтра будутъ насъ звать къ присягѣ: откажитесь

"и приготовьте къ тому свои роты. Мы выведемъ "ихъ на Петровскую площадь, гдѣ соберутся другіе "полки, и принудимъ Сенатъ утвердить давно уже сочиненный проектъ Конституціи, чтобы ограничить власть Императора." Оборотясь къ Лейтенанту Бодискѣ I-му, онъ прибавилъ: надѣюсь, что и вы "будете. — Нѣтъ, отвѣчалъ Бодиско, я съ моею ро-"тою не буду. Могу ли дѣйствовать не зная вашего "плана и сообщниковъ? Вамъ другое дѣло: вы бы-"ваете съ тѣми, которые составили заговоръ, и можетъ быть даже увѣрены въ хорошемъ окончаніи." Арбузовъ силился доказать, что нѣтъ сомнѣнія въ успѣхѣ; увѣрялъ, что и самъ не знаетъ всего, повторялъ: приходите, и однако же оставилъ ихъ не получивъ желаннаго отвѣта. Но тогда именно, сіи молодые Офицеры, за исключеніемъ Гудимова, который уѣхалъ прежде, вдругъ рѣшились содѣйствовать замышленной революціи, итти утромъ въ свои роты и возбудить въ рядовыхъ сомнѣніе на счетъ истины отреченія Его Императорскаго Высочества Цесаревича. Ночью, около 12-ти часовъ, пріѣзжали къ Арбузову Якубовичъ и Александръ Бестужевъ; Якубовичъ познакомясь съ Бѣляевыми говорилъ имъ: "не сомнѣваюсь въ вашей храбрости, но вы еще не "бывали подъ пулями; берите примѣръ съ меня. "Впрочемъ нельзя бояться неудачи: вся Гвардія за "насъ." 14-е Декабря поутру, сіи Офицеры и еще нѣкоторые (1), явились передъ матросами. Бодиско 1-й имъ сказалъ: "присягайте или нѣтъ, я не могу "ни приказывать, ни совѣтовать; слушайтесь своей

(1) Вишневскій, Мусинъ,-Пушкинъ, Шпейеръ, Окуловъ, Кюхельбекеръ.

"совѣсти." (1) Къ нимъ пришли Николай Бестужевъ и Каховскій; первый предлагалъ, откинувъ самолюбіе, взять въ начальники Арбузова: ему можно повѣрить: мы здѣсь всѣ за общимъ дѣломъ. Каховскій восклицалъ: лучше умереть, нежели не участвовать въ этомъ, и спрашивалъ, не надобенъ ли кому-нибудь кинжалъ. Арбузовъ звалъ на Сенатскую площадь; Бодиско отвѣчалъ ему: я пойду не иначе, какъ со всѣмъ Экипажемъ.—Вы либералы лишь на словахъ, вскричалъ Арбузовъ. Когда пріѣхалъ Бригадный Начальникъ Генералъ-Маіоръ Шиповъ, то матросы, уже вовлеченные въ обманъ своими Офицерами, не согласились присягать: онъ арестовалъ Ротныхъ Командировъ, но Николай Бестужевъ уговорилъ Бѣляевыхъ, Бодиско, Дивова, Шпейера, освободить ихъ. Въ сію минуту раздался голосъ: ребята, слышите ли стрѣльбу? вашихъ бьютъ, и Экипажъ побѣжалъ со двора, не смотря на усилія Капитана I-го ранга Качалова, который хотѣлъ матросовъ удержать въ воротахъ. (2) За всѣми пошли и другіе Офицеры, дотолѣ неучаствовавшіе въ безпорядкахъ. (3) На дорогѣ Конно Гвардейскаго манежа имъ встрѣтился Финляндскаго полка Поручикъ Цебриковъ; онъ кричалъ: въ каре противъ Кавалеріи.

Возмущеніе въ Московскомъ полку началось прежде. Тамъ Князь Щепинъ-Ростовскій, Штабсъ-Капитанъ Михайло Бестужевъ, братъ его Алек-

(1) Такъ же говорили Вишневскій и Кюхельбекеръ.

(2) Такъ показываетъ Дивовъ; прочіе не помнятъ, что рѣшило движеніе Экипажа.

(3) Лейтенанты Цебриковъ и Лермонтовъ.

сандръ и еще два сего же полка Офицера, (Броке, Волковъ,) ходили по ротамъ 6-й, 5-й, 3-й, 2-й, стараясь ослѣпить рядовыхъ, уговаривая ихъ не присягать Вашему Императорскому Величеству, повторяя: „все обманъ, насъ заставляютъ прися-“ гать, а Константинъ Павловичъ не отказывал-“ ся; онъ въ цѣпяхъ; Его Высочество Шефъ “ полка также въ цѣпяхъ.” Александръ Бестужевъ прибавлялъ, что онъ присланъ изъ Варшавы съ повелѣніемъ недопускать полки до присяги. Михайло Бестужевъ говорилъ: “Царь Константинъ “ любитъ нашъ полкъ и прибавитъ вамъ жалова-“ нья: кто не останется вѣренъ Ему, того колите.”(1) Онъ и Князь Щепинъ приказали солдатамъ взять боевые патроны и зарядить ружья. Я не хочу знать Генерала, отвѣчалъ Щепинъ Адъютанту Веригину собиравшему Офицеровъ къ Полковому Командиру; велѣлъ возмущенной имъ толпѣ рядовыхъ отнять знамя у Гренадеровъ, бить ихъ прикладами, и бросился съ обнаженной саблею на Генералъ-Маіора Фридрихса, которому уже грозилъ Александръ Бестужевъ пистолетомъ. Князь Щепинъ ранилъ Генерала Фридрихса въ голову, и когда онъ безъ чувствъ упалъ, то бросясь также на Бригаднаго Командира Генералъ-Маіора Шеншина, тяжело ранилъ и его, и лежащаго еще долго рубилъ; потомъ далъ нѣсколько ударовъ саблею Полковнику Хвощинскому Гренадеру Красовскому, унтеръ-офицеру Мосѣеву, и кричалъ солдатамъ: зарублю! наконецъ отнявъ

(1) Показаніе нижнихъ чиновъ Московскаго полка; Бестужевъ увѣряетъ, что не говорилъ этаго.

знамя, повелъ бунтующія роты на Сенатскую площадь. Выходя на берегъ Фонтанки и видя возлѣ себя Александра Бестужева, онъ сказалъ ему: что! вѣдь къ чорту Конституція, и Бестужевъ отвѣчалъ, (отъ всего сердца, какъ увѣряетъ) разумѣется къ чорту. Онъ, (Александръ Бестужевъ), увѣряетъ также, что хотя дѣйствовалъ въ казармахъ Московскаго полка, какъ рѣшительный возмутитель, но уже чувствовалъ въ себѣ волненіе совѣсти; что даже, вставая въ сей день, со слезами молился: Боже! если дѣло наше правое, помоги! а ежели нѣтъ, буди воля твоя надъ нами.

Въ полку Лейбъ-Гвардейскомъ бунтъ произведенъ тѣми же средствами. Когда рядовыхъ вывели для присяги, къ нимъ подходилъ Подпоручикъ Кожевниковъ, не трезвый, какъ онъ самъ признается, ибо узнавъ чрезъ Сутгофа, что наступилъ часъ назначенный Тайнымъ Обществомъ для мятежа, онъ хотѣлъ ободриться и довелъ себя до безпамятсва крѣпкимъ напиткомъ; онъ спрашивалъ солдатъ: за чѣмъ вы забываете клятву, данную Константину Павловичу? потомъ кричалъ еще въ галлереѣ: кому присягаете? все обманъ! но порядокъ въ полку симъ не былъ нарушенъ: всѣ присягнули и рядовые сѣли обѣдать. Тогда Поручикъ Сутгофъ, бывшій уже у присяги, вдругъ пришелъ къ своей ротѣ съ словами: "Братцы! напрасно "мы послушались, другіе полки не присягаютъ "и собрались на Петровской площади: оденьтесь,

'зарядите ружья, за мной и не выдавайте. Ваше жалованье у меня въ карманѣ; я раздамъ его безъ приказу." Почти вся рота, не смотря на увѣщанія Полковаго Командира Стюрлера, послѣдовала за Сутгофомъ, который безпрестанно повторялъ: впередъ! не выдавайте! Между тѣмъ другой Поручикъ, Пановъ, также присягнувшій, бѣгалъ изъ роты въ роту, возбуждая рядовыхъ увѣреніями, что ихъ обманули, что имъ будетъ худо отъ прочихъ полковъ и Константина Павловича; когда же Командиръ полка вызвалъ Баталіоны и велѣлъ заряжать ружья, чтобы вести ихъ противъ мятежниковъ, то Пановъ уговаривалъ не повиноваться: лучше сдадимся тѣмъ, которые стоятъ за Константина; наконецъ видя, что ему вѣрятъ многіе, бросился въ середину колонны и подавъ знакъ возмущенія крикомъ: Ура! повелъ нѣсколько ротъ въ разстройствѣ на Сенатскую площадь. Идучи мимо Зимняго Дворца Вашего Императорскаго Величества, онъ вступилъ-было съ частію Лейбъ-Гренадеръ на дворъ онаго, но увидѣвъ, что тамъ стоятъ Саперы, и сказавъ: это не наши, пошелъ далѣе. На площади, когда нѣкоторые изъ рядовыхъ примѣтили, что они обмануты, Пановъ ободрялъ ихъ, увѣряя, что скоро будетъ самъ Константинъ Павловичъ и накажетъ Гвардію за ея непостоянство, а ихъ наградитъ. Онъ присоединилъ свои роты къ тѣмъ, которыя были приведены Щепинымъ; къ нимъ же пристало нѣсколько человѣкъ во фракахъ, съ кинжалами, пистолетами, саблями.

Коммиссія почитаетъ не нужнымъ описывать все

произшествія сего дня, ознаменованнаго буйствомъ немногихъ, и знаками общаго усердія, нелицемѣрной преданности къ Престолу, и всего болѣе, новымъ примѣромъ царственныхъ доблестей, наслѣдственныхъ въ семъ Августѣйшемъ Домѣ, который былъ предметомъ безумной злобы мятежниковъ. Сіи произшествія извѣстны Вашему Величеству и Россіи. Она съ прискорбіемъ и омерзѣніемъ узнала о покушеніи людей умышлявшихъ обезславить имя Русское, и видитъ съ восторгомъ благодарности, что преступные ковы и надежды ихъ разрушены въ одно благословенное небомъ мгновеніе. Принятыя мѣры осторожности вскорѣ остановили всѣ дѣйствія бунтовавшихъ: въ ихъ рядахъ уже господствовало безначаліе, коего ужасами они угрожали отечеству; яростнѣйшіе продолжали отличаться убійствами. Каховскій, какъ видно изъ многихъ показаній, наконецъ подтвержденныхъ и его собственнымъ признаніемъ, стрѣлялъ изъ пистолета и смертельно ранилъ Графа Милорадовича, въ ту самую минуту, когда онъ явился одинъ передъ рядами несчастныхъ обманутыхъ воиновъ, чтобы образумить ихъ и возвратить къ долгу: (1) Князь Евгеній Оболенской также ранилъ его штыкомъ, хотѣвъ, какъ утверждаетъ, только ударить лошадь, чтобы принудить его удалиться; Каховскій же, по словамъ Князя Одоевскаго (2), убилъ и Полковника Стюрлера, и потомъ бросая пистолетъ ска-

(1) Лѣкарь, дѣлавшій операцію, представилъ Коммиссіи пулю найденную въ тѣлѣ Графа Милорадовича; она не ружейная, а пистолетная.

(2) И собственному признанію.

залъ: довольно! у меня сего дня двое на душѣ. Онъ же ранилъ Свитскаго Офицера (Штабсъ-Капитана Гастефера) кинжаломъ. Князь Щепинъ первый далъ солдатамъ приказаніе стрѣлять, и въ семъ безпорядкѣ ранено нѣсколько рядовыхъ и Полковникъ Велліо. Наконецъ Кюхельбекеръ (Вильгельмъ) дерзнулъ обратить оружіе на Великаго Князя Михаила Павловича: матросы Гвардейскаго Экипажа, съ коими онъ стоялъ, (1) и въ волненіи мятежа устрашенные симъ покушеніемъ злодѣйства, отвели пистолетъ его. Кюхельбекеръ однако же увѣряетъ, что онъ не хотѣлъ совершить удара, а притворно согласился на сіе по вызову Ив: Пущина для того, чтобы не допустить къ сему другихъ, и зная, что пистолетъ его измоченный снѣгомъ не могъ бы выстрѣлить, въ доказательство прибавляетъ, что послѣ, онъ мѣтилъ тѣмъ же пистолетомъ въ Генерала Войнова и пистолетъ осѣкся (2).

Но изъ людей, кои были душою заговора, или обѣщали принять Главное Начальство надъ вовлеченными въ обманъ войсками, явился на сборномъ мѣстѣ одинъ Якубовичь, и не надолго, по условію ли съ Булатовымъ, или, какъ онъ показываетъ, по чувству вины своей и безразсудности, онъ вскорѣ оставилъ мятежниковъ. Булатовъ былъ на площади, но только зрителемъ, хотя выходя изъ дома

(1) Дороѳеевъ, Ѳедоровъ, Куронтевъ.

(2) Пущинъ на вопросъ Коммиссіи отвѣчалъ, что это ложь. Бывшіе тутъ нижніе чины говорятъ, что Кюхельбекеру указывалъ на Великаго Князя не Пущинъ, а Поручикъ Цебриковъ, но и онъ не признается въ томъ.

и заряжая пистолеты, говорилъ: "можетъ быть увидятъ, что естъ и въ Россіи Бруты и Рьеги, которыхъ (въ чемъ признается откровенно,) зналъ только по именамъ. Князь Трубецкій скрывался отъ своихъ сообщниковъ: онъ спѣшилъ въ Главной Штабъ присягать Вашему Величеству, думая сею готовностію загладить часть своего преступленія, и потому, что тамъ соумышленники не могли найти его; ему нѣсколько разъ дѣлалось дурно; онъ бродилъ весь день изъ дома въ домъ, удивляя всѣхъ встрѣчавшихъ его знакомыхъ; наконецъ пришелъ ночевать къ свояку своему, Посланнику Двора Австрійскаго, откуда по высочайшей волѣ Вашей истребованъ Графомъ Нессельродомъ. Рылѣевъ, какъ онъ самъ говоритъ, увидѣвъ, что нѣтъ Князя Трубецкаго на площади, поѣхалъ искать его и не возвращался. Поступки Батенкова въ этотъ день были почти такіе же: онъ проснулся съ мыслію о своемъ будущемъ величіи, какъ Члена Верховнаго Правленія; конецъ мечтамъ положила повѣстка о присягѣ. Еще нѣсколько времени онъ старался узнать, что происходитъ; искалъ Александра Бестужева, Рылѣева, который ему сказалъ, что Офицеры одной Батареи Гвардейской Артиллеріи возмутясь ѣздятъ съ орудіями по городу; сія ложная вѣсть его поразила, и онъ также спѣшилъ присягнуть, забывъ о планахъ для перемѣнъ въ Государствѣ, о словѣ быть въ числѣ Правителей, и желая только, чтобы скорѣе переловили бунтовщиковъ. Однакожъ вечеромъ, когда уже тиши-

на и порядокъ были по всюду возстановлены, онъ заѣхалъ къ Рылѣеву, и не входя, а заглядывая въ комнату, спрашивалъ: ну! что? Иванъ Пущинъ, бывшій тутъ съ нѣкоторыми другими изъ бѣжавшихъ съ Сенатской площади мятежниковъ, оборотился къ нему до половины и сказалъ въ отвѣтъ: да вы Подполковникъ, вы-то что? Увидѣвъ его и Барона Штейнгеля Батенковъ скрылся, (1) и въ теченіи двухъ недѣль, полагаясь на краткость своихъ сношеній съ Членами Тайнаго Общества, надѣялся избѣжать подозрѣній Правительства: даже при началѣ допросовъ, онъ долго увѣрялъ, что намѣренія заговорщиковъ были ему весьма несовершенно извѣстны; что онъ считая ихъ невозможными въ исполненіи, почти не обращалъ на нихъ вниманія; что чувствуетъ себя виновнымъ въ однихъ нескромныхъ словахъ и дерзкихъ желаніяхъ: но множество уликъ и можетъ быть упреки совѣсти наконецъ превозмогли притворство; онъ полнымъ искреннимъ признаніемъ утвердилъ свидѣтельства другихъ (2). Всѣ прочіе, больше или меньше участвовавшіе въ мятежѣ и вообще въ замыслахъ Сѣверной Думы, показывая другъ на друга, сдѣлались вскорѣ извѣстны Коммисіи, немедленно отъисканы и представлены къ допросу (3); нѣкоторые

(1) Такъ расказываетъ Штейнгель.

(2) Одно изъ своихъ письменныхъ объявленій Коммисіи онъ начинаетъ сими словами: Дабы не умереть нося въ душѣ преступную тайну.

(3) Большая часть въ Петербургѣ; Кюхельбекеръ, бѣжавшій послѣ первыхъ пушечныхъ выстрѣловъ, въ Варшавѣ; немногіе въ Москвѣ; въ томъ числѣ Баронъ Штейнгель, который выѣхалъ отсюда 22-го Декабря.

сами отдались подъ стражу. Между сими последними, Полковникъ Булатовъ. Сей человѣкъ странный и несчастный, давно изнуряемый внутреннею неизлѣчимою болѣзнію, умѣвъ съ самаго начала почувствовать и беззаконность, и безрасудность предпріятія своихъ сообщниковъ, даже рѣшительно отклонившись отъ содѣйствія и восхищавшись какъ онъ сказываетъ, распоряженіями Вашего Величества 14-го Декабря, вдругъ на слѣдующій день, когда и яростнѣйшіе начинали признавать вину свою, предался какому-то неизъяснимому бѣшенству. Мысль, что его именемъ завлеченъ въ заблужденіе и погубленъ любившій его полкъ, (Лейбъ-Гренадерской), нелѣпая сказка, распущенная легкомысліемъ или зложелательствомъ, что всѣ рядовые бывшіе на площади обречены смертной казни, совершенно омрачили его умственныя способности. "Въ семъ состояніи, говоритъ онъ въ письмѣ къ Его Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу, я пришелъ въ Главный "Штабъ къ при- "сягѣ: мое воображеніе смутилось; голова пылала; "мнѣ казалось, что отвсюду течетъ кровь моихъ "любезныхъ сослуживцевъ, и когда вкругъ меня "клялись въ вѣрности Государю, я поднялъ руку; "поцѣловалъ крестъ, съ ужасною клятвою въ сердцѣ: "умертвить его. Всякъ, увидѣвъ мое имя на при- "сяжномъ листѣ, узнаетъ въ немъ подпись злодѣя". Онъ однако же не былъ злодѣемъ, покрайней мѣрѣ закоренѣлымъ: волненіе страстей скоро въ немъ затихло; онъ началъ удостовѣряться въ лживости дошедшихъ до него слуховъ; наконецъ пришелъ во Дворецъ, былъ допущенъ къ Вашему Ве-

личеству и первый взглядъ Вашъ обезоружилъ его. Съ сей минуты, до того времени, когда новый припадокъ прежней болѣзни лишилъ его силъ и жизни (19 Генваря сего года), онъ безпрестанно терзался воспоминаніемъ своего страшнаго, дотолѣ никому неизвѣстнаго умысла, воспоминаніемъ самыхъ знаковъ оказаннаго ему милосердія ; но утолялъ муку совѣсти признаніями, совершенно добровольными, ибо онъ даже не былъ допрашиваемъ, и умирая, смѣло завѣщалъ участь дѣтей Монарху, на коего мыслилъ поднять руку.

Спокойство, твердостію Вашего Величества возвращенное Столицѣ, въ прочихъ мѣстахъ Имперіи, за исключеніемъ Василькова и окрестностей, не было и нарушено. Въ Москвѣ, гдѣ всѣ жители съ восторгомъ произносили клятву въ вѣрности Вашему Императорскому Величеству и Наслѣднику Престола, нѣкоторые изъ Членовъ Тайнаго Общества, въ томъ числѣ и отставшіе отъ онаго, собирались разсуждать о происшествіяхъ 14-го Декабря. Одинъ, Мухановъ (1), извѣстный другимъ невоздержностію въ рѣчахъ, говорилъ въ изступленіи досады: "Наши товарищи гибнутъ; ихъ можетъ спасти только смерть Государя, и я знаю человѣка готоваго, по крайней мѣрѣ отмстить за нихъ (2)." Сами сообщники его слушали съ пренебреженіемъ. На Югѣ, гдѣ въ слѣдствіе предписаній привезенныхъ изъ Таганрога Генералъ - Адъютантомъ Чернышевымъ, уже были забираемы подъ стражу важнѣйшіе зло-

(1) Штабсъ-Капитанъ Измайловскаго полка.

(2) Показаніе Якушкина: Мухановъ признался, что говорилъ это.

умышленники, по указаніямъ донесшаго на нихъ Капитана Майбороды, бѣшенство другихъ, смущенныхъ открытіемъ заговорщиковъ, также изливалось въ словахъ (1). Поджіо говорилъ Василію Давыдову: "должно для спасенія нашихъ, ѣхать въ Петербургъ, "убить Императора Константина;" (имъ еще не извѣстно было вступленіе Вашего Величества на Престолъ) "предлагаю свои двѣ руки." — "Надобно ихъ шесть, отвѣчалъ Давыдовъ." Поджіо думалъ найти пособниковъ въ Митьковѣ, Князѣ Валеріанѣ Голицынѣ, Князѣ Оболенскомъ и Матвѣѣ Муравьевѣ (2). Генералъ-Маіоръ Князь Сергѣй Волконскій узнавъ, что Полковникъ Пестель съ нѣкоторыми другими арестованъ, нашелъ средство увидѣться съ нимъ наединѣ; Пестель сказалъ ему: "не бойтесь, спасайте "только мою Русскую Правду (3); а я не открою ничего;" и однакожъ во всемъ признался предъ Коммиссіею, наименовалъ всѣхъ своихъ соумышленниковъ, и по требованію Коммиссіи всѣ они отъисканы и представлены сюда Мѣстными Начальствами. Сергѣй и Матвѣй Муравьевы также были взяты (29 Декабря) начальникомъ перваго, Подполковникомъ Гебелемъ, хотя онъ (Муравьевъ) находился не при полку, и узнавъ отъ Бестужева-Рюмина о приказаніи арестовать его, скрывался вмѣстѣ съ братомъ (4). Къ сожалѣнію, Г. Гебель не имѣлъ осторожности

(1) Достойно замѣчанія, что главные, въ томъ числѣ Полковникъ Пестель, арестованы именно 14-го Декабря.

(2) Показаніе Давыдова и Поджіо

(3) Списокъ оной руки самаго Пестеля былъ зарытъ въ землѣ близь деревни Курнасовки; но найденъ Штабсъ-Ротмистромъ Слѣпцовымъ, Адъютантомъ Генералъ-Лейтенанта Чернышева.

(4) За нѣсколько дней передъ тѣмъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ,

приставить къ нимъ достаточную стражу, и въ ту же ночь, нѣсколько Офицеровъ, принадлежавшихъ къ Обществу Соединенныхъ Славянъ, Поручики Кузьминъ, Сухиновъ, Щипилла и Штабсъ-Капитанъ Баронъ Соловьевъ ворвались въ комнаты, гдѣ содержались Муравьевы, освободили ихъ, схватили Подполковника Гебеля и Жандармскаго Офицера, ранили перваго. Сергѣй Муравьевъ тогда лишь, какъ утверждаетъ онъ, рѣшился возмутить Черниговскій полкъ. Онъ былъ въ мѣстечкѣ Трилѣсьѣ, но немедленно отправился въ Ковалевку, чтобы собрать тамъ 2-ю Гренадерскую роту, велѣвъ Поручику Кузмину туда же привести 5-ю, а Соловьеву и Щипиллѣ возмутить свои роты и съ ними итти въ Васильковъ. Изъ Ковалевки, гдѣ онъ ночевалъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ 30-го Декабря пошелъ съ двумя ротами 2-ю и 5-ю на Васильковъ: дорогою пріѣхалъ къ нему Бестужевъ-Рюминъ, котораго онъ послалъ въ Брусиловъ за извѣстіями. Въ 8-ми верстахъ отъ города, узнавъ, что тамъ стоитъ рота съ Маіоромъ Трухинымъ, Муравьевъ приказалъ своимъ зарядить ружья; Маіоръ Трухинъ съ своей стороны приказывалъ то же; ему не повиновались, и возмутившіяся роты вступили безпрепятственно въ Ва-

узналъ въ Житомирѣ о происшествіяхъ 14-го Декабря, вздумалъ снова требовать смерти Государя Цесаревича отъ Директоровъ Польскаго Тайнаго Общества и просилъ Графа Мошинскаго доставить имъ письмо, которое Бестужевъ-Рюминъ еще въ 1824-мъ году хотѣлъ отправить къ нимъ чрезъ Князя Сергѣя Волконскаго. "Я надѣялся, "говоритъ Муравьевъ, что сдѣлавъ сіе, Варшавское Общество принуждено будетъ начать и возмущеніе въ Польшѣ, а мы тѣмъ воспользуемся." Но Графъ Мошинскій не согласился на предложеніе, сказавъ, что Уставы Польскаго Общества не дозволяютъ принимать никакихъ письменныхъ сообщеній

сникковъ. Тутъ, отдавъ подъ стражу Маіора Трухина, выпустивъ арестованныхъ Подполковникомъ Гебелемъ Соловьева, Щипиллу и нѣсколькихъ преданныхъ суду рядовыхъ, взявъ безденежно хлѣба, другихъ съѣстыхъ припасовъ и напитковъ изъ городскихъ лавокъ, Муравьевъ началъ составлять планы для дѣйствія. Къ нему пристали еще нѣкоторые Офицеры и пріѣзжалъ изъ Бѣлой Церкви, приглашенный имъ на канунѣ Подпоручикъ 17-го Егерскаго полка Александръ Вадковскій, Членъ не весьма дѣятельный Южнаго Общества. Сергѣй Муравьевъ уговаривалъ его произвести бунтъ въ семъ полку. "Буду стараться, если соберутъ его, но кажется "не возможно," отвѣчалъ Вадковскій и разстался съ Муравьевымъ, который въ то же время посылалъ въ Кіевъ, надѣясь тамъ найти какого-нибудь единомышленника и требуя пособія. Онъ думалъ итти или на Кіевъ, или на Бѣлую Церковь, или къ Житомиру, чтобы соединиться съ Офицерами Общества Славянъ; наконецъ рѣшился двинуться къ Брусилову, откуда могъ, смотря по обстоятельствамъ, поспѣть однимъ переходомъ и въ Кіевъ, и въ Житомиръ. На другой день, 31-го Декабря въ полдень, ибо онъ дожидался 2-й мушкетерской роты, онъ велѣлъ собраться къ походу тѣмъ, кои уже пристали къ нему; передъ выступленіемъ полковый Священникъ, за 200 рублей, согласился отпѣть молебенъ и прочесть сочиненный Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ-Рюминымъ Катихизисъ, въ коемъ, какъ было означено выше, своевольно толкуя отдѣльныя мѣста изъ Ветхаго Завѣта, они хотѣли доказать, что Богу угоденъ одинъ Республиканскій образъ Пра-

вленія. По сей Лже-Катихизисъ, какъ самъ Муравьевъ показываетъ, произвелъ на рядовыхъ невыгодное для его намѣреній впечатлѣніе, и онъ увидѣлъ себя принужденнымъ дѣйствовать снова именемъ Государя Цесаревича, увѣряя солдатъ, что Его Высочество не отрекался отъ Короны. На пути къ Брусилову, въ деревнѣ Мотовиловкѣ нашелъ онъ І-ю Гренадерскую и І-ю мушкетерскую роты безъ командировъ (1), онъ предлагалъ имъ, просилъ съ нимъ соединиться: часть мушкетерской роты согласилась, гренадерская отказалась вся рѣшительно и отступила къ Бѣлой Церкви. Мятежники провели весь слѣдующій день (1-е Генваря) въ Мотовиловкѣ, ибо начальникъ ихъ Сергѣй Муравьевъ боялся трудить солдатъ въ праздникъ новаго года; 2-е Генваря, не получая извѣстій изъ Кіева, полагая, что и тамъ, и въ самомъ мѣстечкѣ Брусиловѣ, уже знаютъ о бунтѣ его, онъ пошелъ къ Бѣлой Церкви и почевалъ въ селѣ Пологи; тутъ увѣдомясь отъ Щипиллы, что въ Бѣлой Церкви нѣтъ войска, которое онъ надѣялся возмутить, Муравьевъ снова измѣнилъ свой планъ, обратился къ Трилѣсью искать сближенія съ Членами Общества Соединенныхъ Славянъ, но между деревнями Устимовкой и Королевкой встрѣтилъ высланный противъ него Гусарскій отрядъ Генерала Гейсмара. " Я привелъ свои роты въ порядокъ, говоритъ " онъ, велѣлъ солдатамъ не стрѣляя итти прямо на " пушки съ остававшимися Офицерами, (ибо мно-

(1) Командиръ 1-й Гренадерской былъ съ своею ротою, но рядовые, чтобы спасти Начальника своего отъ мятежниковъ, уговорили его одѣться въ солдатской мундиръ.

" гіе изъ присоединившихся къ нему въ Василь-
" ковѣ, въ то время уже оставили его); солдаты
" шли за мною (1), когда я упалъ безъ чувствъ,
" раненный картечью; очнувшись увидѣлъ своихъ
" въ разстройствѣ, хотѣлъ собрать ихъ, но они,
" вмѣсто повиновенія, схватили меня и Бестужева
" и отдали начальнику эскадрона Маріупольскаго
" полка." Братъ его Матвѣй и всѣ прочіе Офицеры также взяты, кромѣ убитаго въ дѣлѣ другаго его брата Ипполита и Порутчика Сухинина, который успѣвъ бѣжать, отъисканъ уже мѣстнымъ Начальствомъ въ Кишиневѣ; изъ взятыхъ, Кузминъ застрѣлился въ тотъ же день предъ глазами обоихъ Муравьевыхъ, съ коими онъ содержался (2).

Описавъ свойство, намѣренія и дѣйствія открытыхъ въ Россіи злоумышленныхъ Тайныхъ Обществъ, Коммиссіи остается обратить вниманіе Вашего Императорскаго Величества на личное въ сихъ замыслахъ и дѣйствіяхъ участвованіе всѣхъ допрошенныхъ въ продолженіе слѣдствія, какъ тѣхъ, коихъ имена упомянуты въ семъ донесеніи, такъ и

(1) Весьма не охотно, какъ показываетъ Матвѣй Муравьевъ, и бросили ружья, какъ скоро Гусары закричали имъ: сдавайтесь.

(2) Изъ нихъ Сухиновъ, Соловьевъ, Щипилла и Мозалевскій преданы Военному Суду въ 1-й Арміи. Ипполитъ Муравьевъ пріѣхалъ къ братьямъ нечаянно въ Васильковъ и остался съ ними вопреки усильнымъ просьбамъ ихъ, особливо Матвѣя, который предвидѣлъ окончаніе преступнаго ихъ предпріятія. Онъ говорилъ о томъ на походѣ Бестужеву-Рюмину. Не надобно терять надежды, отвѣчалъ Бестужевъ; если не удастся здѣсь, то не все еще пропало: мы скроемся въ лѣсахъ, проберемся къ Петербургу, и я убью Государя. Бестужевъ увѣряетъ, что онъ это сказалъ единственно для того, чтобы ободрить Муравьева и удержать его отъ самоубійства.

другихъ, менѣе значившихъ въ кругу своихъ сообщниковъ, хотя нѣкоторые между ими участвовали и въ самыхъ преступныхъ умыслахъ. Коммиссія старалась представить сіе наиточнѣйшимъ образомъ въ особыхъ о каждомъ запискахъ, означая въ оныхъ, и собственныя ихъ признанія, и показанія свидѣтелей, и новые по симъ показаніямъ данные ими отвѣты и объясненія. Сіи записки, вмѣстѣ съ письменными извѣтами допрошенныхъ и другими слѣдующими къ дѣлу, болѣе или менѣе важными бумагами, Коммисія подноситъ на Высочайшее усмотрѣніе Вашего Величества.

30-е Маія 1826 года.

Подписали:

Предсѣдатель, Военный Министръ Татищевъ.

Генералъ-Фельдцейхмейстеръ Михаилъ.

Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Князь Голицынъ.

Санктпетербургскій Военный Генералъ - Губернаторъ, Генералъ-Адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Генералъ-Адъютантъ Чернышевъ.

Генералъ-Адъютантъ Бенкендорфъ.

Генералъ-Адъютантъ Левашовъ.

Генералъ-Адъютантъ Потаповъ.

Скрѣпилъ.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Д. Блудовъ.

СПИСОКЪ

Лицъ, кои по дѣлу о тайныхъ злоумышленныхъ Обществахъ предаются по Высочайшему повелѣнію Верховному Уголовному Суду въ силу Манифеста отъ 1-го числа Іюня сего 1826-го года.

Сѣвернаго Общества.	Южнаго Общества.	Соединенныхъ Славянъ.
1. Князь Трубецкой, Полковникъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка, Дежурный Штабсъ-Офицеръ 4-го Пѣхотнаго Корпуса.	1. Пестель, Полковникъ Вятскаго пѣхотнаго полка.	1. Борисовъ 2-й, Подпоручикъ 8-й Артиллерійской бригады.
2. Рылѣевъ, отставной Подпоручикъ.	2. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Черниговскаго пѣхотнаго полка Подполковникъ.	2. Борисовъ 1-й, отставной Подпоручикъ.
3. Князь Евгеній Оболенскій Поручикъ Лейбъ-Гв. Финляндскаго полка, Старшій Адъют: Командующаго всею пѣхотою Гвардейскаго корпуса Генералъ-Адъютанта Бистрома 1-го.	3. Бестужевъ-Рюминъ, Полтавскаго пѣхотнаго полка Подпоручикъ.	3. Спиридовъ, Маіоръ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
4. Муравьевъ Никита, Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Капитанъ.	4. Муравьевъ-Апостолъ Матвѣй отставной Подполковникъ.	4. Горбачевскій, Подпоручикъ 8-й Артиллерійской бригады.
5. Каховскій, отставной Поручикъ	5. Юшневскій, 4-го класса, бывшій Генералъ-Интендантъ 2-й Арміи.	5. Бечасновъ, Прапорщикъ 8 й Артиллерійской бригады.

6. Князь Щепинъ-Ростовскій, Лейбъ-Гвардіи Московскаго полка Штабсъ-Капитанъ.	6. Князь Волконскій Сергѣй, Генералъ-Маіоръ.	6. Пестовъ, Подпоручикъ 9-й Артиллерійской бригады.
7. Бестужевъ Александръ, Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго полка Штабсъ-Капитанъ, Адъютантъ Его Королевскаго Высочества Герцога Александра Виртембергскаго.	7. Давыдовъ, Василій Львовъ сынъ, отставной Полковникъ.	7. Андреевичъ 2-й, Подпоручикъ 8-й Артиллерійской бригады.
8. Бестужевъ Михайло, Лейбъ-Гвардіи Московскаго полка Штабсъ-Капитанъ.	8. Князь Барятинскій, Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка Штабсъ-Ротмистръ, Адъютантъ Главнокомандующаго 2-ю Арміею.	8. Люблинскій, Дворянинъ Волынской Губерніи.
9. Арбузовъ, Гвардейскаго Экипажа Лейтенантъ.	9. Поджіо, отставной Подполковникъ.	9. Тютчевъ, Капитанъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
10. Бестужевъ Николай, 8-го Экипажа Капитанъ-Лейтенантъ.	10. Муравьевъ Артамонъ, Ахтырскаго Гусарскаго полка Полковникъ.	10. Громницкій, Поручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
11. Пановъ. Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка Поручикъ.	11. Повало-Швейковскій, Саратовскаго пѣхотнаго полка Полковникъ.	11. Кирѣевъ, Прапорщикъ 8-й Артиллерійской бригады.
12. Сутгофъ. Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка Поручикъ.	12. Вадковскій, Нѣжинскаго Конно-Егерскаго полка Прапорщикъ.	12. Фурманъ, Капитанъ Черниговскаго полка.
13. Кюхельбекеръ, Коллежскій Ассесоръ.	13. Тизенгаузенъ, Полковникъ Полтавскаго полка.	13. Ведияяминъ 1-й, Подпоручикъ 9-й Артиллерійской бригады.

14. Пущинъ Иванъ, Коллежскій Ассесоръ.	14. Враницкій, Полковникъ Квартирмейстерской Части.	14. Ведняпинъ 2-й, Прапорщикъ 9-й Артиллерійской бригады.
15. Князь Одоевскій, Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка Корнетъ.	15. Крюковъ, Квартирмейстерской Части Порутчикъ.	15. Шимковъ, Прапорщикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка.
16. Якубовичъ, Нижегородскаго Драгунскаго полка Капитанъ.	16. Фаленбергъ, Подполковникъ Квартирмейстерской Части, Старшій Адъютантъ Главнаго Штаба 2-й Арміи по Квартирмейстерской Части.	16. Мозганъ, Подпорутчикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
17. Цебриковъ, Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка Порутчикъ.	17. Лореръ, Вятскаго полка Маіоръ.	17. Ивановъ, Провіантскій Чиновникъ 10-го класса.
18. Рѣпинъ, Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка Штабсъ-капитанъ.	18. Краснокутскій, Оберъ-Прокуроръ Сената, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ.	18. Фроловъ 2-й, Пензенскаго пѣхотнаго полка Порутчикъ.
19. Муравьевъ Александръ, отставной Полковникъ.	19. Лихаревъ, Подпорутчикъ Квартирмейстерской Части.	19 Мозгалевскій, Потпорутчикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка.
20. Якушкинъ, отставной Капитанъ	20. Вольфъ, Штабъ-Лекарь, состоявшій при Главной Квартирѣ 2-й Арміи.	20. Лисовскій, Порутчикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
21. Фонъ Визинъ, отставной Генералъ-Маіоръ.	21. Крюковъ, Кавалергардскаго полка Порутчикъ, Адъютантъ Главнокомандующаго 2-й Арміею.	21. Выгодовскій, Канцеляристъ.

22. Князь Шаховской Өедоръ, отставной Маіоръ.	22. Поджіо, отставной Штабсъ-Капитанъ.	22. Берстель, Подполковникъ, бывшій Командиръ легкой роты No. 2-го 9-й Артиллерійской бригады.
23. Лунинъ Михаилъ, Лейбъ Гвардіи Гродненскаго Гусарскаго полка Подполковникъ.	23. Аврамовъ, Полковникъ Казанскаго пѣхотнаго полка.	23. Шахиревъ, Черниговскаго пѣхотнаго полка Поручикъ.
24. Мухановъ, Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка Штабсъ-Капитанъ.	24. Норовъ, отставной Подполковникъ.	
25. Митьковъ, Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка Полковникъ.	25. Янтольцовъ, Подполковникъ, Командиръ Конно-Артиллерійской роты No. 27.	
26. Завалишинъ, 8-го Флотскаго Экипажа Лейтенантъ.	26. Ивашевъ, Ротмистръ Кавалергардскаго полка Адъютантъ Главнокомандующаго 2-ю Арміею.	
27. Батенковъ, Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія Подполковникъ.	27. Басаргинъ, Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка Поручикъ, Старшій Адъютантъ Главнаго Штаба 2-й Арміи.	
28. Баронъ Штейнгель, отставной Подполковникъ.	28. Корниловичъ, Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Штабсъ-Капитанъ.	
29. Торсонъ, Флота Капитанъ-Лейтенантъ. Адъютантъ Начальника Морскаго Штаба.	29. Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й, Поручикъ Квартирмейстерской Части.	

30. Князь Голицынъ, Валеріанъ, Камеръ-Юнкеръ.	30. Бобрищевъ-Пущинъ, 2-й, Порутчикъ Квартирмейстерской Части.
31. Бѣляевъ 1. } Гвардейскаго Экипажа Мичманы.	31. Запкинъ, Подпорутчикъ Квартирмейстерской Части.
32. Бѣляевъ 2. } Гвардейскаго Экипажа Мичманы.	32. Аврамовъ, Порутчикъ Квартирмейстерской Части.
33. Дивовъ, Гвардейскаго Экипажа Мичманъ.	33. Загорѣцкій, Порутчикъ Квартирмейстерской Части.
34. Бестужевъ Петръ, Мичманъ 27 Флотскаго Экипажа.	34. Поливановъ, отставной Полковникъ.
35. Свистуновъ, Кавалергардскаго полка Корнетъ.	35. Баронъ Черкасовъ Порутчикъ Квартирмейстерской Части.
36. Анненковъ, Кавалергардскаго полка Порутчикъ.	36. Фохтъ, Штабсъ-Капитанъ Азовскаго пѣхотнаго полка.
37. Кривцовъ, Лейбъ-Гвардіи Конной Артиллеріи Подпорутчикъ.	37. Графъ Булгари Николай, Порутчикъ Кирасирскаго Ея Величества полка.
38. Муравьевъ Александръ, Корнетъ Кавалергардскаго полка.	
39. Парышкинъ, Полковникъ Тарутинскаго пѣхотнаго полка.	

40. Фонъ-деръ-Бригенъ, отставной Полковникъ.		
41. Пущинъ, Лейбъ-Гвардіи Конно-Піонернаго Эскадрона Капитанъ.		
42. Бодиско 1-й, Гвардейскаго Экипажа Лейтенантъ.		
43. Кюхельбекеръ, того же Экипажа Лейтенантъ.		
44. Мусинъ-Пушкинъ, того же Экипажа Лейтенантъ.		
45. Акуловъ, того же Экипажа Лейтенантъ.		
46. Вишневскій, того же Экипажа Лейтенантъ.		
47. Бодиско 2-й, того же Экипажа Мичманъ.		
48. Горской, Статскій Совѣтникъ.		
49. Графъ Коновницынъ 1-й, Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Подпоручикъ.		
50. Оржитскій, отставной Штабсъ-Ротмистръ.		

51. Кожевников, Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка Подпоручикъ.		
52. Фокъ, того же полка, Подпоручикъ.		
53. Лаппа, тогожъ полка, Подпоручикъ.		
54. Назимовъ, Лейбъ Гвардіи Конно-Піонернаго эскадрона, Штабсъ-Капитанъ.		
55. Баронъ Розенъ, Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка Подпоручикъ.		
56. Хлѣбовъ, Коллежскій Секретарь.		
57. Андреевъ. Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка Подпоручикъ.		
58. Толстой, Московскаго пѣхотнаго полка Прапорщикъ.		
59. Графъ Чернышевъ, Кавалергардскаго полка Ротмистръ.		

60. Чижовъ. 2-го Флотскаго Экипажа Лейтенантъ.		
61. Тургеневъ Николай, Действительный Статскій Советникъ.		

Подписалъ: Начальникъ Главнаго Штаба Баронъ Дибичъ.

ВЕРХОВНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУДЪ НАДЪ

Злоумышленниками

учрежденный

по

Высочайшему Манифесту

1го Іюня 1826 г.

С. Петербургъ 1826.

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ Правительствующаго Сената.

Объявляется во всенародное извѣстіе.

Правительствующій Сенатъ въ Общемъ Собраніи Санктпетербургскихъ Департаментовъ, выслушавъ переданный въ оный изъ Верховнаго Уголовнаго Суда въ спискѣ протоколъ, состоявшійся въ 11-й день сего Іюля, при комъ приложены въ копіяхъ: во 1-хъ, всеподданнѣйшій Его Императорскому Величеству докладъ онаго Суда, съ росписью государственнымъ преступникамъ, осужденнымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ; во 2-хъ, Имянный Высочайшій Указъ, данный Верховному Уголовному Суду въ 10-й день сего же Іюля, о пощадахъ Его Императорскимъ Величествомъ даруемыхъ осужденнымъ преступникамъ; приказали; о совершеніи казней и наказаній надъ Государственными преступниками, Высочайшимъ Указомъ и приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда опредѣленныхъ, предписать Г. Санктпетербургскому Военному Генералъ-Губернатору. Докладъ же Верховнаго Суда съ росписью осужденнымъ преступникамъ, и Высо-

чайшій Указъ, равно выписку изъ упомянутаго протокола Верховнаго Уголовнаго Суда, съ изъясненіемъ учиненнаго въ ономъ, по Высочайше предоставленной ему власти, окончательнаго постановленія о пяти преступникахъ, поставленныхъ внѣ разрядовъ и внѣ сравненія съ другими по тяжести ихъ злодѣяній, издать совокупно во всеобщее извѣстіе.

Подлинный за подписаніемъ Правительствующаго Сената.	(М. П.)	Въ Санктпетербургѣ, Іюля 13. дня 1826-го года.

Всепресвѣтлѣйшему, Державнѣйшему, Великому Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому,

Верховнаго Уголовнаго Суда Всеподданнѣйшій докладъ.

Верховный Уголовный Судъ, Манифестомъ 1-го Іюня сего года для сужденія государственныхъ преступниковъ составленный, всеподданнѣйше представляетъ на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества существо приговора, о нихъ состоявшагося, изобразивъ предварительно тотъ порядокъ, коимъ дѣло сіе въ немъ было производимо.

Обрядъ производства уголовныхъ дѣлъ установленъ общими законами; но въ дѣлѣ высшихъ государственныхъ преступленій, общій уголовный обрядъ не могъ быть достаточенъ. Посему Ваше Императорское Величество, при самомъ составленіи сего Суда, соизволили преподать ему дополнительныя правила, на общемъ порядкѣ судопроизводства основанныя, и для успѣшнаго движенія сего дѣла необходимыя.

Верховный Уголовный Судъ въ 3-й день Іюня мѣсяца открылъ свои засѣданія чтеніемъ Высочайшаго Манифеста, потомъ донесенія Слѣдственной

Коммиссіи и подробныхъ о каждомъ подсудимомъ свѣдѣній, составленныхъ въ той же Коммиссіи изъ подлиннаго о нихъ производства. Все, что по прежнимъ свѣдѣніямъ отдѣльно было извѣстно о существѣ сихъ преступленій, при чтеніи актовъ представилось Суду въ ужасной всѣхъ обстоятельствъ совокупности. Чѣмъ болѣе онъ входилъ въ подробности, тѣмъ, казалось, расширялась предъ нимъ бездна злобы и нравственнаго ожесточенія. Всѣ прежнія чувства ужаса и омерзѣнія возбудились здѣсь съ новою силою.

Но Судъ не могъ, не долженъ былъ колебаться сими чувствами; онъ измѣрялъ преступленія, но видѣлъ предъ собою еще токмо подсудимыхъ. — Сколь ни достовѣрны были акты Слѣдственной Коммиссіи; но общій порядокъ правосудія, и правила, Вашимъ Императорскимъ Величествомъ предначертанныя, требовали личнаго въ допросахъ удостовѣренія. Къ сему два пути предлежали: призывъ подсудимыхъ предъ Судъ, или нарядъ къ нимъ Коммиссіи, Судомъ избранной и изъ среды его составленной, Ваше Императорское Величество тотъ и другой способъ соизволили представить его усмотрѣнію. Онъ избралъ послѣдній, какъ равно достовѣрный, но по числу подсудимыхъ болѣе удобный.

Ревизіонная Коммиссія исполнила порученное ей дѣло съ точностію. Всѣ подсудимые безъ исключенія подтвердили предъ нею собственноручнымъ подписаніемъ прежнія ихъ показанія. Имъ открыты были способы дополнять оныя всѣми обстоятельствами, кои могли они считать нужными къ

ихъ оправданію; нѣкоторые, и именно пять подсудимыхъ, пользуясь симъ дозволеніемъ и дѣйствительно представили поясненія, и хотя Коммиссія не нашла въ нихъ ничего важнаго и существеннаго, тѣмъ не менѣе представила оныя Верховному Суду на усмотрѣніе. По заключенію его, они приобщены къ дѣлу, и приняты къ совокупному съ онымъ соображенію.

По окончаніи такимъ образомъ ревизіи слѣдствія, Судъ приступилъ къ чтенію законовъ, на преступленія сего рода постановленныхъ, и къ выпискѣ, при семъ прилагаемой, во всей подробности ихъ изложенныхъ.

Изъ соображенія сихъ законовъ съ дѣломъ, сами собою проистекали два слѣдующіе вопроса:

1) Къ какому роду преступленій относятся преступленія, въ актахъ Слѣдственной Коммиссіи обнаруженныя? Судъ призналъ единогласно, что всѣ они принадлежатъ къ преступленіямъ государственнымъ, подъ именемъ двухъ первыхъ пунктовъ въ законодательствѣ нашемъ извѣстнымъ.

2) Какое наказаніе по законамъ нашимъ положено за сіи преступленія?—

Судъ призналъ и единогласно опредѣлилъ, что преступленія, въ актахъ означенныя и собственнымъ признаніемъ подсудимыхъ двукратно удостовѣренныя, подлежатъ всѣ безъ изъятія смертной, казни.

Симъ однимъ общимъ приговоромъ оканчивалось дѣло во всей законной его точности. Строгость нашихъ законовъ не дозволяетъ въ семъ родѣ преступленій различать никакихъ постепенностей. Всѣ, и дѣйствовавшіе, и соглашавшіеся, и участвовавшіе,

и даже токмо знавшіе, но не донесшіе объ умыслѣ посягательства на священную особу государя императора, или кого-либо изъ императорской фамиліи, также объ умыслѣ бунта и войскаго мятежа, всѣ безъ изъятія подлежатъ смертной казни и по точной силѣ законовъ всѣ однимъ общимъ приговоромъ считаются къ сей казни присужденными.

Сія спасительная строгость нашихъ законовъ единымъ монаршимъ милосердіемъ можетъ быть смягчаема частно, въ видѣ изъятій, въ извѣстномъ и опредѣленномъ случаѣ, а не въ видѣ общаго правила которое всегда остается одно и тоже во всей его силѣ и дѣйствіи.

Въ семъ самомъ уваженіи благоугодно было Вашему Императорскому Величеству и въ настоящемъ случаѣ всемилостивѣйте повелѣть, чтобъ Верховный Уголовный Судъ опредѣлилъ: "Въ какой постепен-" "ности увеличивается, или уменьшается, общая вина" "подсудимыхъ частными и особенными каждаго" "лица обстоятельствами; чтобъ онъ установилъ раз-" "ряды разныхъ степеней виновности; чтобъ каж-" "дой степени положилъ наказаніе; и чтобъ по симъ" "разрядамъ и степенямъ распредѣлилъ подсуди-" "мыхъ." (Дополнит. статьи, Отдѣленіе II, статьи 3, 12, 13 и 14.)

Во исполненіе сего высочайшаго повелѣнія, для приготовленія началъ, на коихъ должны быть основаны разряды, избрана была изъ среды Суда особая Коммиссія.—Ясно, что основаній разрядовъ надлежало искать въ обстоятельствахъ дѣла. Къ сему два средства представлялись: донесеніе Слѣдственной Коммиссіи, и самыя дѣла, въ ней произ-

ведепныя. Въ донесеніи излагаются обстоятельства въ ихъ совокупности; въ дѣлахъ содержатся они во всей подробности; въ нихъ находятся самые отвѣты подсудимыхъ, самыя показанія, ими писанныя или подписанныя, и двукратно, сперва при слѣдствіи, а потомъ при ревизіи, ими утвержденныя. Коммиссія признала справедливымъ, соединить оба сіи средства, то есть, свести и повѣрить изложеніе слѣдствія съ самымъ его производствомъ, и для сего прочесть и пересмотрѣть раздѣльно всѣ дѣла отъ начала до конца ихъ. Сколько трудъ сей былъ многосложенъ, столько онъ былъ необходимъ. Совершеніемъ его Коммиссія, во первыхъ, пріобрѣла возможность обозрѣть подробности дѣла во всемъ ихъ пространствѣ, и положить основанія разрядовъ не на одномъ токмо донесеніи, но на самыхъ подлинныхъ актахъ; во вторыхъ, она удостовѣрилась не токмо въ точности изложенія и въ сходствѣ его съ дѣлами, но и въ точности самаго ихъ производства. Во всемъ составѣ 121-го дѣла открылось токмо шесть случаевъ, и случаевъ не весьма существенныхъ, кои могли требовать нѣкотораго поясненія, и кои по сему признано нужнымъ чрезъ Слѣдственную Коммиссію дополнить. Симъ не измѣнилось существо дѣлъ, но приведены обстоятельства ихъ въ большую ясность.

Въ семъ порядкѣ обозрѣвъ все дѣло, Коммиссія приступила къ установленію разрядовъ. Для сего ей предлежало: опредѣлить главные роды преступленій; отличить въ каждомъ родѣ всѣ его виды, и поставивъ ихъ въ порядкѣ постепенности, изъ

сложенія и сопряженія ихъ произвесть начала разрядовъ.

Роды преступленій.

Всѣ разнообразныя части обширнаго дѣла, въ совокупномъ ихъ обозрѣніи, представляютъ одинъ главный умыслъ: умыслъ на потрясеніе Имперіи, на испровержепіе коренныхъ отечественныхъ законовъ, на превращеніе всего государственнаго порядка.

Три средства, три главные рода злодѣяній, предполагаемы были къ совершенію сего умысла: 1. Цареубійство, 2. Бунтъ, 3. Мятежъ воинскій.

Виды преступленій.

Каждый изъ сихъ главныхъ родовъ влечетъ за собою свой длинный рядъ преступленій. Всѣ они принадлежатъ вообще къ тремъ: 1 къ знанію умысла; 2 къ согласію въ немъ; 3. къ вызову на совершеніе его; но каждый изъ сихъ видовъ заключаетъ въ себѣ еще разныя постепенности, коихъ подробное изложеніе состоитъ въ слѣдующемъ:

По первому пункту.

1). Умыслъ на цареубійство, собственнымъ вызовомъ, или нарядомъ и назначеніемъ другихъ къ совершенію онаго пріятіемъ таковыхъ назна-

ченій, изысканіемъ средствъ къ совершенію ихъ. Сюда также принадлежитъ и дѣйствительное покушеніе на жизнь кого-либо изъ членовъ императорской фамиліи.

2). Умыслъ на истребленіе императорской фамиліи, или кого-либо изъ членовъ ея, возбужденіемъ къ тому другихъ, или одобреніемъ лица, къ тому предназначеннаго.

3). Умыслъ на лишеніе свободы священной особы государя, или кого-либо изъ членовъ императорской фамиліи; умыслъ на удаленіе императорской фамиліи, собственнымъ вызовомъ, или нарядомъ и назначеніемъ другихъ къ совершенію онаго.

4). Участіе въ вышеозначенныхъ умыслахъ согласіемъ, хотя безъ собственнаго вызова и приглашенія къ тому другихъ.

5). Участіе въ умыслѣ согласіемъ на послѣдній его видъ, т. е. на удаленіе императорской фамиліи, или лишеніе свободы; хотя съ противорѣчіемъ на два первые.

6). Злодерзостныя дѣла, относящіяся къ цареубійству, произнесенныя не на совѣщаніяхъ тайныхъ обществъ, но въ частномъ разговорѣ, и означающія не умыслъ обдуманный, но мгновенную мысль и порывъ.

7). Участіе въ умыслѣ, въ томъ или другомъ его видѣ, согласіемъ, или даже и вызовомъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ измѣнившимся, и съ отступленіемъ отъ онаго,

8). Участіе въ умыслѣ согласіемъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ измѣнившимся, съ отсту-

плепіемъ и съ противорѣчіемъ всѣмъ прежнимъ жестокимъ мѣрамъ.

9). Знаніе умысла, въ томъ или другомъ его видѣ, достовѣрное, но равнодушное, т. е. безъ согласія и безъ противорѣчія.

10). Знаніе умысла, въ томъ или другомъ его видѣ, безъ согласія и даже съ противорѣчіемъ на первые его виды.

По второму пункту.

1). Учрежденіе и управленіе тайныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлію бунтъ: приуготовленіемъ способовъ къ бунту, или назначеніемъ къ тому срочнаго времени; или составленіемъ плановъ, уставовъ, конституцій, прокламацій формъ присяги; или возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

2). Дѣятельное участіе въ семъ умыслѣ, когда уже онъ былъ основанъ другими: участіе, или распространеніемъ возмутительныхъ сочиненій, или возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ; сюда же принадлежатъ и личныя внѣшнія спошенія, съ цѣлію отторженія нѣкоторыхъ Областей отъ Имперіи.

3). Участіе въ семъ умыслѣ распространеніемъ обществъ, или посредствомъ привлеченія товарищей, или принятіемъ порученій. Сюда же принадлежитъ и употребленіе разныхъ подлоговъ, какъ-то печати и бумагъ.

4). Участіе въ умыслѣ, но безъ согласія на мѣры жестокія или и съ противорѣчіемъ оным.

5). Участіе въ учрежденіи тайныхъ обществъ, въ послѣдствіи не токмо измѣнившееся, но и сопровождаемое совершеннымъ отступленіемъ отъ оныхъ.

6). Полное знаніе сего умысла, хотя безъ всякаго дѣйствія.

7). Неполное знаніе сего умысла, особенно же жестокихъ его мѣръ, съ принятіемъ или безъ принятія членовъ.

По мятежу.

1). Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ пролитіемъ крови и съ полнымъ знаніемъ сокровенной его цѣли; также согласіе именоваться главою мятежа, хотя безъ пролитія крови и безъ личнаго дѣйствія.

2). Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ пролитіемъ крови, хотя безъ полнаго знанія сокровенной его цѣли.

3). Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, съ полнымъ знаніемъ сокровенной его цѣли.

4). Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, хотя безъ полнаго знанія сокровенной цѣли; также приуготовленіе товарищей планами и совѣтами, съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли.

5). Дѣйствіе безъ возбужденія нижнихъ чиновъ и возбужденіе безъ дѣйствія, съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли.

6). Личное дѣйствіе безъ возбужденія нижнихъ

чиновъ, или возбужденіе безъ личнаго дѣйствія, безъ полнаго знанія сокровенной цѣли.

7). Знаніе о приуготовленіяхъ къ мятежу, безъ личнаго дѣйствія, но съ свѣдѣніемъ о сокровенной цѣли.

8). Согласіе къ мятежу, безъ полнаго свѣдѣнія сокровенной цѣли.

9). Знаніе о предстоящемъ мятежѣ, безъ дѣйствія и безъ полнаго свѣдѣнія о сокровенной его цѣли.

10.) Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, или возбужденіе безъ дѣйствія, хотя по увлеченію и безъ знанія сокровенной цѣли онаго.

Въ семъ состоятъ разные виды, кои Коммиссія нашла и различила въ преступленіяхъ.

Основанія разрядовъ. Ясно, что къ основанію разрядовъ нѣтъ другаго средства, какъ соединеніе сихъ видовъ въ каждомъ родѣ преступленій соразмѣрно ихъ тяжести. Тотъ, кто виновенъ во всѣхъ трехъ родахъ преступленій, соединяя въ себѣ первые виды въ каждомъ, безъ сомнѣнія долженъ занимать первое мѣсто. За нимъ слѣдуютъ тѣ, кои найдены виновными въ двухъ токмо родахъ, соединяя въ себѣ первые ихъ виды, но коихъ вина въ третьемъ родѣ или ниже первыхъ, или совсѣмъ не существуетъ.

На семъ общемъ правилѣ Коммиссія основала разряды; но въ приложеніи онаго къ случаямъ, столь разнообразнымъ, необходимо надлежало допустить нѣкоторыя ограниченія. Вина, весьма тяжкая въ одномъ родѣ преступленія, часто сопрягается въ од-

номъ лицѣ съ другими винами, менѣе тяжкими въ другихъ родахъ; а какъ законъ въ сопряженіи винъ опредѣляетъ наказаніе по той изъ нихъ, которая считается тягчайшею: то и надлежало сію тягчайшую вину поставить въ свойственномъ ей разрядѣ, хотя бы лицо, по другимъ его винамъ, принадлежало къ разрядамъ нисшимъ.

Въ разнообразіи преступленій Коммиссія искала болѣе всего, чтобъ не смѣшать одного вида съ другимъ; чтобъ не упустить безъ вниманія никакой значительной разности, по каждому виду дать свое мѣсто и поставить его въ соразмѣрности съ другими. Такимъ образомъ произошли одинадцать разрядовъ преступленій

Дабы удостовѣриться въ ихъ точности, Коммиссія признала нужнымъ, сдѣлать примѣрный опытъ самаго распредѣленія въ нихъ лицъ, но не самое распредѣленіе: ибо сіе послѣднее принадлежало Верховному Суду, и Коммиссія не могла предварять его.—

Для сего надлежало ей пройти снова всю, такъ сказать, исторію каждаго подсудимаго; обозрѣть, всѣ, обвиненія, извлечь изъ оныхъ вины, кои уликами и собственнымъ признаніемъ утверждены съ очевидностію, и сіи вины отмѣтить противъ каждаго. Симъ образомъ составленъ общій списокъ подсудимыхъ, съ краткимъ, но точнымъ означеніемъ ихъ преступленій. По симъ преступленіямъ опредѣлялось мѣсто подсудимаго и разрядъ, къ коему онъ принадлежалъ. Симъ многотруднымъ приложеніемъ Коммиссія удостовѣрилась, что самое большое число подсудимыхъ съ точностію и сход-

ствомъ во всѣхъ существенныхъ обстоятельствахъ, можетъ размѣститься въ разрядахъ, ею предположенныхъ, съ слѣдующими токмо ограниченіями:

1.) При подробномъ расмотрѣніи дѣлъ найдено, что вины нѣкоторыхъ подсудимыхъ усиливаются, а другихъ уменьшаются, особенными ихъ обстоятельствами.

Вины усиливаются: тяжкими послѣдствіями зловреднаго примѣра, разрушеніемъ воинскаго порядка, кровавыми дѣйствіями нѣкоего буйственнаго разсвирѣпѣнія.

Напротивъ, вины ослабляются: 1) признаками раскаянія, какъ-то: совершеннымъ удаленіемъ отъ участія въ тайномъ обществѣ, измѣненіемъ его видовъ и отступленіемъ отъ жестокихъ его предположеній; 2) особыми поступками нѣкоторыхъ подсудимыхъ, также къ смягченію относящимися; 3) скорымъ и чистосердечнымъ признаніемъ при слѣдствіи; 4.) наконецъ юностію лѣтъ при увлеченіи въ злонамѣренное сообщество. Коммиссія не могла не принять въ уваженіе сихъ особенныхъ обстоятельствъ, и потому, поставивъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ подсудимыхъ, по мѣрѣ ихъ вины, въ своихъ мѣстахъ, признала однакоже справедливымъ, составивъ имъ отдѣльный списокъ, присовокупить обстоятельства сіи къ общему соображенію Верховнаго Уголовнаго Суда.

2.) Вины подсудимыхъ утверждены собственнымъ ихъ признаніемъ. Во всемъ обширномъ производствѣ сего дѣла найдены четыре токмо лица, коихъ вины утверждаются на обстоятельствахъ, а не на сознаніи. Составя о сихъ лицахъ, особенное изложеніе,

Коммиссія представила оное на дальнѣйшее Верховнаго Суда усмотрѣніе.

3.) Сколь ни тяжки вины, въ первомъ разрядѣ означенныя; но есть въ числѣ подсудимыхъ лица, кои по особенному свойству ихъ преступленій не могутъ идти въ сравненіе даже и съ тѣми, кои принадлежатъ къ сему разряду.—Превосходя другихъ во всѣхъ злыхъ умыслахъ силою примѣра, неукротимостію злобы, свирѣпымъ упорствомъ, и наконецъ хладнокровною готовностію къ кровопролитію, они стоятъ внѣ всякаго сравненія. Коммиссія признала справедливымъ, отдѣливъ ихъ, составить имъ, съ изложеніемъ ихъ злодѣяній, особенный списокъ.

Въ семъ заключались представленія Коммиссіи.

Верховный уголовный Судъ, размотрѣвъ оныя во всей подробности, большинствомъ голосовъ призналъ, что число разрядовъ, Коммиссіею предположенныхъ за изключеніемъ тѣхъ злодѣяній, кои по чрезмѣрной ихъ тяжести поставлены внѣ оныхъ, стоитъ въ надлежащей соразмѣрности съ разнообраніемъ и многосложностію видовъ преступленій.

За симъ Судъ, въ исполненіе Высочайше предначертанныхъ ему правилъ, приступилъ къ опредѣленію каждому разряду наказаній. При семъ опредѣленіи Верховный Уголовный Судъ не могъ отступить отъ общаго правила, въ самомъ началѣ единогласно имъ постановленнаго, а именно, что всѣ подсудимые безъ изъятія, по точной силѣ нашихъ законовъ, подлежатъ смертной казни. И потому, если установленіемъ разрядовъ въ наказаніяхъ благоугодно будетъ Вашему Имераторскому Величеству даровать нѣкоторымъ изъ нихъ жизнь : то сіе

будетъ не дѣйствіемъ закона, а тѣмъ менѣ дѣйствіемъ Суда, но дѣйствіемъ единаго монаршаго милосердія; будетъ особеннымъ изъятіемъ, на сей токмо случай, по Высочайшему Вашему предназначенію допускаемымъ. И хотя милосердію, отъ самодержавной власти изходящему, законъ не можетъ положить никакихъ предѣловъ; но Верховный Уголовный Судъ пріемлетъ дерзновеніе представить, что есть степени преступленія столь высокія, и съ общею безопасностію государства столь смежныя, что самому милосердію они, кажется, должны быть не доступны. По симъ уваженіямъ Судъ большинствомъ голосовъ опредѣлилъ представить на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества слѣдующія положенія о казняхъ и наказаніяхъ.

Первое. Всѣмъ преступникамъ, кои, по особому свойству и важности ихъ злодѣяній, не могутъ войти въ составъ разрядовъ, положить смертную казнь четвертованіемъ.

Второе. Всѣмъ преступникамъ, къ первому разряду принадлежащимъ, положить смертную казнь отсѣченіемъ головы.

Третіе. Всѣмъ преступникамъ, ко второму разряду принадлежащимъ опредѣлить такъ называемую въ законахъ нашихъ политическую смерть, то есть, положить голову на плаху, и потомъ сослать вѣчно въ каторжную работу.

Четвертое. Преступникамъ, къ третьему разряду принадлежащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, ссылку въ каторжную работу вѣчно.

Пятое. Преступникамъ, къ четвертому, пятому, шествому и седьмому разряду принадлежащимъ,

по лишеніи чиновъ и дворянства, ссылку въ каторжную работу на опредѣленное время, и потомъ вѣчно на поселеніе.

Шестое. Преступникамъ къ осьмому разряду принадлежащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, вѣчную ссылку на поселеніе.

Седмое Преступникамъ, къ девятому разряду принадлежащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, вѣчную ссылку въ Субирь.

Осмьое. Преступниковъ, къ десятому разряду принадлежащихъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, написать въ солдаты до выслуги.

Девятое. Преступниковъ, къ одинадцатому разряду принадлежащихъ, лиша чиновъ, написать въ солдаты съ выслугою.

Сдѣлавъ сіи положенія о казняхъ и наказаніяхъ, Судъ поступилъ къ разпредѣлеленію самыхъ преступниковъ по разрядамъ, и о каждомъ изъ нихъ постановилъ приговоръ. Существо всѣхъ сихъ приговоровъ, т. е. имена преступниковъ, главные виды ихъ преступленій, и казни, имъ опредѣленныя, содержатся въ особенной росписи, изъ общаго протокола составленной и при семъ на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества подносимой.

Изъ сей росписи Ваше Императорское Величество усмотрѣть изволите:

(1) Что изъ 121-го человѣка подсудимыхъ, приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда осуждаются: пять человѣкъ, внѣ разрядовъ состоящихъ, къ смертной казни четвертованіемъ; тридцать одинъ человѣкъ, въ первомъ разрядѣ состоящихъ, къ смертной казни отсѣченіемъ головы; семнадцать

человѣкъ, во второмъ разрядѣ состоящихъ, къ политической смерти, съ ссылкою вѣчно въ каторжную работу; два человѣка, въ третьемъ разрядѣ состоящіе къ ссылкѣ въ каторжную работу вѣчно; тридцать восемь человѣкъ, въ четвертомъ, пятомъ, шестомъ и седьмомъ разрядѣ состоящихъ, въ каторжную работу на опредѣленное время, и потомъ на поселеніе; пятнадцать человѣкъ, въ осьмомъ разрядѣ состоящихъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, на поселеніе вѣчно; три человѣка, въ девятомъ разрядѣ состоящіе, по лишеніи чиновъ и дворянства, къ ссылкѣ въ Сибирь вѣчно; одинъ человѣкъ, въ дѣсятомъ разрядѣ состоящій, по лишеніи чиновъ и дворянства, въ солдаты до выслуги; восемъ человѣкъ, въ одинадцатомъ разрядѣ состоящихъ, по лишеніи чиновъ, въ солдаты съ выслугою.

(2) При семъ распредѣленіи, изъ тѣхъ четырехъ подсудимыхъ, коихъ вины утверждаются обстоятельствами безъ собственнаго ихъ сознанія, трое, и именно: Тургеневъ, Князь Шаховской и Цебриковъ, по особому разсмотрѣнію ихъ преступленій, отнесены Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ къ свойственнымъ имъ разрядамъ, и вмѣщены, первый изъ нихъ въ первый разрядъ, вторый въ осьмый, третій въ одинадцатый; о Горскомъ же, какъ невошедшемъ ни въ какой разрядъ, представляется при семъ выписка изъ особаго протокола, о немъ состоявшагося.

Въ заключеніи Верховный Уголовный Судъ вмѣняетъ себѣ долгомъ донести, что опредѣленія и приговоры его состоялись или по большинству го-

лосовъ всего Собранія, или же по большему числу голосовъ одинакаго мнѣнія.

Члены Святѣйшаго Синода, въ Верховномъ Судѣ присутствовавшіе, при заключеніи общаго протокола, сообразно правиламъ ихъ и прежнимъ примѣрамъ, изъявили мнѣнія ихъ слѣдующими словами: "Слушавъ въ Верховномъ Уголовномъ "Судѣ слѣдствіе о Государственныхъ преступникахъ "Пестелѣ, Рылѣевѣ и другихъ ихъ сообщникахъ, "умышлявшихъ на Цареубійство и введеніе въ "Россію Республиканскаго Правленія, а видя соб-"ственное ихъ во всемъ признаніе и совершен-"ное обличеніе, согласуемся, что сіи государствен-"ные преступники достойны жесточайшей казни, "а слѣдовательно, какая будетъ сентенція отъ оной "не отрицаемся; но поелику мы духовнаго чина, "то къ подписанію сентенціи приступить не мо-"жемъ".

Всемилостивѣйшій Государь! Съ того самаго дня, какъ горестныя произшествія обнаружили сіе дѣло, когда вспыхнувшій мятежъ укрощенъ былъ единымъ личнымъ присутствіемъ Вашимъ, всѣ вѣрные подданные Ваши въ благоговѣйномъ чувствѣ признали единодушно, что судьба Россіи, твердой Вашей десницѣ Провидѣніемъ ввѣренная, пребудетъ непоколебима. Въ послѣдствіи, когда признавъ дѣло сіе дѣломъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества, дѣломъ всей Россіи, Ваше Императорское Величество соизволили, по образу высокихъ Вашихъ Предковъ, призвать къ сужденію онаго высшія Государственныя Сословія, съ присоединеніемъ къ нимъ Военныхъ и гражданскихъ Чиновниковъ:

симъ самымъ снова утвердили ту истину, что если мрачный духъ крамолы, внѣшними примѣрами подстрѣкаемый, можетъ вторгнуться въ Россію, то заключенный въ тѣсныхъ предѣлахъ отчаяннаго разврата или буйнаго своевольства мыслей, никогда не проникнетъ онъ въ нѣдро ея, для него неприступное; — и что въ Отечествѣ нашемъ любовь къ Государю и преданность къ Престолу, опираются на коренныхъ законахъ нашихъ, на самыхъ правахъ и свойствахъ природныхъ.

Верховный Уголовный Судъ, чувствуя всю важность его призванія, желалъ въ полной мѣрѣ оправдать изъявленное ему Вашимъ Императорскимъ Величествомъ довѣріе, и проходя съ неутомимымъ вниманіемъ весь многосложный составъ всего обширнаго дѣла, искалъ, по слову Вашему, единаго: „справедливости, справедливости „нелицепріятной, ничѣмъ неколеблемой, на законѣ „и силѣ доказательствъ утвержденной".

Подлинный за подписаніемъ Председателя и Членовъ Верховнаго Уголовнаго Суда.

РОСПИСЬ

Государственнымъ Преступникамъ приговоромъ Верховнаво Уголовнаго Суда осуждаемымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ.

—

1. Государственные преступники, осуждаемые къ смертной казни четвертованіемъ.

—

1. Полковникъ Пестель.

Имѣлъ умыселъ на Цареубійство; изыскивалъ къ тому средства, избиралъ и назначалъ лица къ совершенію онаго; умышлялъ на истребленіе Императорской Фамиліи, и съ хладнокровіемъ изъчислялъ всѣхъ ея членовъ, на жертву обреченныхъ, и возбуждалъ къ тому другихъ; учреждалъ, и съ неограниченною властію управлялъ Южнымъ Тайнымъ Обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ и введеніе республиканскаго правленія; составлялъ планы, уставы, конституцію; возбуждалъ и приуготовлялъ къ бунту; участвовалъ въ умыслѣ отторженія Областей отъ Имперій и принималъ

дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ.

2. Подпоручикъ Рылѣевъ.

Умышлялъ на Цареубійство; назначалъ къ совершенію онаго лица; умышлялъ на лишеніе свободы на изгнаніе и истребленіе Императорской Фамиліи, и пріуготовлялъ къ тому средства; усилилъ дѣятельность Сѣвернаго Общества; управлялъ онымъ, пріуготовлялъ способы къ бунту, составлялъ планы, заставлялъ сочинить Манифестъ о разрушеніи Правительства; самъ сочинялъ и распространялъ возмутительныя пѣсни и стихи, и принималъ членовъ; пріуготовлялъ главныя средства къ мятежу и начальствовалъ въ оныхъ; возбуждалъ къ мятежу нижнихъ чиновъ чрезъ ихъ Начальниковъ посредствомъ разныхъ обольщеній, и во время мятежа самъ приходилъ на площадь.

3. Подполковникъ Сергѣй Муравьевъ Апостолъ.

Имѣлъ умыселъ на Цареубійство; изыскивалъ средства, избиралъ и назначалъ къ тому другихъ; соглашаясь на изгнаніе Императорской Фамиліи, требовалъ въ особенности убіенія Цесаревича, и возбуждалъ къ тому другихъ; имѣлъ умыселъ и на лишеніе свободы Государя Императора; участвовалъ въ управленіи Южнымъ тайнымъ обществомъ во всемъ пространствѣ возмутительныхъ его замысловъ; составлялъ прокла-

мацін, и возбуждалъ другихъ къ достиженію цѣли сего общества къ бунту; участвовалъ въ умыслѣ отторженія Областей отъ Имперіи; принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностію пролитія крови; возбуждалъ солдатъ; освобождалъ колодниковъ; подкупилъ даже Священника къ чтенію предъ рядами бунтующихъ лжекатихизиса, имъ составленнаго, и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

4. Подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ.

Имѣлъ умыселъ на Цареубійство; изыскивалъ къ тому средства; самъ вызывался на убійство блаженныя памяти государя императора и нынѣ царствующаго государя императора, избиралъ и назначалъ лица къ совершенію онаго; имѣлъ умыселъ на истребленіе императорской фамиліи, изъявлялъ оный въ самыхъ жестокихъ выраженіахъ разсѣянія праха; имѣлъ умыселъ на изгнаніе императорской фамиліи и лищеніе свободы блаженныя памяти государя Императора, и самъ вызывался на совершеніе сего послѣдняго злодѣянія; участвовалъ въ управленіи Южнаго общества; присоединилъ къ оному Славянское; составлялъ прокламаціи, и произносилъ возмутительныя рѣчи; участвовалъ въ сочиненіи лжекатихизиса; возбуждалъ и пріуготовлялъ къ бунту требуя даже клятвенныхъ обѣщаній цѣлованіемъ образа; составлялъ умыселъ на отторженіе Областей отъ Имперіи, и дѣйствовалъ въ исполненіи онаго, принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ рас-

пространенію общества привлеченіемъ другихъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностію пролитія крови; возбуждалъ Офицеровъ и солдатъ къ бунту, и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

5. Порутчикъ Каховскій.

Умышлялъ на Цареубійство и истребленіе всей Императорской Фамиліи, и бывъ предназначенъ посягнуть на жизнь нынѣ Царствующаго государя Императора, не отрекся отъ сего избранія, и даже изъявилъ на то согласіе, хотя увѣряетъ, что въ послѣдствіи поколебался; участвовалъ въ распространеніи бунта привлеченіемъ многихъ членовъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возбуждалъ нижнихъ чиновъ, и самъ нанесъ смертельный ударъ графу Милорадовичу, Полковнику Стюрлеру, и ранилъ Свитскаго Офицера.

II. Государственные преступники перваго разряда, осуждаемые къ смертной казни отсѣченіемъ головы.

---

1) Полковникъ Князь Трубецкой.

Въ 1825 году умышлялъ на Цареубійство и соглашался съ предложеніемъ другихъ; предлагалъ лишеніе свободы императора и императорской Фамиліи при занятіи дворца; управлялъ Сѣвернымъ Тайнымъ Обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ, и согласился именоваться главою и предводителемъ

воинскаго мятежа, хотя въ немъ лично и не дѣйствовалъ.

2) Поручикъ Князь Оболенскій.

Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго; по разрушеніи союза благоденствія, установилъ вмѣстѣ съ другими тайное Сѣверное Общество; управлялъ онымъ и принялъ на себя пріуготовлять сочиненія для содѣйствія цѣли общества; приготовлялъ главныя средства къ мятежу; лично дѣйствовалъ въ оныхъ оружіемъ съ пролитіемъ крови, ранивъ штыкомъ графа Милорадовича; возбуждалъ другихъ и принялъ на себя въ мятежѣ начальство.

3) Подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ.

Имѣлъ умыселъ на Цареубійство и готовился самъ къ совершенію онаго; участвовалъ въ возтановленіи дѣятельности Сѣвернаго общества, и зналъ умыслы Южнаго во всемъ ихъ пространствѣ; дѣйствовалъ въ мятежѣ, и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

4) Подпоручикъ Борисовъ 2-й.

Умышлялъ на Цареубійство, вызывался самъ, далъ клятву на совершеніе онаго, и умышлялъ на лишеніе свободы его высочества цесаревича; учредилъ и управлялъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ; пріуготовлялъ способы къ оному; составилъ катихизисъ и клятвенное обѣ-

щапіе; дѣйствовалъ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

5) Подпоручикъ Борисовъ 1-й.

Умышлялъ на Цареубійство принятіемъ назначенія на совершеніе онаго; учреждалъ и управлялъ тайнымъ обществомъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, и содѣйствовалъ къ составленію устава; дѣйствовалъ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

6) Подпоручикъ Горбачевскій.

Умышлялъ на Цареубійство; обѣщался съ клятвою произвести сіе злодѣяніе и назначалъ другихъ; участвовалъ въ управленіи тайнымъ обществомъ; возбуждалъ и подговаривалъ къ бунту нижнихъ чиновъ; въ произведеніи бунта далъ клятву, старался распространить общество принятіемъ членовъ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

7) Маіоръ Спиридовъ.

Умышлялъ на Цареубійство; вызывался самъ, давъ клятву на образѣ совершить оное, и назначалъ къ тому другихъ; участвовалъ въ управленіи Славянскимъ Обществомъ; старался о распространеніи его принятіемъ членовъ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ.

8) Штабсъ-Ротмистръ Князь Барятинскій.

Умышлялъ на Цареубійство съ назначеніемъ лица къ совершенію онаго; участвовалъ въ управленіи

тайнаго общества и старался распространять оное принятіемъ членовъ и порученій; и зналъ о пріуготовленіи къ мятежу.

9) Коллежскій Ассессоръ Кюхельбекеръ.

Покушался на жизнь Его Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, во время мятежа на площади; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ пролитіемъ крови; самъ стрѣлялъ въ генерала Воинова, и разсѣянныхъ выстрѣлами мятежниковъ старался поставить въ строй.

10) Капитанъ Якубовичъ.

Умышлялъ на Цареубійство съ вызовомъ на лишеніе жизни покойнаго Государя, и сверхъ того предложилъ бросить жеребій на убіеніе нынѣ Царствующаго Императора; былъ на совѣщаніяхъ общества, и зналъ его тайны относительно бунта, хотя и не былъ принятъ въ оное, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; участвовалъ въ приготовленіи онаго; помогалъ совѣтами, предлагалъ разбить питейные домы, позволить грабежъ и взявъ хоругви изъ Церкви идти ко Дворцу; во время самаго мятежа присоединясь къ мятежникамъ, ободрялъ и поощрялъ ихъ, и пришелъ съ ними на площадь.

11) Подполковникъ Поджіо.

Умышлялъ на Цареубійство собственнымъ вызовомъ къ совершенію онаго, также изыска-

ніемъ къ тому средствъ, избираніемъ и назначеніемъ лицъ; умышлялъ на истребленіе Императорской фамиліи; участвовалъ въ возстановленіи дѣятельности Сѣвернаго Общества, съ предложеніемъ составленныхъ имъ правилъ; совѣтовалъ и убѣждалъ Князя Волконскаго возмутить ввѣренное ему войско.

12) Полковникъ Артамонъ Муравьевъ.

Умышлялъ на Цареубійство съ собственнымъ троекратнымъ вызовомъ на совершеніе онаго; участвовалъ въ умыслѣ произвесть бунтъ; привлекалъ въ тайное общество другихъ, и пріуготовлялъ товарищей къ мятежу.

13) Прапорщикъ Вадковскій.

Умышлялъ на Цареубійство и истребленіе всей Императорской фамиліи, возбуждая къ оному и другихъ, участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ въ оное товарищей.

14) Прапорщикъ Бечасновъ.

Соглашался въ умыслѣ на Цареубійство принятіемъ съ клятвою назначенія къ совершенію онаго; участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденіемъ подговоромъ нижнихъ чиновъ и принялъ въ общество одного товарища.

15) Полковникъ Давыдовъ.

Имѣлъ умыселъ на Цареубійство и истребленіе

императорской фамиліи, о чемъ и совѣщанія происходили въ его домѣ; участвовалъ въ управленіи тайнаго общества и старался распространять оное принятіемъ членовъ и порученій; участвовалъ согласіемъ въ предположеніяхъ объ отторженіи Областей отъ Имперіи; и пріуготовлялъ къ мятежу предложеніемъ одной Артиллерійской ротѣ быть готовою къ дѣйствіямъ.

16) 4-го класса Юшневскій.

Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство и истребленіе императорской фамиліи, съ согласіемъ на всѣ жестокія мѣры Южнаго общества; управлялъ тѣмъ обществомъ, вмѣстѣ съ Пестелемъ, съ неограниченною властію; участвовалъ въ сочиненіи конституціи и произнесеніи рѣчей; участвовалъ также въ умыслѣ на отторженіе Областей отъ Имперіи.

17) Штабсъ-Капитанъ Александръ Бестужевъ.

Умышлялъ на Цареубійство и истребленіе императорской фамиліи; возбуждалъ къ тому другихъ; соглашался также и на лишеніе свободы императорской фамиліи: участвовалъ въ умыслѣ бунта привлеченіемъ товарищей и сочиненіемъ возмутительныхъ стиховъ и пѣсенъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ къ оному нижнихъ чиновъ.

18) Подпоручикъ Андрѣевичъ 2-й.

Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубіство согла-

сіемъ; первый умышлялъ на лишеніе свободы его императорскаго высочества цесаревича; участвовалъ въ умыслѣ бунта бозбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ; и пріуготовлялъ товарищей къ воинскому мятежу.

19) Капитанъ Никита Муравьевъ.

Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство изъявленіемъ согласія въ двухъ особенныхъ случаяхъ въ 1817 и 1820 году; и хотя въ послѣдствіи и измѣнилъ въ семъ отношеніи свой образъ мыслей, однако же предполагалъ изгнаніе императорской фамиліи; участвовалъ вмѣстѣ съ другими въ учрежденіи и управленіи тайнаго общества, и въ составленіи плановъ и конституціи.

20) Коллежскій Ассессоръ Пущинъ.

Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго; участвовалъ въ управленіи общества, принималъ членовъ и давалъ порученія; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ.

21) Генералъ-Маіоръ Князь Волконской.

Участвовалъ согласіемъ въ умыслѣ на Цареубійство и истребленіе всей императорской фамиліи; имѣлъ умыселъ на заточеніе императорской фамиліи; участвовалъ въ управленіи Южнымъ обществомъ и старался о соединеніи его съ Сѣвернымъ; дѣйствовалъ въ умыслѣ на отторженіе

Областей отъ Имперіи, и употреблялъ поддѣльную печать Полеваго Аудиторіата.

22) Капитанъ Якушкинъ.

Умышлялъ на Цареубійство собственнымъ вызовомъ въ 1817-мъ году, и участвовалъ въ умыслѣ бунта, принятіемъ въ тайное общество товарищей.

23) Подпоручикъ Пестовъ.

Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство, принятіемъ съ клятвою назначенія къ совершенію онаго; и соглашался въ умыслѣ бунта.

24) Лейтенантъ Арбузовъ.

Умышлялъ на Цареубійство и истребленіе императорской фамиліи; участвовалъ въ умыслѣ бунта съ привлеченіемъ товарищей; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и товарищей.

25) Лейтнантъ Завалишинъ.

Умышлялъ на Цареубійство и истребленіе императорской фамиліи, возбуждая къ тому словами и сочиненіями и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли.

26) Полковникъ Повало-Швейкоскій.

Участвовалъ въ умыслѣ на лишеніе свободы покойнаго Государя Императора въ Бобруйскѣ

и при Бѣлой Церкви, а нынѣ царствующаго государя императора въ Бобруйскѣ, и зналъ объ умыслѣ на Цареубійство; участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ и въ распространеніи тайнаго общества, принятіемъ отъ него порученій и привлеченіемъ одного товарища.

27) Поручикъ Пановъ 2-й.

Принадлежалъ къ тайному обществу, и по учиненіи уже присяги лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возмутилъ нѣсколько ротъ, вступилъ съ ними на дворъ Зимняго Дворца и потомъ присоединился къ другимъ мятежникамъ на площади; команда его производила стрѣльбу.

28) Поручикъ Сутгофъ.

Принадлежалъ къ тайному обществу; и по учиненіи присяги, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возмутилъ свою роту и присоединилъ ее на площади къ мятежникамъ; команда его производила стрѣльбу.

29) Штабсъ-Капитанъ Князь Щепинъ-Ростовскій.

Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, коими предводительствовалъ на площади съ пролитіемъ крови и съ нанесеніемъ тяжкихъ ранъ Генераламъ Шеншину, Фридрихсу, Полковнику Хвощинскому, одному унтеръ-офицеру и гренадеру.

30) Мичманъ Дивовъ.

Умышлялъ на Цареубійство и истребленіе императорской фамиліи, съ возбужденіемъ другихъ словами, и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

31) Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Тургеневъ.

По показаніямъ 24-хъ соучастниковъ, онъ былъ дѣятельнымъ членомъ тайнаго общества, участвовалъ въ учрежденіи, возстановленіи, совѣщаніяхъ и расространеніи онаго привлеченіемъ другихъ равно участвовалъ въ умыслѣ, ввести Республиканское Правленіе ; и удалясь за границу, онъ по призыву Правительства, къ оправданію не явился; чѣмъ и подтвердилъ сдѣланныя на него показанія.

III. Государственные преступники втораго разряда, осуждаемые къ политической смерти, по силѣ Указа 1753-го года Апрѣля 29-го числа, т. е. положить голову на плаху, а потомъ сослать вѣчно въ каторжную работу.

---

1) Капитанъ Тютчевъ.

Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство согла-

сіемъ; участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ и зналъ о пріуготовленіи къ мятежу.

2) Порутчикъ Громницкій.

Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство согласіемъ; участвовалъ въ умыслѣ бунта распространеніемъ тайнаго общества, принятіемъ его порученій и привлеченіемъ товарищей, и зналъ о приуготовленіи къ мятежу.

3) Прапорщикъ Кирѣевъ.

Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство согласіемъ; также соглашался въ умыслѣ бунта, и приготовлялъ товарищей къ военному мятежу.

4) Порутчикъ Крюковъ.

Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство и истребленіе императорской фамиліи согласіемъ; участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ, и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ порученій и привлеченіемъ товарищей.

5) Подполковникъ Лунинъ.

Участвовалъ въ умыслѣ Цареубійства согласіемъ, въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ и заведеніемъ Литографіи для изданія сочиненій общества.

6) Корнетъ Свистуновъ.

Участвовалъ въ умыслѣ Цареубійства и истреб-

ленія императорской фамиліи согласіемъ, а въ умыслѣ бунта принятіемъ въ общество товарищей.

7) Поручикъ Крюковъ 1-й.

Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство и истребленіе императорской фамиліи согласіемъ, а въ умыслѣ бунта распространеніемъ тайнаго общества привлеченіемъ товарищей.

8) Поручикъ Басаргинъ.

Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство согласіемъ, и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ одного члена.

9) Полковникъ Митьковъ.

Участвовалъ въ умыслѣ Цареубійства согласіемъ, и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли.

10) Поручикъ Анненковъ.

Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство согласіемъ, и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

11) Штабъ-Лѣкарь Вольфъ.

Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство и истребленіе императорской фамиліи согласіемъ, и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

12) Ротмистръ Ивашевъ.

Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство согласіемъ, и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

13) Подпоручикъ Фроловъ 2-й.

Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство согласіемъ, и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли бунта.

14) Подполковникъ Поровъ.

Участвовалъ согласіемъ въ умыслѣ на лишеніе въ Бобруйскѣ свободы блаженной памяти императора и нынѣ царствующаго государя, и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

15) Капитанъ-Лейтенантъ Торсонъ.

Зналъ умыслъ на Цареубійство и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ одного члена.

16) Капитанъ-Лейтенантъ Николай Бестужевъ 1-й.

Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и самъ былъ на площади.

17) Штабсъ-Капитанъ **Михайло Бестужевъ.**

Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и привелъ на площадь роту.

—

IV. Государственные преступники третьяго разряда осуждаемые къ ссылкѣ вѣчно въ каторжную работу.

—

1) Подполковникъ **Баронъ Штейнгель.**

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и лишеніе свободы, съ согласіемъ на послѣднее; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и участвовалъ въ приготовленіи къ мятежу планами, совѣтами, сочиненіемъ Манифеста и Приказа войскамъ.

2) Подполковникъ **Батенковъ.**

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, соглашался на умыселъ бунта и приготовлялъ товарищей къ мятежу планами и совѣтами.

—

V. Государственные преступники четвертаго разряда, осуждаемые къ временной ссылкѣ въ каторжную работу на 15 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

—

1) Штабсъ-Капитанъ Мухановъ.

Произносилъ дерзостныя слова въ частномъ разговорѣ, означающія мгновенный порывъ на Цареубійство, и принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли относительно бунта.

2) Генералъ-Маіоръ Фонъ Визинъ.

Умышлялъ на Цареубійство согласіемъ, въ 1817 году изъявленнымъ, хотя въ послѣдствіи времени измѣнившимся съ отступленіемъ отъ онаго; участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ.

3) Штабсъ-Капитанъ Поджіо.

Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство согласіемъ и даже вызовомъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ измѣнившимся и съ отступленіемъ отъ онаго; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и зналъ о приготовленіи къ мятежу.

4) Подполковникъ Фаленбергъ.

По принятіи въ 1822 или 1823 году Княземъ Барятинскимъ въ тайное общество, соглашался произвести Цареубійство, и хотя въ послѣдствіи и началъ отъ общества уклоняться, но сокровенную цѣль его зналъ.

5) 10-го Класса Ивановъ.

Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ членовъ, и пріуготовлялъ товарищей къ мятежу.

6) Подпоручикъ Мозганъ.

Зналъ объ умыслѣ Цареубійства; участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ одного члена и возбуждалъ нижнихъ чиновъ не противиться мятежу, когда онъ откроется.

7) Штабсъ-Капитанъ Корниловичъ.

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство; участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ порученія съ извѣстіями отъ Южнаго общества къ Сѣверному, и въ приготовленіи къ мятежу.

8) Маіоръ Лореръ.

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, участвовалъ въ умыслѣ тайнаго общества принятіемъ отъ него порученій и привлеченіемъ товарища.

9) Полковникъ Аврамовъ.

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и участвовалъ въ умыслѣ бунта распространеніемъ общества и принятіемъ одного члена.

10) Поручикъ Бобрищевъ Пушкинъ 2-й.

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ на сохраненіе бумагъ Пестеля и привлеченіемъ въ тайное общество однаго члена.

11) Прапорщикъ Шимковъ.

Зналъ объ умыслѣ Цареубійства, и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество однаго члена.

12) Корнетъ Александръ Муравьевъ.

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ порученій и привлеченіемъ товарищей.

13) Мичманъ Бѣляевъ 1-й.

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

14) Мичманъ Бѣляевъ 2-й.

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ

15) Полковникъ Нарышкинъ 2-й.

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ.

16) Корнетъ Князь Одоевскій.

Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество одпаго члена, и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, съ пистолетомъ въ рукахъ.

—

VI Государственные преступники пятаго разряда, осуждаемые къ временной ссылкѣ въ каторжную работу на 10-ть лѣтъ, а потомъ на поселеніе

—

1) Штабсъ-Капитанъ Рѣпнинъ.

Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли, и приготовлялъ товарищей.

2) Коллежскій Секретарь Глѣбовъ.

Зналъ о цѣли тайнаго общества, хотя не вполнѣ, и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, дававши деньги солдатамъ для покупки вина.

3) Порутчикъ Баронъ Розенъ.

Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, остановивъ свой взводъ, посланный для усмиренія мятежниковъ.

4) Лейтенантъ Кюхельбекеръ.

Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

5) Мичманъ Бодиско 2-.

Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

—

VII. Государственные преступники шестаго разряда, осуждаемые къ временной ссылкѣ въ каторжную работу на 6-ть лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

—

1) Полковникъ Александръ Муравьевъ

Участвовалъ въ умыслѣ Цареубійства согласіемъ, въ 1817-мъ году изъявленнымъ, равно какъ участвовалъ и въ учрежденіи тайнаго общества хотя потомъ отъ онаго совершенно удалился, но о цѣли его Правительству не донесъ.

2) Дворянинъ Люблинскій.

Зналъ умыселъ на Цареубійство и участвовалъ въ учрежденіи съ Борисовымъ Славянскаго Тайнаго Общества, съ составленіемъ и переводомъ плановъ, хотя послѣ изъ онаго и выбылъ.

—

VIII Государственные преступники седмаго разряда, осуждаемые къ временной ссылкѣ въ каторжную работу на 4 года, а потомъ на поселеніе.

—

1) Подпоручикъ Лихаревъ

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, и зналъ о пріуготовленіи къ мятежу.

2) Подполковникъ Ентальцовъ.

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, и зналъ о приготовленіи къ мятежу.

3) Поручикъ Лисовскій.

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, и зналъ о приуготовленіи къ мятежу.

4) Полковникъ Тизенгаузенъ.

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и на лишеніе свободы всей императорской фамиліи, и участвовалъ въ умыслѣ бунта.

5) Подпоручикъ Кривцовъ.

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

6) Прапорщикъ Толстой.

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

7) Ротмистръ Графъ Чернышевъ.

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

8) Поручикъ Аврамовъ.

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

9) Поручикъ Загорецкій.

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

10) Полковникъ Поливановъ.

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

11) Поручикъ Баронъ Черкасовъ.

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго.

12) Поручикъ Графъ Булгари.

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

13) Канцеляристъ Выгодовскій

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

14) Подполковникъ Берстель.

Зналъ объ умыслѣ на лишеніе свободы императорской фамиліи, и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

15) Полковникъ фонъ деръ Бригенъ.

Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и принадлежалъ къ тайному обществу, съ знаніемъ цѣли онаго.

—

IX Государственные преступники осьмаго разряда, осуждаемые къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылкѣ на поселеніе.

—

1) Подпоручикъ Андреевъ 2-й.

Принадлежалъ къ тайному обществу, съ знаніемъ цѣли онаго, и возбуждалъ къ мятежу.

2) Подпоручикъ Веденяпинъ 1-й

Соглашался на умыселъ бунта, и зналъ о пріуготовленіи къ военному мятежу.

3) Дѣйствителный Статскій Совѣтникъ Краснокутскій.

Принадлежалъ къ тайному обществу, съ знаніемъ цѣли въ ограниченіи самодержавной власти посредствомъ Сената, и зналъ о пріуготовленіи къ мятежу 14-го Декабря 1825 года.

4) Лейтенантъ Чижовъ.

Принадлежалъ къ тайному обществу, съ знаніемъ цѣли онаго, и соглашался на мятежъ.

5) Камеръ-Юнкеръ Князь Голицынъ.

Принадлежалъ къ тайному обществу, съ знаніемъ цѣли онаго.

6) Штабсъ-Капитанъ Пазимовъ.

Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ Тайное Общество однаго товарища.

7) Поручикъ Бобрищевъ Пушкинъ 1-й

Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ на сохраненіе бумагъ Пестеля.

8) Подпоручикъ Заикинъ.

Участвовалъ въ умыслѣ бунта съ принятіемъ порученій отъ общества и привлеченіемъ одпаго товарища.

9). Капитанъ Фурманъ.

Соглашался въ умыслѣ бунта.

10). Маіоръ Князь Шаховской.

По уликѣ 4-хъ сообщниковъ, участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство и по собственному признанію принадлежалъ къ тайному обществу.

11). Штабсъ-Капитанъ Фохтъ.

Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

12). Подпоручикъ Мозгалевскій.

Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

13). Поручикъ Шахиревъ.

Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

14.) Полковникъ Враницкій.

Принадлежалъ къ тайному обществу и зналъ цѣль его, т. е. измѣнѣніе государственнаго порядка.

15.) Лейтенантъ Бодиско. I-й

Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, бытностію на площади.

—

X. Государственные преступники девятаго разряда, осуждаемые къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылкѣ въ Сибирь.

—

1.) Подпоручикъ графъ Коновницынъ I-й.

Принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной онаго цѣли, относительно бунта, и соглашался на мятежъ.

2.) Штабсъ-Ротмистръ Оржицкій.

Хотя не вполнѣ, но зналъ сокровенную цѣль тайнаго общества относительно бунта, равно какъ зналъ и о предстоящемъ мятежѣ.

3.) Подпоручикъ Кожевниковъ.

Принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли, и возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

—

XI. Государственный преступникъ десятаго разряда, осуждаемый къ лишенію чиновъ и дворянства и написанію въ солдаты до выслуги.

—

1.) Капитанъ Пущинъ.

Зналъ о приготовленіи къ мятежу, но не донесъ.

—

XII. Государственные преступники одиннадцатаго разряда, осуждаемые къ лишенію токмо чиновъ съ написаніемъ въ солдаты съ выслугою.

—

1.) Мичманъ Петръ Бестужевъ.

Принадлежалъ къ тайному обществу и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ.

2.) Прапорщикъ Веденяпинъ 2-й

Соглашался на умыселъ бунта.

3.) Лейтенантъ Вишневскій.

Бывъ увлеченъ обманомъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

4.) Лейтенантъ Мусинъ-Пушкинъ.

Бывъ увлеченъ обманомъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ.

5.) Лейтенантъ Акуловъ.

Бывъ увлеченъ обманомъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ.

6.) Подпоручикъ Фокъ.

Бывъ увлеченъ обманомъ возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

7.) Поручикъ Цебриковъ.

По показанію свидѣтелей, въ день мятежа 14-го Декабря произносилъ возмутительныя слова Морскому Экипажу, когда онъ шелъ на Петровскую площадь; самъ подходилъ къ толпѣ мятежниковъ, и ввечеру далъ пристанище одному изъ первѣйшихъ бунтовщиковъ Князю Оболенскому.

8.) Подпоручикъ Лаппа.

Принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли онаго относительно бунта.

Подлинная роспись за подписаніемъ Предсѣдателя и Членовъ Верховнаго Уголовнаго Суда.

УКАЗЪ ВЕРХОВНОМУ УГОЛОВНОМУ СУДУ.

Разсмотрѣвъ докладъ о Государственныхъ преступникахъ, отъ Верховнаго Уголовнаго Суда намъ поднесенный, Мы находимъ приговоръ, онымъ постановленный, существу дѣла и силѣ законовъ сообразнымъ.

Но силу законовъ и долгъ правосудія желая по воможности согласить съ чувствами милосердія, признали мы за благо, опредѣленныя симъ преступникамъ казни и наказанія смягчить нижеслѣдующими въ нихъ ограниченіями.

I. Преступниковъ перваго разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ къ смертной казни осужденныхъ, а именно: Полковника Князя Трубецкаго, Порутчика Князя Оболенскаго, Подпорутчика Борисова 2-го, отставнаго Подпорутчика Борисова 1-го, Подпорутчика Горбачевскаго, Маіора Спиридова, Штабсъ-Ротмистра Князя Барятинскаго, Капитана Якубовича, отставнаго Подполковника Поджіо, Полковника Артамона Муравьева, Прапорщика Вадковскаго, Прапорщика Бечаснова, отставнаго Полковника Давыдова, 4-го класса Юшневскаго, Под-

поручика Андреевича 2-го, Коллежскаго Ассессора Пущина, Подпоручика Пестова, Лейтенанта Арбузова, Лейтенанта Завалишина, Полковника Повало-Швейковскаго, Поручика Панова 2-го, Поручика Сутгофа, Штабсъ-Капитана Князя Щепина-Ростовскаго, Мичмана Дивова, и Действительнаго Статскаго Советника Тургенева,—даровавъ имъ жизнь, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать вечно въ каторжную работу.

II. Нижеследующихъ преступниковъ того же перваго разряда и къ той же смертной казни Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на двадцать лѣтъ и потомъ на поселеніе; а именно:

1.) Отставнаго Подполковника Матвѣя Муравьева-Апостола по уваженію совершеннаго и чистосердечнаго его раскаянія, 2.) Коллежскаго Ассесора Кюхельбекера по уваженію ходатайства Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича; 3.) Штабсъ-Капитана Александра Бестужева по уваженію того, что лично явился ко мнѣ съ повинною головою; 4.) Капитана Никиту Муравьева по уваженію совершенной откровенности и чистосердечнаго признанія; 5.) Генералъ-Маіора Князя Волконскаго, по уваженію совершеннаго раскаянія; 6.) Отставнаго Капитана Якушкина, также по уваженію совершеннаго раскаянія.

III. Преступниковъ втораго разряда, Верховнымъ

Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ къ политической смерти съ положеніемъ головы на плаху и къ ссылкѣ вѣчно въ каторжную работу, а именно: Капитанъ-Лейтенанта Николая Бестужева 1-го и Штабсъ-Капитана Михаила Бестужева, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать вѣчно въ каторжную работу. Капитана Тютчева, Поручика Гремницкаго, Прапорщика Рылѣева, Поручика Крюкова 2-го, Подполковника Лунина, Корнета Свистунова, Поручика Крюкова 1-го, Поручика Баваргина, Полковника Митькова, Поручика Аппенкова, Штабсъ-Лѣкаря Вольфа, Ротмистра Ивашева, Подпоручика Фролова 2-го и Капитанъ-Лейтенанта Терсона, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на двадцать лѣтъ, а потомъ на поселеніе; отставнаго Подполковника Норова, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на пятнадцать лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

IV. Преступниковъ третьяго разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ въ каторжную работу вѣчно, а именно, отставнаго Подполковника Барона Штейнгеля и Подполковника Батенькова, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на двадцать лѣтъ, и потомъ на поселеніе.

V. Преступниковъ четвертаго разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на пятнадцать лѣтъ и потомъ на поселеніе, а именно: Штабсъ-Капита-

на Муханова, отставныхъ Генералъ-Маiора Фонъ-Визина, и Штабсъ-Капитана Поджio, Подполковника Фаленберга, 10-го класса Иванова, Подпоручика Мозана, Штабсъ-Капитана Корниловича, Маiора Лорера, Полковника Аврамова, Поручика Бобрищева-Пушкина 2-го, Прапорщика Шимкова, Корнета Александра Муравьева, Мичмана Бѣляева 1-го, Мичмана Бѣляева 2-го, Полковника Нарышкина 2-го и Корнета Князя Одоевскаго, по лишенiи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на двѣнадцать лѣтъ и потомъ на поселенiе.

VI. Преступниковъ пятаго разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на десять лѣтъ и потомъ на поселенiе, а именно: Штабсъ-Капитана Рѣпина и Лейтенанта Кюхельбекера, по лишенiи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на восемь лѣтъ и потомъ на поселенiе; Мичмана Бодиско 2-го сослать въ крѣпостную работу; а Коллежскаго Секретаря Глѣбова и Поручика Барона Розена сослать въ каторжную работу по приговору на десять лѣтъ и потомъ на поселенiе.

VII. Преступниковъ шестаго разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на шесть лѣтъ и потомъ на поселенiе, а именно: отставнаго Полковника Александра Муравьева, по уваженiю совершеннаго и искреннаго раскаянiя, сослать на житье въ Сибирь, не лишая чиновъ и дворянства;

Дворянина Люблинскаго, по лишеніи дворянства, сослать въ каторжную работу на пять лѣтъ и потомъ на поселеніе.

VIII. Преступниковъ седьмаго разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на четыре года и потомъ на поселеніе, а именно: Подпоручика Лихарева, Подполковника Ентальцова, Поручика Лисовскаго, Полковника Тизенгаузена, Подпоручика Кривцова, Прапорщика Толстаго, Ротмистра Графа Чернышева, Поручика Ивана Аврамова, Поручика Загорецкаго, Полковника Поливанова, Поручика Барона Черкасова, Канцеляриста Выгодовскаго, и отставнаго Полковника Фонъ-деръ-Бригена, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на два года, и потомъ на поселеніе; а Подполковника Берстеля и Поручика графа Булгари, по уваженію молодости его лѣтъ, въ крѣпостную работу на два года.

IX. Съ преступниками осьмаго разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденными къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ на поселеніе, а именно: съ Подпоручикомъ Андреевымъ 2-ъ, Подпоручикомъ Веденяпинымъ 1-мъ, Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Краснокутскимъ, Лейтенантомъ Чижовымъ, Камеръ-Юнкеромъ Княземъ Голицынымъ, Штабсъ-Капитаномъ Пазимовымъ, Поручикомъ Бобрищевымъ-Пушкинымъ 1-мъ, Подпоручикомъ Заикнымъ, Капитаномъ Фурманомъ,

Маіоромъ Княземъ Шаховскимъ, Штабсъ-Капитаномъ Фохтомъ, Подпоручикомъ Мозгалевскимъ, Поручикомъ Шахиревымъ, и съ Полковникомъ Враницкимъ, поступить по приговору Верховнаго Уголовнаго Суда; а Лейтенанта Бодиско 1-го написать въ матросы.

X. Преступниковъ девятаго разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ въ Сибирь, а именно: Подпоручика Графа Коновницына, отставнаго Штабсъ-Ротмистра Оржицкаго и Подпоручика Кожевникова, по лишеніи чиновъ и дворянства, написать въ солдаты въ дальніе гарнизоны.

XI. Съ преступникомъ десятаго разряда Капитаномъ Пущинымъ 1-мъ, осужденнымъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ написанію въ солдаты до выслуги, поступить по приговору Суда.

XII. Съ преступниками одиннадцатаго разряда, осужденными Верховнымъ Уголовымъ Судомъ къ лишенію чиновъ съ написаніемъ въ солдаты съ выслугою, а именно: съ Мичманомъ Петромъ Бестужевымъ, Прапорщикомъ Веденяпинымъ 2-мъ, Лейтенантомъ Вишневскимъ, Лейтенантомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, Лейтенантомъ Акуловымъ, Подпоручикомъ Фокомъ и съ Подпоручикомъ Лаппою, поступить по приговору Суда, распредѣливъ ихъ въ дальнѣйшіе гарнизоны; но Поручика Цебрикова, по важности вреднаго примѣра, поданнаго имъ присутствіемъ его въ толпѣ бунтовщиковъ въ виду его

полка, какъ недостойнаго благороднаго имени, разжаловать въ солдаты безъ выслуги и съ лишеніемъ дворянства.

XIII. Наконецъ участь преступниковъ, здѣсь непоименованныхъ, кои по тяжести ихъ злодѣяній поставлены внѣ разрядовъ и внѣ сравненія съ другими, предаю рѣшенію Верховнаго Уголовнаго Суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ Судѣ состоится.

Верховный Уголовный Судъ въ полномъ его Присутствіи имѣетъ объявить осужденнымъ имъ преступникамъ, какъ приговоръ въ немъ состоявшійся, такъ и пощады, отъ насъ имъ даруемыя, и потомъ обратить все къ надлежащему, куда слѣдуетъ, исполненію. Правительствующій Сенатъ съ своей стороны не оставитъ Докладъ Верховнаго Суда и настоящія по оному постановленія издать совокупно во всеобщее извѣстіе.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако:

Николай.

Царское Село 10 Іюля 1826.

Выписка изъ протокола Верховнаго Уголовнаго Суда отъ 11-го Іюля 1826 года.

Верховный Уголовный Судъ, по выслушаніи Высочайшаго Именнаго Указа, въ 10-й день Іюля сему Суду даннаго, положили: Послику XIII-ю статьею сего Высочайшаго Указа Его Императорское Величество Всемилостивѣйше соизволилъ участь преступниковъ, въ ономъ непоименованныхъ, кои по тяжести ихъ злодѣяній поставлены внѣ разрядовъ, и внѣ сравненія съ другими, предать рѣшенію Верховнаго Уголовнаго Суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ Судѣ состоится: то сообразуясь съ Высокомонаршимъ милосердіемъ, въ семъ самомъ дѣлѣ явленнымъ смягченіемъ казней и наказаній, прочимъ преступникамъ опредѣленныхъ, верховный Уголовный Судъ, по высочайшей предоставленной ему власти, приговорили: вмѣсто мучительной смертной казни четвертованіемъ, Павлу Пестелю, Кондратію Рылѣеву, Сергѣю Муравьеву-Апостолу, Михайлѣ Бестужеву-Рюмину и Петру Каховскому, приговоромъ Суда опредѣленной, сихъ преступниковъ, за ихъ тяжкія злодѣянія, повѣсить.

Подлинный протоколъ за подписаніемъ Председателя и Членовъ Верховнаго Уголовнаго Суда.

Божіею Милостію
Мы Николай Первый
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій,
и прочая, и прочая, и прочая.

Верховный Уголовный Судъ, Манифестомъ 1-го Іюня сего года составленный для сужденія государственныхъ преступниковъ, совершилъ ввѣренное ему дѣло. Приговоры его, на силѣ законовъ основанные, смягчивъ, сколько долгъ правосудія и государственная безопасность дозволяли, обращены нами къ надлежащему исполненію, и изданы во всеобщее извѣстіе.

Такимъ образомъ дѣло, которое мы всегда считали дѣломъ всей Россіи, окончано; преступники воспріяли достойную ихъ казнь; Отечество очищено отъ слѣдствій заразы, столько лѣтъ среди его таившейся.

Обращая послѣдній взоръ на сіи горестныя происшествія, обязанностію себѣ вмѣняемъ: на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ, тому ровно семь мѣсяцевъ, среди мгновеннаго мятежа, явилась предъ нами тайна зла долголѣтняго, совершить послѣдній долгъ воспоминанія, какъ жертву очистительную за кровь русскую, за вѣру, царя и отечество на семъ самомъ мѣстѣ пролiянную, и вмѣстѣ съ тѣмъ принести Всевышнему торжественную мольбу благодаренія. Мы зрѣли благотворную Его десницу, какъ

она разторгла завѣсу, указала зло, помогла намъ истребить его собственнымъ его оружіемъ — туча мятежа взошла какъ бы для того, чтобъ потушить умыслъ бунта.

Не въ свойствахъ, не во нравахъ Русскихъ былъ сей умыслъ. Составленный горстію извергов, онъ заразилъ ближайшее ихъ сообщество, сердца развратныя и мечтательность дерзновенную; но въ десять лѣтъ злонамѣренныхъ усилій не проникъ, не могъ проникнуть далѣе. Сердце Россіи для него было и всегда будетъ неприступно. Не посрамится имя Русское измѣною престолу и Отечеству. Напротивъ мы видѣли при семъ самомъ случаѣ новые опыты приверженности; видѣли, какъ отцы не щадили преступныхъ дѣтей своихъ, родственники отвергали и приводили къ Суду подозрѣваемыхъ; видѣли всѣ состоянія соединившимися въ одной мысли, въ одномъ желаніи: суда и казни преступникамъ.

Но усилія злонамѣренныхъ, хотя и въ тѣсныхъ предѣлахъ заключенныя, тѣмъ не менѣе были дѣятельны. Язва была глубока и по самой сокровенности ея опасна. Мысль, что главнымъ ея предметомъ, первою цѣлію умысловъ, была жизнь Александра Благословеннаго, поражала вмѣстѣ ужасомъ, омерзѣніемъ и прискорбіемъ. Другія соображенія тревожили и утомляли вниманіе: надлежало въ самыхъ необходимыхъ изысканіяхъ, по крайней возможности, щадить, не коснуться, не оскорбить напраснымъ подозрѣніемъ невинность. Тотъ же Промыслъ, Коему благоугодно было при самомъ началѣ царствованія нашего, среди безчисленныхъ заботъ

и попеченій, поставить нась на семъ пути скорбномъ и многотрудномъ, далъ намъ крѣпость и силу совершить его. Слѣдственная Коммиссія въ теченіи пяти мѣсяцевъ неусыпныхъ трудовъ, дѣятельностію, разборчивостію, безпристрастіемъ, мѣрами кроткаго убѣжденія, привела самыхъ ожесточенныхъ къ смягченію, возбудила ихъ совѣсть, обратила къ добровольному и чистосердечному признанію. Верховной Уголовный Судъ, объявивъ дѣло во всемъ пространствѣ государственной его важности, отличивъ со тщаніемъ всѣ его виды и постепенности, положилъ оному конецъ законный.

Такъ, единодушнымъ соединеніемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества въ теченіи краткаго времени укрощено зло, въ другихъ правахъ долго неукротимое. Горестныя происшествія, смутившія покой Россіи, миновались, и какъ мы при помощи Божіей уповаемъ, миновались навсегда и невозвратно. Въ сокровенныхъ путяхъ Провидѣнія, изъ среды зла изводящаго добро, самыя сіи происшествія могутъ споспѣшествовать во благое.

Да обратятъ родители все ихъ вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей; не просвѣщенію, но праздности ума, болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ, — недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ погибель. Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія Правительства, если домашнее воспитаніе не

будетъ пріуготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ.

Дворянство, ограда престола и чести народной, да станетъ и на семъ поприщѣ, какъ на всѣхъ другихъ, примѣромъ всѣмъ другимъ состояніямъ. Всякой его подвигъ къ усовершенію отечественнаго, природнаго, не чужеземнаго воспитанія, мы пріимемъ съ признательностію и удовольствіемъ. Для него отверсты въ Отечествѣ Нашемъ всѣ пути чести и заслугъ. Правый судъ, воинскія силы, разныя части внутренняго управленія, все требуетъ, все зависитъ отъ ревностныхъ и знающихъ исполнителей.

Всѣ состоянія да соединятся въ довѣріи къ Правительству. Въ государствѣ, гдѣ любовь къ монархамъ и преданность къ престолу основаны на природныхъ свойствахъ народа, гдѣ есть отечественные законы и твердость въ управленіи, тщетны и безумны всегда будутъ всѣ усилія злонамѣренныхъ: они могутъ таиться во мракѣ, но при первомъ появленіи отверженныя общимъ негодованіемъ, они сокрушатся силою закона. Въ семъ положеніи государственнаго состава, каждый можетъ быть увѣренъ въ непоколебимости порядка, безопасность и собственность его хранящаго, и спокойный въ настоящемъ, можетъ прозирать съ надеждою въ будущее. Не отъ дерзостныхъ мечтаній, всегда разрушительныхъ, но свыше усовершаются постепенно отечественныя установленія, дополняются недостатки, исправляются злоупотребленія. Въ семъ порядкѣ постепеннаго усовершенія, всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, къ расширенію истиннаго просвѣщенія и

промышленности, достигая къ намъ путемъ законнымъ для всѣхъ отверзтымъ, всегда будутъ приняты нами съ благоволеніемъ: ибо мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другихъ желаній, какъ видѣть Отечество наше на самой высшей степени счастія и славы, Провидѣніемъ ему предопредѣленной.

Наконецъ, среди сихъ общихъ надеждъ и желаній; склоняемъ мы особенное вниманіе на положеніе семействъ, отъ коихъ преступленіемъ отпали родственные ихъ члены. Во все продолженіе сего дѣла сострадая искренно прискорбнымъ ихъ чувствамъ, Мы вмѣняемъ себѣ долгомъ, удостовѣрить ихъ, что въ глазахъ нашихъ союзъ родства предаетъ потомству славу дѣяній, предками стяжанную, но не омрачаетъ безчестіемъ за личные пороки или преступленія. Да не дерзнетъ никто вмѣнять ихъ по родству кому-либо въ укоризну: сіе запрещаетъ законъ Христіанскій.

Въ Царскомъ Селѣ, 13 Іюля 1826.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако.

(М. П.)

Николай.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ Іюля, 13 дня 1826 года.

ПИСЬМО КЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II.

(Изъ Колокола).

Государь,

Вы приказали напечатать и издать записку составленную г. Корфомъ о восшествіи на престолъ императора Николая. Мы увѣрены, что и въ этомъ случаѣ Ваше намѣреніе было хорошо, но и въ этомъ случаѣ оно Вамъ не удалось.

Прежде, нежели мы займемся безграмотнымъ текстомъ, отталкивающимъ по своему тяжелому, татарскому раболѣпію, по своему канцелярскому подобострастію, по своей уничиженной лести, не достойной ни нашего времени, ни Вашего царствованія, мы рѣшаемся обратиться къ Вамъ лично, для того чтобъ сказать нѣсколько словъ о заговорѣ—который окончился 14 Декабря 1825 года.

Вѣдь и для него настала исторія! Неужели слишкомъ черезъ тридцать лѣтъ—объ этомъ событіи, о людяхъ участвовавшихъ въ немъ, можно еще отзываться съ тѣми же пошлыми ругательствами, съ которыми выражались жалкіе старики, посѣдѣлые въ низкопоклонствѣ и интригахъ, созванные въ какой то импровизированный судъ для осужденія ихъ?

Вмѣсто брани, не лучше ли обратиться къ тогдашнимъ событіямъ съ серьезной и покойной мыслію,

и постараться понять ихъ смыслъ? Не благороднѣе ли, не великодушнѣе ли отдать справедливость—несчастнымъ противникамъ, которые вынесли свое пораженіе и всѣ мрачные его послѣдствія съ такимъ величавымъ самоотверженіемъ? Месть была страшна, она продолжалась тридцать лѣтъ—начавъ пятью висѣлицами. Чтоже теперь Вашимъ статсъ-секретарямъ идти за тогдашними палачами и сквернить гробы людей, если и заблуждавшихся, то чистыхъ и пламенно любившихъ Россію?

Деликатно ли это относительно тѣхъ пяти-шести старцевъ, которыхъ Ваша рука возвратила изъ Сибири? Или Вы можетъ имъ предоставили право отвѣчать? Мы не слыхали этого.

Свобода мысли и гласность еще не много выиграютъ если Вы одни будете печатать безъ цензуры. Пора пріучаться и Вамъ и Россіи къ совершеннолѣтней, мужественной рѣчи свободныхъ людей.

Вамъ, Государь, извѣстны, больше насъ, всѣ подробности заговора, 14 Декабря, слѣдствія, казни и ссылки. Гдѣ же, при какомъ обстоятельствѣ показали себя эти люди, какъ ихъ представляютъ оффиціальные органы "гнусными развратниками, буйными безумцами, негодяями, въ числѣ которыхъ одни напились пьяными, для того чтобы идти на площадь, другіе, имѣли замѣчательно отвратительныя лица" (и это говорятъ о раненомъ на Кавказѣ Якубовичѣ!) Неужели Вы вѣрите, что эти люди взялись за оружіе изъ буйства, изъ желанья грабежа, богатства, знатности? Послѣднее имъ было не нужно, Вы знаете кто они. Для чего же всѣ эти

ругательства и клеветы? Не Вы ихъ сдѣлали—зачѣмъ же Вы ихъ разпространяете?

Неужели Вы думаете, что исторія повѣритъ какому нибудъ Корфу—со всѣми поправками Вашихъ дядюшекъ, Виртембергскаго Герцога, который во все время опасности самъ забился "въ голубую гостинную зимняго дворца" и чадолюбиво взялъ съ собой двухъ сыновей своихъ "хотя въ то время взрослыхъ и офицеровъ",(1) Бенкендорфа, присутствовавшаго утромъ при одѣваніи Николая Павловича, а вечеромъ при поимкѣ спасавшихся,(2) Орлова, нѣсколько разъ отступавшаго отъ геройскаго каре?(3) Нѣтъ! И еще больше, наше скептическое время не только имъ не повѣритъ, но даже и гофъ-фурьерскому журналу, на который ссылается ученый статсъ-секретарь и который непремѣнно надо запретить, потому что не прилично вести журналъ о томъ кто какъ ѣлъ и въ которомъ часу.

Потомство не будетъ смотрѣть на людей 14 Декабря ни глазами Гофъ и Камеръ-Фурьеровъ, ни глазами того вѣроятно портнаго, который только замѣтилъ костюмъ инсургентовъ и назвалъ эту кучку людей, стоявшихъ подъ пулями и картечью, какъ настоящій сапожникъ "маскарадомъ распутства, замыслающимъ преступленіе."(4) Придворные риторы не подумали объ одномъ: если это была толпа развратныхъ и буйныхъ шалуновъ, воспользовавшихся нелѣпостію импровизированнаго междуцарствія, для

(1) Корфъ стр. 190.
(2) Стр. 189.
(3) Стр. 156.
(4) Стр. 147.

того чтобы пошумѣть на площади и черезъ нѣсколько часовъ разсѣяться,—то какъ же объяснить страхъ Николая передъ 14 Декабремъ, эту idée fixe его царствованія, которую онъ не забылъ на смертномъ одрѣ?

Онъ понималъ смыслъ этого событія лучше Корфа. Я удивляюсь, какъ онъ могъ читать, да еще дѣлать поправки въ этой брошюрѣ. Ошибки ея не въ какомъ нибудь выраженіи, не въ какой нибудь подробности,—ошибка въ жалкомъ, ложномъ, рабскомъ воззрѣніи на событія. Мы постараемся въ нѣсколькихъ словахъ возстановить ихъ смыслъ.

Царствованіе Александра I и 14 Декабря 1825 заключаютъ Петровскій періодъ русской исторіи. Это его крайнія послѣдствія со стороны образованной Россіи. Разпущенную, рыхлую Русь, Петръ I суровой рукой стянулъ въ сильное европейское государство; коснѣвшему въ своемъ отчужденіи народу онъ привилъ броженіе западной гражданственности. Непочатыя дремавшія силы народа, возбужденныя имъ, перешли, такъ сказать, его мечту; государство сложилось мощное, и встрѣтившись въ борьбѣ съ цѣлой Европой, вышло изъ нея побѣдоносно.

Императорская власть сдѣлала свое! "Свершилось", говоритъ поэтъ-отрокъ, лицейскій ученикъ, въ 1815 году, возвратившемуся изъ Парижа Александру I:

"—Русскій царь, достигъ ты славной цѣли!"

Общество развившееся на европейскихъ основаніяхъ должно было сдѣлать свое, иначе дѣло Петра I

было бы въ половину успѣшно и привело бы къ страшной нелѣпости.

Каждая степень образованія, развитія, даже силы государственной, требуетъ соотвѣтственный себѣ циклъ государственныхъ учрежденій. Съ каждымъ шагомъ впередъ — ему нужно больше простора, больше воли, больше опредѣленности въ своихъ отношеніяхъ къ власти; словомъ, больше независимой, самобытной и разумной жизни. Или государство ее достигаетъ (съ боя ли, по полюбовному ли согласію—все равно) и тогда оно идетъ далѣе въ исторіи; или—нѣтъ, и тогда оно останавливается, разлаживается, распадается и обмираетъ такимъ образомъ, до какого нибудь рѣшительнаго событія, (на пр. Крымской войны), которое снова разкрываетъ ему путь развитія, или окончательно убиваетъ его—какъ дѣятельное, развивающееся государство. Вступивъ въ западное образованіе, Россія должна была идти тѣмъ же путемъ. Еслибъ у насъ весь прогрессъ совершался только въ правительствѣ, мы дали бы міру еще небывалый примѣръ самовластья, вооруженнаго всѣмъ что выработала свобода; рабства и насилія, поддерживаемаго всѣмъ что нашла наука. Это было бы нѣчто въ родѣ Чингисъ-Хана съ телеграфами, пароходами, желѣзными дорогами, съ Карно и Монжемъ въ штабѣ, съ ружьями Минье и съ конгревовыми ракетами подъ начальствомъ Батыя.

Каждый кто сколько нибудь слѣдилъ за исторіей русскаго развитія съ начала XVIII столѣтія, видитъ даже въ самыя уродливыя эпохи ея, что въ обществѣ подымаются, бродятъ живыя силы, требующія больше чѣмъ одного повиновенія. Всеобщее отвращеніе,

всеобщее негодованіе противъ наглаго самовластья Павла, окончившееся такимъ энергическимъ протестомъ, не довольно оцѣнено.

Но гдѣ же у насъ та среда, которая, стукаясь постоянно въ царскую власть, оскорбленная ея неуваженіемъ къ достоинству лицъ, ея всегдашними притязаніями считать Россію за свое помѣстье и насъ за крѣпостныхъ людей,—могла бы дать дѣйствительность оппозиціонной мысли? Безъ сомнѣнія та среда, которая была всего послѣдовательнѣе перевороту Петра I, которая одна и приняла западное образованіе — Дворянство. — Оно представляетъ у насъ то меньшинство, которое дѣлаетъ за одно съ императорской властью русскую исторію, увлекая за собою въ продолженіи полутораста лѣтъ нѣмой и страдательный народъ, котораго часъ еще не насталъ. Въ немъ то и созрѣла революціонная мысль,—вышедшая 14 Декабря на площадь.

Когда наши войска возвратились изъ чужихъ краевъ послѣ всѣхъ торжествъ и упоеній, молодымъ офицерамъ и вообще образованной молодежи было что то не посебѣ. Они переросли колодки плохихъ государственныхъ учрежденій нашихъ. Въ жизни чувствовалась пустота, тяжесть, чего то необходимаго не доставало. Самъ императоръ Александръ I чувствовалъ это больше другихъ; съ 1815 года онъ носилъ печаль побѣды на лицѣ, а не ликованіе ея. Онъ понялъ зло и не даромъ толковалъ съ Карамзинымъ и Сперанскимъ объ уложеніи, далъ Польшѣ конституцію и всенародно говорилъ, "что желалъ бы разпространить свободныя учрежденія и на другіе народы ввѣренные ему Богомъ." Мысль осво-

божденія крестьянъ бродила въ его головѣ; онъ сдѣлалъ опытъ въ Остзейскихъ провинціяхъ, но окруженный людьми невѣжественными, закоснѣлыми въ грубыхъ предразсудкахъ, нисколько не лучше тѣхъ, о которыхъ онъ такъ рѣзко писалъ въ 1796 году къ Кочубею,(1)—безъ твердой воли, слабый, усталый, онъ какъ бы сознавая свое безсиліе, впалъ въ мистицизмъ, и оставилъ всѣ свои земные проэкты.

Но оттого, что императоръ Александръ I, понимая многое—ничего не умѣлъ сдѣлать, неужели можно называть преступленіемъ что другіе понимали тоже, но совсѣмъ обратно ему, считали себя способными сдѣлать многое. Люди эти были прямымъ отвѣтомъ на тоску мучившую новое поколѣніе. "Ну вотъ мы сильны, побѣдили Европу, сажаемъ царей, чертимъ границы,—что же отъ этого лучше? Узкія рамы жизни, вымѣренныя по военному артикулу, тѣснятъ . . . Мы освободили міръ, а сами остались рабами, управляемыми какой то кордегардіей въ грановитой палатѣ, какой то нѣмецкой канцеляріей съ татарскимъ кнутомъ въ рукахъ! Внизу, вверху, все неволя, рабство, грубая, дерзкая сила, безправіе, ни суда, ни голоса,—одна надежда и была—на милость царскую."

Но чтобъ кто нибудь не слишкомъ увлекся мягкими формами и добротой Императора, съ каждымъ годомъ, послѣ войны ростетъ черное memento servitudinem — Аракчеевъ, гадкій, желтый, оскорбительный, на ворохѣ розогъ, окруженный трупами

(1) См. Приложеніе къ брошюрѣ Корфа.

засѣченныхъ посселенцевъ. Глядя на него, вспоминался весь ужасъ положенія—подобострастіе, военный деспотизмъ, безмолвіе вверху, розги вездѣ . . . дворовыхъ сѣкутъ дома, сѣкутъ въ полиціи, крестьянъ сѣчетъ баринъ, сѣчетъ управляющій, сѣчетъ староста,—люди-вещи, люди-заклады, крѣпостныя серали, продажныя семьи, изнасилованныя женщины, палками забитые солдаты ! . . . .

Государь, у Васъ человѣческое сердце, скажите положивши руку на грудь,—можно ли это вынести на той степени образованія, на которой стояли Пестели, Бестужевы, Муравьевы ? Ну какъ же ихъ осуждать за то, что они хотѣли лучше погибнуть нежели быть страдательными свидѣтелями этого повсюднаго, ежечаснаго злодѣйства ? Вѣдь это святѣйшее чувство любви, круговой поруки съ слабыми, заставляетъ человѣка предпочесть висѣлицу — отрицательному сообщничеству — молчаніемъ !

“ Но зачѣмъ же передѣлывать насиліемъ, дѣлать заговоры, тайныя общества, бунтовать на площади ?” Лучше собираться явно и дѣйствовать убѣжденіемъ ; объ этомъ и сомнѣнія быть не можетъ. Но бѣда въ томъ, что въ нашемъ отеческомъ управленіи человѣкъ не имѣетъ ни права созвать безъ картъ и вина другихъ людей, ни права вольной рѣчи, цензура убиваетъ слово передъ его рожденіемъ, а если оно иной разъ прорвется,—секретное предписаніе, жандармъ, курьерская тройка и поминай какъ звали.

Представте себѣ самого Іисуса Христа, который бы сталъ проповѣдывать гдѣ нибудь на Адмираль-

тейской площади или въ Лѣтнемъ Саду,—тутъ и до Іуды не дошло бы дѣло, первый квартальный свелъ бы его въ III отдѣленіе, а оттуда отдали бы его въ солдаты или еще хуже послали бы его въ Соловецкой монастырь.

Стало быть о словѣ, о явномъ совѣщаніи толковать нечего.

Остается гражданская дѣятельность. Въ самодержавномъ государствѣ она очень важна, но благодаря чинамъ, она также невозможна. Табель о рангахъ положила такія бревны подъ ноги, что ни одинъ журавль не перешагнетъ ихъ. Свѣжаго, живаго ничего никогда не можетъ взойти въ правительство. Сенатъ, совѣтъ, министерства у насъ похожи на богадѣльни для стариковъ, лѣтъ пятьдесятъ терших лямку, или сидѣвшихъ въ канцеляріи, стариковъ пустыхъ, легкомысленныхъ, баснословнаго невѣжества, безъ малѣйшаго понятія о государственномъ дѣлѣ — въ родѣ тѣхъ, которые Вамъ достались отъ покойнаго родителя.....

Есть страны, на пр. Англія, гдѣ старики не такъ глупы, гдѣ они представляютъ преемственную и вѣковую мудрость государственную, это маститые защитники правъ; народъ и правитеьство привыкли слышать ихъ голосъ при каждомъ важномъ вопросѣ, при каждой общественной невзгодѣ. Таковъ на пр. лордъ Линдгорстъ изъ живыхъ;—это великіе легисты, ораторы... а у насъ они не умѣютъ двухъ словъ связать, не умѣютъ написать собственвеннаго мнѣнія. Книга Корфа, этаго юнѣйшаго изъ старцевъ, доказываетъ это очень хорошо. Корфа вѣроятно избрали для составленія записки, какъ

бойкое перо... нѣсколько горячее... но бойкое! Неумѣніе выражаться дѣло очень важное, оно свидѣтельствуетъ о неясномъ понимании, о непривычкѣ къ мысли, о томъ нисшемъ состояніи умственнаго развитія, въ которомъ бываетъ человѣкъ вышедшій изъ естественной непосредственности и не дошедшій до образованія.

Мы до того привыкли видѣть судьбы Россіи въ рукахъ неспособныхъ стариковъ, получившихъ мѣста въ родѣ преміи отъ общества застрахованія жизни, за продолжительную крѣпость пищеваренія, что намъ кажется какимъ нибудь чудакомъ, иностранцемъ, "чужимъ между своими"—лицо въ родѣ Мордвинова; да развѣ онъ и еще больше Сперанскій, не затерялись безполезно между сѣдыми дѣтьми, игравшими въ звѣзды и въ ленты?

Оставалось одно—въ тиши соединить разсѣянныя силы, дать имъ организацію, единство, съ опредѣленной цѣлью обсуживанія средствъ чѣмъ помочь страшному злу, губящему Россію, которое, повторяемъ съ намѣреніемъ, императоръ Александръ I также понималъ какъ Бестужевы и Муравьевы.

Общество это, сказано въ самомъ донесеніи Слѣдственной Коммиссіи и потомъ повторено въ книгѣ Н. Тургенева,—сначала имѣло цѣлью раскрывать злоупотребленія, противудѣйствовать имъ, преслѣдовать кражу и лихоимство, защищать слабыхъ отъ чиновниковъ, крѣпостныхъ отъ помѣщичьяго варварства, солдатъ отъ варварства ихъ начальниковъ.—Словомъ, эти страшные люди хотѣли все то, чего Вы желаете теперь, и чего Вы, Государь,

точно также не достигнете при всемъ Вашемъ самодержавіи, какъ они не достигли при ихъ горячей волѣ, потому что этого рода зло уступаетъ только звону и свѣту гласности, только ряду гражданскихъ учрежденій несовмѣстныхъ ни съ военнымъ деспотизмомъ, ни съ помѣщичьимъ управленіемъ государства.

Побившись безполезно съ юношеской идеей облагородить наши суда, основанные на взяткахъ, нашу полицію, основанную на кулакѣ, при удушливой цензурѣ, при невѣжествѣ первыхъ трехъ классовъ, при безотвѣтственности власти, этимъ людямъ приходилось сложить руки съ отчаяніемъ, или благословясь, начать самимъ красть и сѣчь? Но какъ ни утаивали отъ насъ, мы знаемъ сильный и энергическій характеръ этихъ людей, онъ просвѣчиваетъ даже въ донесеніи Слѣдственной Коммиссіи, сквозь всю злонамѣренность и подобострастіе языка. Такіе люди не складываютъ рукъ, не крадутъ народъ; такіе люди дѣлаютъ заговоры и идутъ прямо или на вершину человѣческаго величія или въ каторжную работу, въ обоихъ случаяхъ, рѣзко отмѣчая свое имя на листахъ исторіи.

Тутъ нѣтъ ничего особеннаго, это судьба воплощенія всѣхъ практически - соціальныхъ идей, принадлежавшихъ сперва развитому меньшинству и переходящихъ потомъ въ общее сознаніе народа.

Былъ ли этотъ заговоръ своевременепъ, — доказываетъ не только единство мнѣній Александра I, Ваше и ихъ о невыносимо-дурномъ упра

вленіи нашемъ, но и невѣроятное распространеніе заговора по всему государству—въ какіе нибудь семь лѣтъ. Въ немъ участвовали представители всего талантливаго, образованнаго, знатнаго, благороднаго, блестящаго въ Россіи. Послѣ ссылки этихъ людей температура образованія видимо у насъ понизилась, меньше ума сдѣлалось въ оборотѣ, общество стало пошлѣе, потеряло возникающее чувство достоинства; съ тѣхъ поръ языкъ подъячихъ и манеры кантонистовъ получили право гражданства въ гостиныхъ, въ литературѣ; съ тѣхъ поръ безпорядокъ и развратъ управленія дошли до крымскаго коммиссаріата, до наглаго воровства подъ глазами двухъ полицій, въ пяти шагахъ отъ Зимняго Дворца.

День возмущенія, 14 Декабря, не входилъ въ планъ петербургскаго союза, но онъ былъ необходимъ. Преданные какими то мерзавцами во второй арміи, преданные "двадцатилѣтнимъ юношей, горѣвшимъ любовью къ отечеству" — Іаковымъ Ростовцовымъ, заговорщикамъ оставалось ждать у себя въ комнатѣ " юношу " Іакова, который "въ порывѣ молодаго и неопытнаго энтузіазма," сдѣлалъ доносъ или Бенкендорфа, — и быть ими задушенными, или сдѣлать отчаянный опытъ и воспользоваться анархіей, царившей тогда во всей правительственной Россіи.

Это было время бѣлой горячки, правительственнаго бреда, оно подробно описано Корфомъ и чрезвычайно характеристично. Обыкновеннымъ вѣрноподданническимъ, а человѣческимъ умомъ ничего понять нельзя . . . . . Зачѣмъ Александръ I,

сдѣлавъ актъ такой важности, какъ замѣна меньшимъ братомъ старшаго въ престолонаслѣдіи, держалъ это подъ спудомъ, зачѣмъ скрылъ отъ совѣта, отъ министровъ, отъ людей окружавшихъ его смертный одръ въ Таганрогѣ? Зачѣмъ потомъ эта длинная исторія семейныхъ учтивостей — "Сдѣлайте одолженіе вы впередъ!" — "Нѣтъ-съ, помилуйте за вами!" — Марья Өедоровна въ отчаяніи проливаетъ слезы, Михаилъ Павловичь скачетъ на курьерскихъ въ Варшаву, скачетъ на курьерскихъ изъ Варшавы; Николай Павловичь присягаетъ Константину Павловичу, Константинъ Павловичь присягаетъ Николаю Павловичу. Всѣ зовутъ Цесаревича въ Петербургъ, а тотъ руками и ногами уперся въ Лазенкахъ и ни съ мѣста. Первый пришедшій въ себя былъ Михаилъ Павловичь, тотъ сѣлъ себѣ на станціи между Петербургомъ и Варшавой и пробылъ пока старшіе доиграли свою игру.

Въ этомъ капризномъ, сдѣланномъ въ тихомолку разпоряженіи короной, такъ ясно и видно полнѣйшее презрѣніе къ народу; судьба его считается домашнимъ дѣломъ одной семьи, и привычка не ставить подданныхъ ни въ грошъ, такъ велика, что самъ либеральный Александръ I наивно воображалъ, что Россія его собственность: послѣ смерти разкроютъ завѣщаніе и узнаютъ чья Россія.

Какже было заговорщикамъ уже преданнымъ на Югѣ и въ Петербургѣ, не воспользоваться этой сумятицей отрѣченій, этой тревогой брошенной въ совѣсть каждаго присягающаго и неприсягающаго,

этимъ междуцарствіемъ съ двумя императорами? Не одни бѣдные солдаты потеряли голову, московскій генералъ губернаторъ ведетъ сенаторовъ присягать Константину Павловичу, по запискѣ Милорадовича, а московскій митрополитъ не хочетъ принимать присяги, говоритъ, что все это вздоръ, что у него есть въ Успенскомъ Соборѣ — свой секретъ.

Къ тому же попытка 14 Декабря вовсе не была такъ безумна какъ ее представляютъ; книга Корфа это доказываетъ, она не удалась, вотъ все что можно сказать, но успѣхъ не былъ безусловно невозможенъ. Что было бы еслибъ заговорщики вывели солдатъ не утромъ 14, а въ полночь, и обложили бы Зимній Дворецъ, гдѣ ничего не было готоваго? Что было бы, еслибъ не строясь въ каре, они утромъ всѣми силами напали бы на дворцовой караулъ, еще шаткій и неувѣренный тогда.

Много ли силъ надо было имѣть Елизаветѣ I при вопареніи? Екатеринѣ II для того чтобъ свергнуть Петра III?

Нѣтъ правительства, въ которомъ бы легче смѣнялось лице главы какъ въ военномъ деспотизмѣ, запрещающемъ народу мѣшаться въ общественныя дѣла, запрещающемъ всякую гласность. Кто первый овладѣетъ мѣстомъ, тому и повинуется безмолвная машина съ тою же силой и съ тѣмъ же вѣрноподданническимъ усердіемъ.

Но заговорщикамъ 14 Декабря хотѣлось больше нежели замѣны одного лица другимъ, серальный переворотъ былъ для нихъ противенъ, весьма можетъ быть что они потому то и не бросились въ Дворецъ,

а открыто построились на площади, какъ бы испытывая съ ними ли общественное мнѣніе, съ ними ли массы. Они не были съ ними, и судьба ихъ была рѣшена!

Вѣрные мысли, которую они представляли, они хотѣли ограниченія самодержавія писаннымъ уложеніемъ, хранимымъ выборными людьми, они хотѣли раздѣленія властей, признаніе личныхъ правъ; словомъ представительное правительство въ западномъ смыслѣ. И вотъ почему мы считаемъ царствованіе Александра I и 14 Декабря строгими, прямыми послѣдствіями, крайними звеньями петровскаго періода, того періода, въ которомъ Россія развивалась подъ вліяніемъ западной государственной идеи.

Съ того часа, когда императоръ Николай вечеромъ 14 Декабря взошелъ на лѣстницу Зимняго Дворца, и Александра Ѳедоровна, не знаю почему, 'приняла его за новаго человѣка', какъ говоритъ Корфъ, — Россія попятилась и взошла въ холодный непривѣтный корридоръ, въ длинный, мрачный тунель въ которомъ едва начинаетъ мерещиться свѣтъ — съ дня Вашего воцаренія, Государь!

Императоръ Николай увидѣлъ, что съ образованіемъ больше идти нельзя, не утративъ долю деспотическаго произвола и отрекся отъ него, т. е. не отъ деспотизма, а отъ образованія.

Общество увидѣло, что конституціонными бичевками не свяжешъ царскую власть, пока огромное множество народа, безгласно раздавленное не принимаетъ никакого участія въ общественномъ дѣлѣ.

Настала пауза — долгая, мучительная, потратившая все наше поколѣніе и еще одно. Эта задержка,

это остановленное дыханіе, нравственное недоумѣніе, мало по малу стало разрѣшаться въ мысль: что стихіи развитія надобно искать въ самомъ народѣ, а не въ перенесеніи чужихъ формъ.

Пока мы достигали до этого пониманія, въ Европѣ произошли двѣ революціи, одна въ 1830, другая въ 1848 г., всѣ общественные вопросы, всѣ рѣшенія еще разъ измѣнились и намъ еще разъ достаются даромъ истины и результаты, до которыхъ западные народы доработались, снова тяжелымъ путемъ крови, длинной борьбой и утратой почти всего пріобрѣтеннаго трудами вѣковъ.....

На своей больничной койкѣ Европа какъ бы исповѣдуясь или завѣщая послѣднюю тайну, скорбно и поздно пріобрѣтенную, указываетъ какъ единый путь спасенія именно на тѣ элементы, которые сильно и глубоко лежатъ въ народномъ характерѣ, и притомъ не одной петровской Россіи, а всей русской Россіи.

По этому мы думаемъ, что у насъ развитіе пойдетъ инымъ путемъ.

.....Но неужели, оттого что мы иначе понимаемъ задачу общественнаго развитія, и долею видимъ причину почему 14 Декабрю трудно было удастся—мы не можемъ (съ какой бы стороны мы ни были) спокойно и съ уваженіемъ говорить объ этихъ людяхъ, сильныхъ и самоотверженныхъ, вышедшихъ на неровный бой, чтобъ заявить начало совершеннолѣтія Россіи.

Амнистіи Вашей мало, она пришла слишкомъ поздно, не прощеніе нужно теперь ихъ памяти, а примиреніе и пониманіе!

Два года съ половиной тому назадъ, когда Вы сѣли на престолъ, мы говорили Вамъ: "Отъ Васъ ждутъ человѣческаго сердца.... Вы необыкновенно счастливы!" (1)

И до сихъ поръ еще ждутъ, вѣра въ Васъ сохранилась.

Зачѣмъ же, опираясь на Васъ, бездушные льстецы, въ родѣ византійскихъ риторовъ-отпущенниковъ, льстившихъ по должности, воспѣваютъ напыщеннымъ гофъ-фурьерскимъ языкомъ, неприличнымъ въ наше время, царствованіе, котораго Вы не продолжаете,—бросая оскорбленіе людямъ такъ безпощадно побитымъ грозой за то, что они слишкомъ вѣрили въ Россію, за то, что слишкомъ рано вышли на поле... и запечатлѣли мученичествомъ свой подвигъ?

Говорятъ, будто графъ Панинъ ударилъ въ порывѣ вѣрноподданническаго усердія Пугачева, приведеннаго къ нему въ цѣпяхъ. Говорятъ, что въ 1826 году въ Слѣдственной Коммиссіи и въ государевомъ кабинетѣ подсудимые заговорщики были оскорблены ругательными словами, которыхъ позоръ долго не сотрется... Неужели тридцать лѣтъ спустя въ Ваше царствованіе еще разъ потревожатся заученой клеветой великія тѣни... уже возставшія въ памяти рода человѣческаго отрѣшенными и отъ тупой клеветы преслѣдователей и отъ собственныхъ оши-

(1) Полярная Звѣзда за 1855 годъ,

бокъ... печальными, но сильными и чистыми прорицателями великихъ судебъ Россіи ....?

Миръ имъ, Государь, и почтительное благочестіе передъ былымъ !

ИСКАНДЕРЪ.

Лондонъ, 20 Сентября 1857.

РАЗБОРЪ

КНИГИ КОРФА.

Давно ни одна книга не производила на насъ такого скорбнаго впечатлѣнія, какъ книга Статсъ-Секретаря барона Корфа (1), тѣмъ болѣе что она напечатана по высочайшему повелѣнію. Смѣхъ, съ которымъ бы мы встрѣтили подобное сочиненіе— еслибъ какой нибудь авторъ напечаталъ его самодуромъ, смолкаетъ передъ этими словами "по высочайшему повелѣнію", и уступаетъ мѣсто чувству искренной и тяжелой горести. Какъ? Правительство, отъ котораго мы ждали улучшеній, новыхъ узаконеній, пониманія Россіи и ея требованій,— это правительство разрѣшаетъ, приказываетъ печатаніе книги, которая есть выраженіе изумительной бездарности и отвратительнаго раболѣпія. Для этого приговора намъ не приходится придумывать доказательствъ; мы прослѣдимъ шагъ за шагомъ сочиненіе барона Корфа; оно само о себѣ невольно выскажетъ тѣ горькія истины, которыя мы могли бы сказать о немъ. Императоръ Николай зналъ что дѣлаетъ, когда "отклонилъ мысль огласить это описаніе во всеобщее свѣдѣніе" не потому

(1) "Третье изданіе, (первое для публики.") Какъ будто можно назвать изданіемъ то что неиздано для публики! Что держится въ секретѣ не есть изданіе. Къ чему же эта неумѣстная выходка поставить на заглавномъ листѣ: третье изданіе? Что это— неуваженіе къ публикѣ, или непониманіе словъ?

что „истинному величію сопутствуетъ скромность", а потому что въ наше время уже нельзя печатать подобныхъ книгъ; въ наше время — во первыхъ придворная манера выражаться смѣшна, а во вторыхъ отъ книги требуется, чтобъ она была написана съ знаніемъ языка и съ смысломъ человѣческимъ. Сочиненіе барона Корфа содержитъ именно всѣ тѣ условія, по которымъ не льзя было его напечатать. Авторъ полагаетъ побудительной причиной для его изданія—слѣдующее: „Императоръ Николай не нуждается въ хвалебныхъ возгласахъ; но для Исторіи нужны истина и доблестные примѣры. Эта цѣль примиритъ великую тѣнь съ нарушеніемъ тайны ея скромности!" Сказано вычурно и даже съ знакомъ восклицанія на концѣ, а цѣль далеко не достигнута, хотя настоящее изданіе и дополнено „двумя или тремя чертами изъ записокъ покойнаго Генералъ-Адъютанта А. Х. Бекендорфа и еще нѣкоторыми другими подробностями".

Въ предисловіи къ первому изданію, (которое не есть изданіе а семейная тайна,) авторъ находитъ еще побудительною причиною для напечатанія своего сочиненія то, что „достопамятныя событія, которыми ознаменовался періодъ времени отъ полученія извѣстія о кончинѣ блаженныя памяти Императора Александра I до истеченія дня 14 Декабря 1825 года, не имѣютъ до сихъ поръ полнаго и удовлетворительнаго описанія". Такія выраженія какъ „блаженныя памяти" не употребляются между порядочными людьми; они водятся только у приживалокъ, у старыхъ

дворѣцкихъ, у недоучившихся Демосѳеновъ—семинаристовъ; (1) а въ исторической книгѣ подобныя выраженія смѣшны. Тонъ исторической книги несовмѣстенъ съ тономъ бурсы и затхлыхъ переднихъ.

Далѣе авторъ замѣчаетъ, что "Русскіе писатели ограничены условіями, сколько необходимой, столько же и благодѣтельной въ общественномъ нашемъ устройствѣ, цензуры". Въ этомъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ достопочтеннаго Статсъ-Секретаря; мы полагаемъ, что цензура въ нашемъ общественномъ устройствѣ считается необходимою только тѣми, которымъ нехочется, чтобы голосъ правды доходилъ до Государя, и благодѣтельна только для сочинителей книгъ, не выдерживающихъ критики.

Авторъ продолжаетъ: "Притомъ въ событіяхъ политическихъ, частныя лица знаютъ, большею частію, только внѣшнюю сторону одни признаки или видимое проявленіе предметовъ, такъ сказать только свое, тогда какъ въ дѣлахъ сего рода главный интересъ сосредоточивается часто на тайныхъ ихъ причинахъ и на совокупности всѣхъ свѣдѣній въ общей связи". Что это за безсмыслица! Частныя лица большею частью знаютъ

(1). Императоръ Николай, осматривая какой-то полкъ, подошелъ къ флангововому и спросилъ его за какое дѣло онъ получилъ крестъ. Фланговый былъ изъ семинаристовъ, попавшихъ въ солдаты за пьянство, и краснорѣчиво отвѣчалъ: "Подъ побѣдоносными орлами Вашего Императорскаго Величества".— Николай отвернулся съ негодованіемъ и пошелъ далѣе недовольный. Генералъ, шедшій за Николаемъ, подошелъ къ краснорѣчивому фланговому и поднося ему кулакъ подъ носъ, въ полголоса, задыхаясь отъ бѣшенства, сказалъ: "Въ гррробъ заколочу Демосѳена.

только видимое проявленіе предметовъ, такъ сказать только свое. Что такое проявленіе предметовъ? да еще не простое а видимое —какъ будто есть невидимое проявленіе чего нибудь? Можно сказать проявленіе чего нибудь невидимаго — пожалуй! если это доставляетъ кому нибудь удовольствіе; а видимое проявленіе предметовъ—да тутъ нѣтъ смысла человѣческаго! И это видимое проявленіе предметовъ для частныхъ лицъ — свое!

Желали бы мы знать, что авторъ думалъ при этомъ, какимъ не нормальнымъ путемъ дѣйствуетъ его мозгъ..... Въ жалкія руки попалась Исторія Николая!

Неужели авторъ думаетъ что выраженія въ родѣ слѣдующихъ: воспоминанія Государя Великаго Князя Михаила Павловича, положенныя на бумагу "или" Великая Княгиня изъяснилась, "или" Государь благоизволилъ позвать передъ Себя"—придаютъ возвышенность слогу? Или онъ думаетъ такими средствами прибавить что нибудь къ важности царскаго сана? Напрасно! Это только выраженія, напоминающія какъ лакеи говорятъ про барина или барыню—они вмѣсто онъ или она. Это выраженія пошлыя. Мы никогда не повѣримъ чтобъ Императоръ Александръ II желалъ, чтобы съ нимъ — и про него, или про Августѣйшее семейство говорили языкомъ, лишеннымъ простоты, здраваго смысла и чувствъ человѣческаго достоинства; по этому то насъ такъ горестно удивляетъ высочайшее одобреніе книгѣ, отъ которой вѣетъ запахомъ прихожей.

Но на первый разъ довольно о слогѣ; приступимъ къ дѣлу.

Не льзя было пошлѣе выставить лице Императора Александра I, лице безъ сомнѣнія поэтическое, какъ то сдѣлалъ баронъ Корфъ—"Умиритель(!) Европы, утомленный славою величія, разочарованный въ мечтахъ о благодарности и привязанности человѣческой, сосредоточился болѣе въ самомъ себѣ и отъ помысловъ земныхъ воспарилъ къ небеснымъ." Что за пошло-напыщенная фраза для того, чтобъ изобразить мучительный переходъ къ мистицизму человѣка съ искренне-либеральнымъ направленіемъ, который не смотря на всю самодержавную власть, не можетъ осуществить своихъ намѣреній, встрѣчаетъ препятствія, которыя ломаютъ его силу, наводятъ уныніе; онъ страдаетъ, ему надобенъ исходъ и онъ впадаетъ въ мистицизмъ со всѣми его несчастными послѣдствіями бездѣйствія и неприлагаемости къ практической жизни. Въ этомъ образѣ человѣка изнывающаго отъ внутреннихъ вопросовъ и внутренняго страданія, въ борьбѣ съ обществомъ, враждебнымъ его идеаламъ гражданственности, есть поэтическій колоритъ, поэтическое величіе. И это высоко-трагическое положеніе баронъ Корфъ умѣлъ свести на избитую, риторическую фразу о разочарованіи въ благодарности человѣческой, воспареніи къ небеснымъ помысламъ, фразу, которая годится только для героя дюжиннаго романа. Жизнь Александра Iго, не смотря на всю славу двѣнадцатаго года, прошла скорбно. Еще юношей онъ желалъ бы отрѣчься отъ престолонаслѣдія. "Это намѣреніе," говоритъ баронъ Корфъ, " было ли-

тогда слѣдствіемъ минутнаго раздраженія, или плодомъ романической настроенности, свойственной молодымъ лѣтамъ" .... Счастливо для памяти Александра I, что его письмо къ Кочубею помѣщено цѣликомъ въ книгѣ Корфа. Какъ же господинъ Штатсъ-Секретарь не понялъ изъ этого письма, что желаніе отрѣчься отъ престола не было у Александра ни минутнымъ раздраженіемъ, ни глупой романической настроенностью? Передъ нимъ стояла фаланга Екатерининскихъ временщиковъ, развратныхъ грабителей; вслѣдъ за ними шли любимцы Павла I, тѣже типы, но уже утратившіе даже внѣшній лоскъ образованности. Наслѣдуя престолъ, Александръ долженъ былъ наслѣдовать и этихъ людей; іерархія чина навязывала ихъ ему въ совѣтники, въ исполнители его намѣреній. Не минутное раздраженіе, не романическая настроенность влекли его удалиться, а живое отвращеніе благороднаго человѣка отъ среды грубой и безчестной, въ которую онъ, вступая на престолъ, долженъ былъ войти роковымъ образомъ. " Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя лакеями, "пишетъ Александръ; "въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ, грабятъ со всѣхъ сторонъ, всѣ части управляются дурно" .... А баронъ Корфъ видитъ въ намѣреніи Александра минутное раздраженіе или романическую настроенность! Но впрочемъ не мудрено, что барону и тѣ люди и тотъ порядокъ вещей не кажутся такъ отвратительны какъ они казались Александру I. Такой же порядокъ

вещей прошлое царствованіе оставило на долю Александра II. Баронъ Корфъ выросъ, сдѣлался Штатсъ-Секретаремъ въ этомъ порядкѣ вещей и привыкъ къ нему.

Александръ I сломился въ этомъ порядкѣ вещей и, ударившись съ одной стороны въ мистицизмъ, съ другой стороны подпалъ подъ вліяніе тѣхъ же людей, и во главѣ управленія явился Аракчеевъ. Но стремленіе къ лучшему порядку, къ дѣйствительному гражданскому устройству жило не въ одной трагической личности Александра I; оно жило и въ обществѣ. Въ то самое время, когда Аракчеевы тянули Государя назадъ по ложному пути реакціи и ввергали болѣе и болѣе государство въ тотъ порядокъ вещей, который былъ ненавистенъ государю; въ то самое время потребности лучшаго гражданскаго устройства росли въ обществѣ и готовилось 14ое Декабря. Съ глубокимъ прискорбіемъ, со страхомъ и трепетомъ смотримъ мы теперь на императора Александра II. Опять личность исполненная благородства и гуманности, и опять окруженная оными людьми и онымъ порядкомъ вещей. Если и его втянутъ въ ложный путь обратнаго шествія и вражды съ образованностью, если и онъ подпадетъ подъ вліяніе людей, даровитостью и искренностью подобныхъ автору разбираемой нами книги,— что же будетъ съ Россіей? Теперь не времена 14го Декабря, гдѣ потребность лучшаго гражданскаго устройства чувствовалась только въ высшихъ слояхъ общества; теперь масса народная жаждетъ освобожденія отъ помѣщичей власти и власти казенныхъ грабителей. Если правительство станетъ во главѣ народныхъ

потребностей, развитіе Россіи совершится спокойно и стройно; если правительство пойдетъ по пути обратнаго шествія, или внесетъ въ жгучіе вопросы медленность и нерѣшительность,—рѣки крови польются. Положимъ Россія слишкомъ живуча и не погибнетъ, а добьется своего; но кто же будетъ виноватъ въ ненужно пролитой крови и въ судорожныхъ страданіахъ Россіи? Конечно все тотъ же порядокъ вещей, все тѣже люди, которыхъ Александръ I не хотѣлъ имѣть лакеями. Мы смѣло указываемъ на нихъ какъ на враговъ отечества.

"Было лѣто 1819 года." Наконецъ начинается разсказъ о престолонаслѣдіи. Замѣчательно, что во всемъ повѣствованіи барона Корфа господствуетъ пристрастіе къ подробностямъ, совершенно не интереснымъ и равнодушнымъ для исторіи. Если Великій князь командуетъ бригадою, баронъ не забудетъ сказать, что она состояла изъ егерскаго и измайловскаго полка, не забудетъ сказать какимъ плечомъ впередъ шелъ батальонъ лѣвымъ или правымъ и т. п. Всѣ эти подробности могутъ быть интересны для фельдфебелей того времени, а для публики онѣ не только равнодушны, но смѣшны.

И такъ лѣтомъ 1819 -го года, императоръ Александръ объявилъ Великому Князю Николаю Павловичу, что Цесаревичь Константинъ отказывается отъ престола, и что наслѣдникомъ престола суждено быть ему — Николаю. Мы охотно вѣримъ, что Николай сначала испугался этой мысли. Задача не легкая. У насъ же всѣ члены царской фамиліи обычно готовятся не въ государственные люди, а въ генералы. Военная спеціальность по-

глощаетъ ихъ воспитаніе, не смотря на то, что здравый смыслъ подсказываетъ, что война бываетъ рѣдко, какъ явленіе исключительное, а мирное время обычное состояніе народа; что военное ремесло проще гражданскаго устройства, что генералы всегда найдутся, лишь бы военныя школы были хороши, а что цари должны готовиться не для спеціальности командованія бригадой, а для яснаго пониманія государственныхъ вопросовъ, вопросовъ гражданскихъ, вопросовъ внутренней жизни народа и ея развитія. Да! мы охотно вѣримъ, что Великій Князь Николай Павловичь со страхомъ смотрѣлъ на свою трудную будущность; мы въ этомъ не видимъ ничего особенно хорошаго и ничего дурнаго; этотъ страхъ былъ просто естественenъ. Но баронъ Корфъ, все желая возвысить личность Николая, пускается въ объясненія, откуда могла произойти робость передъ царской должностью. "До 1818-го года," говоритъ Корфъ, "Онъ (Николай) не имѣлъ даже никакихъ служебныхъ занятій, и все Его знакомство со свѣтомъ ограничивалось впечатлѣніями, которыя уносилъ Онъ въ душѣ, проводя каждое утро, по часу и болѣе, въ дворцовыхъ переднихъ, или въ секретарской комнатѣ, посреди шумнаго собранія военныхъ и другихъ лицъ, которыя имѣли доступъ къ Государю, и, до пріема, развлекали себя большею частію шутками и насмѣшками, иногда и интригами." Зачѣмъ же ѣздилъ Николай на такія нечестивыя сборища въ дворцовыя передни? Обращаемся къ безпристрастному суду читателей: могъ ли злѣйшій врагъ сказать что нибудь хуже объ Императорѣ

Николаѣ? Вотъ куда раболѣпіе заводитъ автора! „Разговоръ кончился. Государь уѣхалъ. Но молодая чета чувствовала тоже самое, что могъ бы ощущать человѣкъ, который идетъ спокойно по ровной дорогѣ, въ прекрасной мѣстности, между цвѣтовъ, если бы вдругъ у него подъ ногами открылась страшная пропасть и его увлекало бы туда неодолимою силою, такъ что онъ не могъ бы ни отступить, ни воротиться". За симъ подстрочное примѣчаніе: „Сравненіе это заимствовано въ точности изъ собственно-ручной записки въ Бозѣ почившаго (!) Императора Николая I. Тоже самое было наблюдаемо вездѣ, гдѣ изображаются личныя чувства и впечатлѣнія Его Величества." — Положимъ что сравненіе Императора Николая пропитано высоко-поэтическимъ достоинствомъ; но что такое „тоже было наблюдаемо вездѣ, гдѣ изображаются личныя чувства и впечатлѣнія Его Величества"? Что тоже? Сравненіе, или ровная дорога, или прекрасная мѣстность, или цвѣты, или неодолимая сила, или всѣ эти вещи вмѣстѣ? Что наконецъ — тоже? Къ чему оно относится? Хоть бы кто нибудь сказалъ барону Корфу, что нельзя начинать писать, не имѣя понятія о грамматикальномъ смыслѣ.

Цесаревичь уже видѣлъ въ великомъ Князѣ Николаѣ Павловичѣ будущаго Императора и принималъ его въ Варшавѣ съ почестями, приводившими его въ замѣшательство. „Великій Князь всѣми мѣрами старался отъ нихъ уклониться и просилъ освободить Его отъ такого почета, который принималъ иногда даже видъ насмѣшливости;

старшій братъ отговаривался шуткою. "Это все отъ того, что ты Царь Мирликійскій! Прозвище это онъ съ тѣхъ поръ сталъ обыкновенно употреблять при именованіи Николая Павловича." (1) Ну какъ же барону Корфу было не скрыть этого обстоятельства? Вѣдь это дастъ поводъ къ неистощимому смѣху; теперь это прозвище въ потомствѣ останется за Императоромъ Николаемъ. Вотъ результаты книгъ, писанныхъ бездарными льстецами.

Чтобъ положить оффиціальную основу дѣлу, цесаревичь пишетъ къ Александру письмо (14 Января. 1822. г.) въ которомъ проситъ избавить его отъ престолонаслѣдства. Проэктъ этаго письма собственноручно поправленъ Александромъ; но какъ ни старался умный государь поправить письмо, оно все же осталось документомъ неимовѣрнаго неумѣнія писать. Баронъ Корфъ помѣстилъ всѣ поправки Александра, какъ будто нарочно, чтобы показать, что безъ поправокъ письмо уже изъ рукъ вонъ какъ плохо. Хотѣлъ ли баронъ выказать этимъ свое безпристрастіе историка, или унизить цесаревича въ глазахъ потомства, чтобы легче можно было возвысить Николая, — мы не знаемъ. Баронъ не одинъ разъ употребляетъ этотъ способъ униженія одной личности изъ членовъ царскаго дома въ пользу другой, и всегда униженіе мертвыхъ въ пользу живыхъ.

(1). Стр: 14 и 15. Въ подстрочномъ примѣчаніи объяснено, что это прозвище происходитъ отъ Святаго угодника Николая, чудотворца Мирликійскаго (отъ города Миръ въ Ликіи).

За чѣмъ отреченіе Константина оставалось тайною, за чѣмъ актъ о престолонаслѣдіи не былъ обнародованъ, — этого баронъ Корфъ не можетъ понять; оно и не легко понять. Дѣйствительно мистицизмъ приводитъ къ бездѣйствію; упованіе на силы небесныя мѣшаетъ приводить въ порядокъ дѣла земныя. Жаль что баронъ Корфъ ничего не развѣдалъ о разговорѣ Александра съ схимникомъ Алексіемъ. Такой разговоръ, въ то время, когда усталь и мистицизмъ приводили самаго Александра къ прежней мысли отрѣчься отъ престола, такой разговоръ могъ бы ярко выставить характеръ Александра и объяснить его дѣйствія. Но положимте, что Александръ, вслѣдствіе мистическаго настроенія, хотѣлъ, пока живъ, облечь тайной престолонаслѣдіе; положимте, что тайна нравилась его фантазіи, или, что онъ самъ внутренно не могъ рѣшиться кому лучше оставить престолъ; но какъ объяснить междуцарствіе, въ которомъ Константинъ и Николай присягаютъ другъ другу и играютъ въ Россію какъ въ мячикъ? Для цесаревича еще было естественно присягать Николаю; онъ давно свыкся съ мыслію, что не онъ будетъ царствовать. Но какъ могъ Николай, знавшій актъ престолонаслѣдія и отвращеніе старшаго брата отъ царскаго сана, какъ могъ Николай двѣ недѣли разыгривать комедію, которая должна была повергнуть въ смуты все государство? Баронъ, какъ слѣдуетъ царедворцу, видитъ въ этомъ великодушіе Николая, и даже его не желаніе наслѣдовать престоломъ; но это великодушіе и безкорыстіе было бы весьма похваль-

по въ дѣлѣ частной собственности, но въ отношеніи къ Россіи — это было преступленіе, потому что вызывало толки и междоусобіе, потому что Россія не удѣльная отчина. Изъ самой книги барона Корфа въ присягѣ Николая Константину легко усмотрѣть, сквозь желаніе сохранить приличіе, — тайную радость обладанія престоломъ. Еслибъ Николай думалъ, что онъ идетъ служить Россіи, а не просто вводится во владѣніе помѣстьемъ, еслибъ онъ не имѣлъ въ виду скрыть тайную радость обладанія престоломъ, — конечно онъ не сталъ бы заботиться о приличіяхъ и не пожертвовалъ бы спокойствіемъ государства желанію казаться безкорыстнымъ.

Мудрено предположить, чтобы Николай ничего не зналъ о существованіи манифеста, возводящаго его на престолъ. Изъ словъ Александра онъ зналъ, что онъ наслѣдникъ; императрица Марія Θеодоровна, какъ бы вскользь ни говорила ему объ актѣ отреченія цесаревича въ его пользу,—но все же говорила. О манифестѣ, знали Филаретъ, Аракчеевъ, Голицынъ и еще одно лице. Филаретъ, какъ умный человѣкъ, противясь храненію всего дѣла втайнѣ, настоялъ на томъ, чтобы, кромѣ собора, манифестъ былъ еще хранимъ въ Совѣтѣ, Синодѣ и Сенатѣ. Въ публикѣ говорили о присланномъ актѣ въ эти три присутственныя мѣста, хотя и плохо знали его содержаніе и терялись въ соображеніяхъ. Неужели только одинъ Николай не зналъ о присылкѣ акта и не догадывался о его содержаніи, между тѣмъ какъ ему очень легко было догадаться? Конечно Николай не могъ думать

какъ баронъ Корфъ, что Александръ потому медлилъ составленіемъ манифеста и хотѣлъ держать его въ тайнѣ, что боялся, чтобъ и Николай, подобно Константину, не отказался отъ престола; такое предположеніе должно было бы побудить Александра поспѣшить составленіемъ манифеста, обязать актомъ Николая принять престолонаслѣдіе, чтобы престолъ не оставался празднымъ. Но ни Александръ не думалъ, что Николай откажется, ни Николай не думалъ отказываться отъ престола. Еслибъ Николай хотѣлъ отказаться, онъ имѣлъ все время отказаться и послѣ разговора съ Александромъ, и послѣ пріема сдѣланнаго ему цесаревичемъ въ Варшавѣ, и послѣ разговоровъ съ матерью. Онъ зналъ, что Константинъ отрекся, онъ зналъ, что онъ наслѣдникъ престола; какъ же ему было не догадываться, что за актъ хранится въ Соборѣ, Совѣтѣ, Синодѣ и Сенатѣ, актъ, на пакетѣ котораго написано Александромъ: распечатать въ случаѣ моей смерти?

Мы нисколько не сомнѣваемся, что скорбь Николая объ утратѣ старшаго и любимаго имъ брата была глубока и истинна, что его "оставили послѣднія силы, когда Милорадовичь объявилъ ему о кончинѣ Александра, что онъ упалъ на стулъ" и въ ризницѣ безмолвно простерся на землю; но при этой душевной тревогѣ за чѣмъ же была такая поспѣшность присягать Константину, если не было желанія отклонить всякое подозрѣніе въ публикѣ о томъ, что сдѣлаться царемъ Россіи пріятно для сердца? Ложная мысль повлекла за собою всѣ бѣдственныя послѣдствія. Если

бы Николай подумалъ, что публика нисколько не обвинитъ его зажеланіе царствовать, что она даже сочтетъ это желаніе благороднымъ, если онъ имѣлъ въ виду благо Россіи, — то онъ никогда бы не рѣшился присягать Константину, зная что Константинъ отрекся. Онъ самъ говоритъ Голицыну, что присягой хотѣлъ "уничтожить самую тѣнь сомнѣнія въ чистотѣ своихъ намѣреній". Ради этой ложной мысли, ради этаго наружнаго рыцарства, Николай забылъ, что дѣло шло не о чистотѣ чьихъ бы то ни было намѣреній, а о спокойствіи государства. Голицынъ былъ совершенно правъ, укоряя Николая въ принесеніи присяги и разставаясь съ нимъ холодно, Голицынъ былъ совершенно правъ, не видя, подобно барону Корфу, въ этихъ присяганіяхъ "величественнаго эпизода, примѣръ борьбы неслыханной" изъ за того кому не царствовать. Если бы можно было предположить, что Николай вовсе не зналъ отреченія Константина, его присяга была бы естественна; но этого предположить не льзя. Самъ баронъ Корфъ мѣшаетъ не только этому предположенію, но даже и тому предоположенію, что Николай не зналъ о существованіи манифеста; барону, не знаю ради чего, хочется доказать послѣднее, а между тѣмъ самъ же онъ на 57-ой страницѣ своей книги, выписываетъ изъ журнала Государственнаго Совѣта слѣдующее: "Его Высочество (т. е. Великій Князь Николай) изволилъ всему Государственному Совѣту самъ изустно потвердить, ... что бумаги, нынѣ читанныя въ Государственномъ Совѣтѣ (т. е. Манифестъ о престолонаслѣдіи) Его Вы-

сочеству давно извѣстны" . . . . . Послѣ этого какое же можетъ оставаться сомнѣніе въ томъ, что Николай не только могъ догадываться, но совершенно зналъ въ чемъ дѣло? Зная въ чемъ дѣло, за чѣмъ онъ присягалъ Константину? Конечно все изъ той же ложной мысли наружнаго рыцарства. Ему хочется показать, что не смотря ни на какой манифестъ, если Цесаревичу угодно, то онъ не мѣшаетъ и становится въ ряды вѣрноподданныхъ. Но вѣдь изъ всего предыдущаго онъ навѣрно знаетъ, что Цесаревичу не угодно царствовать, и что все же онъ, Николай, взойдетъ на престолъ. Къ чему же вся эта комедія, трубящая тревогу по всему государству? Наконецъ, если ужъ такъ важно было придать своему поступку лоскъ рыцарства, Николай могъ, прежде всякой присяги, отправить къ Цесаревичу курьера, спросить угодно или не угодно ему царствовать, и поступить сообразно съ его отвѣтомъ. Тутъ всего прошло бы шесть — семь дней. Никто бы даже не замѣтилъ замедленія въ присягѣ, между тѣмъ какъ публичный актъ присяги необходимо долженъ былъ взволновать умы. Какъ ни трудится баронъ представить всѣ эти дѣйствія въ видѣ "величественнаго эпизода", потомство и Исторія, не могутъ въ нихъ найти ничего, кромѣ неблагоразумія и неискренности. Баронъ Корфъ старается бросить подозрѣніе на точность журнала Государственнаго Совѣта и говоритъ, что еслибъ Николай зналъ манифестъ, то члены Совѣта не стали бы усильной просьбой просить его прочесть бумаги. Но онъ могъ не знать манифеста, а знать о его

существованіи и содержаніи. Иначе съ чего бы Милорадовичь сказалъ въ Совѣтѣ, прежде оной усильной просьбы его членовъ, что "Великій Князь Николай Павловичь торжественно отрекся отъ права, предоставленнаго ему упомянутымъ манифестомъ, и первый уже присягнулъ на подданство Его Величеству Государю Императору Константину?" Не можетъ же въ журналѣ Совѣта все быть записано не точно. Баронъ думаетъ, что журналъ Совѣта ошибоченъ, потому что не былъ представленъ на просмотрѣніе Великому Князю; а мы такъ думаемъ, что онъ именно потому и вѣренъ, что его никто не поправлялъ. Какъ ни разсматривай, а все результатъ одинъ: Николаю хотѣлось дать огласку рыцарскаго поступка, который уже поэтому и не рыцарскій, что изъ за него видна задняя мысль, безполезность самого поступка и оскорбительное невниманіе къ судьбамъ Россіи.

Въ Совѣтѣ противились чтенію манифеста Лобановъ-Ростовскій и Адмиралъ А.С. Шишковъ, "съ отличавшимъ его искуственнымъ жаромъ" говоритъ Корфъ. Намъ нѣтъ дѣла до того, что говорилъ Лобановъ-Ростовскій; но Шишковъ былъ слишкомъ благородное лице, чтобъ мы не сочли долгомъ замѣтить, что въ такого человѣка какъ Шишковъ бросать грязью какому нибудь Корфу неприлично, и то что позволили ему это сдѣлать оскорбительно для всякаго честнаго человѣка, уважающаго людей искренно служившихъ отечеству. Мы убѣждены, что эту презрительную выходку противъ заслуженнаго Адмирала позволилъ не Александръ II;

эта выходка какъ нибудь прокралась изъ двухъ прежнихъ изданій книги Корфа, составлявшихъ семейную тайну, и государь ее не замѣтилъ.

Мы ничего не скажемъ о письмахъ Цесаревича, помѣщенныхъ на страницахъ 38—42 книги Корфа. Ихъ форма такъ же плоха какъ и въ письмѣ къ Александру I, ихъ содержаніе тоже: отреченіе отъ престола. Мы такъ увѣрены въ дѣйствительности и даже искренности отреченія Константина, что понять не можемъ изъ чего Корфъ выбивается изъ силъ доказывая то, въ чемъ никто не сомнѣвается. Эта манера чрезмѣрныхъ доказательствъ можетъ навести сомнѣніе на неопытнаго читателя, но мы въ ней видимъ только неумѣнье барона владѣть перомъ — и мыслью.

Мнимое рыцарство Николая, какъ слѣдовало ожидать, пошло производить всеобщую суматоху. Въ Москвѣ не знали кому присягать и наконецъ не смотря на то, что Филаретъ былъ "хранителемъ свѣтильника подъ спудомъ," присягнули Константину. Великій Князь Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Варшавы, привезъ письмы Цесаревича, но эти письмы показались недостаточными для воцаренія Николая; а кажется съ Манифестомъ, хранившимся въ Соборѣ, Синодѣ и Сенатѣ, были бы совершенно достаточны. Михаилъ Павловичъ скачетъ опять въ Варшаву и остается ждать на дорогѣ; Константинъ Павловичъ упирается и не ѣдетъ въ Петербургъ; Николай Павловичъ вступаетъ въ управленіе, пишетъ князю Волконскому: "всѣ сношенія нужныя съ мѣстами, здѣсь находящимися, прошу дѣлать непосредственно чрезъ Меня,"

и не хочетъ объявить то что неминуемо придется объявить; онъ почти не выходитъ изъ Зимняго Дворца, говоритъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: "Маменька, это еще вопросъ, которую изъ двухъ жертвъ должно считать выше: со стороны ли отказывающагося, или со стороны принимающаго"; видится съ Толемъ, отправляетъ его въ Варшаву и въ тотъ же день вслѣдъ за нимъ посылаетъ курьера сказать ему, что Цесаревичь отрекся, какъ будто не гораздо проще было сказать это при свиданіи. Все суетится, все скачетъ, никто не знаетъ что дѣлать.... Какой тутъ "величественный эпизодъ;" это просто ума помраченіе. — Наконецъ пріѣхалъ и курьеръ Бѣлоусовъ отъ Цесаревича съ извѣстіемъ, въ которомъ очевидно, что всѣ замедленія объявить манифестъ покойнаго Государя, были лишены всякаго смысла. Наконецъ Николай сталъ разсуждать о новомъ манифестѣ съ Карамзинымъ, котораго удостоивалъ "отлично милостиваго вниманія" и поручилъ написать манифестъ Сперанскому; наконецъ послали и за Михаиломъ Павловичемъ, который имѣлъ несчастіе не встрѣчаться ни съ однимъ курьеромъ и все сидѣлъ въ Неппалѣ на станціи. Такимъ образомъ мы доходимъ до 14 го Декабря.

О тайномъ обществѣ, окончившемся этимъ днемъ, баронъ Корфъ, согласно съ донесеніемъ Слѣдственной Коммиссіи, говоритъ: - "еще съ 1816 года, по возвращеніи нашихъ войскъ изъ заграничнаго похода, нѣсколько молодыхъ людей замыслили учредить у насъ нѣчто подобное тѣмъ тайнымъ политическимъ обществамъ, которые существовали тогда въ Германіи." Пора бы измѣнить эту

пошлую точку зрѣнія на историческія происшествія. Такимъ образомъ можно сказать, что и Петръ Великій только изъ подражанія вводилъ въ Россію европейскую индустрію; но дѣло въ томъ что въ Россіи была потребность новой промышленной дѣятельности. Тайное общество составилось не изъ одного подражанія западнымъ тайнымъ обществамъ, а потому что русскій умъ искалъ исхода изъ невыносимаго общественнаго положенія. Еслибъ была гласность, не было бы тайнаго общества и не было бы заговора. Въ Англіи, напримѣръ, тайное общество невозможно. Но въ государствѣ, гдѣ дѣла идутъ скверно, гдѣ грабительство и притѣсненія властей невыносимы, и гдѣ объ общественныхъ нуждахъ не льзя говорить вслухъ, всегда явится необходимость говорить о нихъ втайнѣ, а это и ведетъ къ тайнымъ обществамъ. Заговоръ возможенъ только тамъ, гдѣ правительство дѣйствуетъ за одно съ тѣми людьми, которыхъ Александръ I-ый не хотѣлъ имѣть лакеями, и подъ вліяніе которыхъ все же подпалъ. Потому что онъ подпалъ подъ это вліяніе, поэтому и былъ возможенъ заговоръ. Александръ былъ усталый мученикъ между Аракчеевскимъ вліяніемъ и собственными убѣжденіями. Самъ баронъ Корфъ говоритъ про него: " Государь смотрѣлъ на это гибельное начало (т. е тайное общество) глазами великодушія, въ надеждѣ, вѣроятно, что самое время изцѣлитъ заблуждавшихся (т. е заговорщиковъ), изъ числа которыхъ не отъ одного, по способностямъ ума и образованію,

можно было при другомъ направленіи, ожидать истинной для государства пользы." — Иными словами Александръ уважалъ въ людяхъ тайнаго общества умныхъ, образованныхъ и благородныхъ людей. Но вмѣсто того чтобъ ближе узнать ихъ, онъ огорчился мыслью, что есть какой то заговоръ, впалъ въ мрачность, и наконецъ передъ смертью испугался и велѣлъ арестовать Пестеля. А заговоръ выросъ, потому что государь не выходилъ изъ подъ Аракчеевскаго вліянія. Разсматривая безпристрастно исторію Россіи съ Петровскаго переворота, можно ясно прослѣдить движеніе двухъ элементовъ: обще-человѣческаго элемента образованія и гражданственности, который составляетъ основную мысль Петра Великаго, который чувствуется въ уничтоженіи смертной казни Елизаветой, болѣе цѣльно выражается въ наказѣ Екатерины II, по наслѣдству переходитъ въ образъ мыслей Александра и людей 14-го Декабря; и элементъ исключительно нѣмецко - татарскій, который роковымъ образомъ навязывается Петру Великому въ устройствѣ чиновничества, порождаетъ Бирона, съ Петромъ III переходитъ въ капральство, безумно пыхтитъ въ Павлѣ I, навязываетъ Александру Аракчеева и съ людьми Аракчеевской школы, съ Клейн-михелями достигаетъ высшаго выраженія въ тяжеловѣсномъ и удушливомъ царствованіи Николая. Борьба этихъ двухъ элементовъ естественна тѣмъ болѣе, что русская народность легко привьется къ общечеловѣческому началу, но къ нѣмецко - татарскому — никогда. И такъ тайное общество въ 1816 году имѣло корень не въ пустомъ

подражаніи, а въ стремленіи къ развитію въ Россіи обще-человѣческаго элемента, которому мѣшало пребываніе правительства въ нѣмецко-татарскомъ направленіи. Одна сторона хотѣла поставить Россію на степень образованнаго государства; другая хотѣла низвести ее на степень орды съ нѣмецкой бюрократіей. Столкновеніе было неизбѣжно.

Нѣмецко-татарское начало на этотъ разъ побѣдило; но въ продолженіи тридцати лѣтъ довело Россію до того безпорядка въ дѣлахъ, что уже далѣе въ этомъ направленіи никакое правительство не можетъ идти, не обанкрутившись. По этому мы сильно надѣемся, что нынѣшнее правительство наконецъ откажется отъ нѣмецко-татарскаго начала и примкнетъ къ обще-человѣческому элементу, что государь, наконецъ отдѣлается отъ людей, которыхъ его одноименный предшественникъ не хотѣлъ имѣть лакеями; мы также глубоко увѣрены, что всѣ благородные и образованные люди русскіе посвятятъ себя на служеніе отечеству съ тою же искренностью, съ тою же горячностью, какъ и люди 14 Декабря, — можетъ быть — съ большей опытностью, съ большимъ знаніемъ положенія и потребностей Россіи, и съ болѣе размѣренной силой.

Чтобъ лучше объяснить значеніе тайнаго общества 14 Декабря, мы покамѣстъ оставимъ въ покоѣ книгу барона Корфа и обратимся къ разбору донесенія Слѣдственной Коммиссіи 1826 года, этому драгоцѣнному, до сихъ поръ единственному документу того времени. Какъ ни старалась коммиссія исказить дѣло, все же ея донесеніе служитъ великой

защитою, великимъ оправданіемъ, похвальнымъ словомъ для людей 14го Декабря. Писанное не такъ какъ книга Корфа, т. е. далеко не безграмотно, донесеніе слѣдственной коммиссіи есть идеалъ инквизиторіальнаго процесса, гдѣ клевета высказана съ простотою правды, — и подобострастіе, какъ всегда отвратительное, не имѣетъ того характера холопскаго тупоумія, какъ въ книгѣ Корфа. Еще видно, что донесеніе писано людьми Александровской эпохи, т. е. людьми по крайней мѣрѣ не безъ внѣшняго образованія.(1) Конечно отъ этого оно становится явленіемъ не менѣе безотраднымъ для благороднаго читателя. Чѣмъ хитрѣе инквизиціонный языкъ, тѣмъ онъ прискорбнѣе. Видно—какъ человѣкъ, можетъ быть весьма не чуждый тайному обществу, старается смыть съ себя передъ правительствомъ пятно гражданскихъ помысловъ и тѣмъ ревностнѣе становится великимъ инквизиторомъ; тутъ уже предчувствуется до чего Николаевское царствованіе доведетъ людей русскихъ, то нравственное и умственное паденіе, которое такъ рѣзко и наивно выразилось въ книгѣ Корфа.

Трудно возсоздать людей 14 Декабря и ихъ дѣйствія по донесенію коммиссіи. Во первыхъ передъ такимъ слѣдствіемъ и такими слѣдователями, какихъ назначилъ Императоръ Николай, никто изъ подсудимыхъ не обязанъ былъ говорить правду;

(1) Блудовъ, впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ, авторъ донесенія слѣдственной коммиссіи, говоря въ немъ, что тайное общество намѣрено было издавать журналъ, котораго редакторомъ хотѣлъ быть Тургеневъ,—самъ во время оно обѣщалъ статьи для этаго журнала. (N. Tourguéneff, Mémoires d'un Proscrit, T. I, стр. 166.)

нравственная обязанность подсудимыхъ скорѣе заключалась въ томъ, чтобы не говорить правды, чтобы какъ нибудь не вовлечь товарищей въ бѣду. Во вторыхъ слѣдователи употребляли пытку, что не рѣдко заставляло подсудимыхъ говорить что ни попало.(1) Въ третьихъ коммиссія просто выдумывала на подсудимыхъ: донесеніе приводитъ слова будто бы ими сказанныя, которыхъ они никогда не говорили, или искажаетъ то что они говорили. (2) Хотѣлъ ли авторъ донесенія этимъ только выслужиться, или сверхъ того набросить тѣнь вѣроломства на благородныя личности — это его тайна; въ первомъ онъ успѣлъ,—онъ выслужился; во второмъ онъ не успѣлъ, потому что его лжи никто не повѣрилъ и вѣроломство пало на его голову, возбудивъ къ нему омерзѣніе у всѣхъ порядочныхъ людей русскихъ, омерзѣніе, которое навсегда будетъ вписано въ русской исторіи. Но какъ бы трудна ни была наша задача,—одно остается очевидно, что не смотря на всѣ старанія слѣдователей и автора донесенія, они не могли скрыть ни ума, ни благородства подсудимыхъ.

Мы не можемъ раздѣлять точку зрѣнія книги Н. И. Тургенева на счетъ тайныхъ обществъ съ 1817

(1). ..."Что положительно извѣстно, — это то, что нѣкоторымъ подсудимымъ надѣвали цѣпи страшной тяжести, другихъ томили голодомъ; къ инымъ посылали поповъ уговаривать ихъ обвинять другъ друга; многимъ сулили прощеніе, если они сдѣлаютъ признанія или показанія"...... — Заставляли подписывать показанія, которыхъ они никогда не дѣлали..... (Tourguéneff, Mémoires d'un Proscrit. T. I, стр: 171).

(2) Такимъ образомъ донесеніе клеплетъ на одного изъ благороднѣйшихъ людей—Никиту Муравьева, будто онъ говорилъ противъ Тургенева то, чего онъ никогда не говорилъ (Tourguéneff, la Russie et les Russes T. 1 стр. 205.) Мы указываемъ на этотъ фактъ, потому что беремъ его изъ печатной книги.

по 1825 годъ и полагать ихъ вовсе не существовавшими; если бы они не существовали, конечно возмущеніе 14го Декабря не пришло бы въ голову никакимъ отдѣльнымъ лицамъ. Мы не споримъ съ Тургеневымъ въ томъ, что тайныя общества никогда не достигали никакой положительной цѣли; не въ крутомъ переворотѣ и заключается ихъ значеніе; ихъ значеніе въ томъ, что они воспитываютъ общее мнѣніе, и въ этомъ—вліяніе тайныхъ обществъ несомнѣнно и конечно Россія должна считать эру своего гражданскаго развитія съ людей 14го Декабря; ихъ вліяніе не прекращалось, такъ, что не смотря на всю тяжесть Николаевскаго царствованія, не только русское общество сознательно усвоило себѣ здравыя понятія гражданскаго устройства, но и самое правительство нечувствительно принуждено сближаться съ этими понятіями. Въ исторіи, какъ и въ цѣломъ мірѣ, извѣстные данные необходимо влекутъ за собой извѣстные результаты; отрицать нравственное вліяніе тайныхъ обществъ значитъ отрицать очевидность. Мы не друзья крутыхъ переворотовъ; западная Европа намъ достаточно показала, что они остаются безъ результата, пока народъ не довоспитался до новаго гражданскаго устройства, что народное воспитаніе совершается только путемъ реформы, что только то измѣненіе существенно, которое составляетъ сознательную потребность народную. Но какъ бы далеки мы ни были отъ жажды крутыхъ переворотовъ и преданы идеи разумной реформы, все же мы не можемъ разсматривать мысль цареубійства, вкравшуюся въ тайное общество 14го Декабря, какъ любовь къ злодѣйству его членовъ.

Мы ненавидимъ и царсубійство, и войну, и казни, и всякое убійство; но мы ищемъ въ исторіи объясненія ея явленій, необходимую связь происшествій и не можемъ взвѣшивать ихъ ни на вѣсъ нашего уваженія къ жизни человѣческой, ни на вѣсъ династическаго интереса донесенія коммиссіи. Мы только можемъ указать на то, что образованіе тайнаго общества и стремленіе его къ измѣненію государственнаго устройства, тяготѣвшаго надъ страною, вытекало изъ самаго положенія вещей; что при этомъ мысль царсубійства легко могла возникнуть; за этой мыслью не нужно даже было ходить въ Европу и искать ее во французской революціи и нѣмецкихъ тайныхъ обществахъ; само правительство пріучило Россію хладнокровно смотрѣть на нее. Тогда еще живо было въ памяти не только безнаказанное, но награжденное убійство Петра III и вѣроломное убійство Іоанна Антоновича; а убійство императора Павла совершилось почти что на глазахъ людей, участвовавшихъ въ заговорѣ 14го Декабря. Что мудренаго, что мысль о царсубійствѣ изъ дворцовой семейной хроники перешла въ тайное общество?

Предсѣдателемъ коммиссіи былъ назначенъ военный министръ Татищевъ. Мы сомнѣваемся, чтобы этотъ человѣкъ, извѣстный въ Россіи за честнаго и благонамѣреннаго человѣка, принималъ дѣятельное участіе въ инквизиціонныхъ трудахъ коммиссіи; онъ былъ назначенъ, какъ одинъ изъ старшихъ генераловъ, потомъ удаленъ отъ министерства, сдѣланъ графомъ и заброшенъ въ государственный Совѣтъ. Но все же онъ былъ

назначенъ. Крузенштольпе (Der russische Hof von Peter I bis auf Nicolaus I, T. III, стр: 349) упоминаетъ о полковникѣ Татищевѣ, участвовавшемъ въ заговорѣ противъ Императора Павла; по списку генераловъ 1821, по списку 1829 года, изданнымъ правительствомъ, должно заключить, что этотъ полковникъ Татищевъ именно тотъ, который впослѣдствіи сдѣлался генераломъ отъ Инфантеріи, военнымъ министромъ и графомъ. Очевидно, что самаго Николая, а слѣдственно и выслуживавшагося автора донесенія бѣсила не мысль о цареубійствѣ; но то, что эта мысль явилась не въ династическомъ, дворцовомъ интересѣ, а въ интересѣ гражданскаго развитія народа. Вотъ отъ чего все слѣдствіе и направлено противъ этой мысли, не смотря на то, что у членовъ тайнаго общества, какъ явствуетъ изъ самаго донесенія, не было сдѣлано ни малѣйшей попытки къ ея осуществленію и что на совѣщаніяхъ общества вопросъ рѣшался скорѣе противъ, чѣмъ за нее. Мы не должны забывать, что поколѣніе людей 14-го Декабря не могло не вѣрить въ крутые перевороты; они еще не знали 1848 года. Мы не можемъ цѣнить ихъ дѣйствій съ точки зрѣнія намъ современнаго опыта; нравственная оцѣнка людей того времени, какъ и вообще историческихъ людей, не можетъ быть основана на истинности современныхъ имъ понятій, а только на чистотѣ ихъ побужденій: дѣйствовали ли люди изъ широкаго чувства блага общаго, или изъ узкаго домашняго интереса,—вотъ различіе, на которомъ зиждется въ Исторіи причисленіе къ

лику святыхъ или кара вѣчнаго позора. Этотъ позоръ, въ дѣлѣ 14-го Декабря, ляжетъ не на казненныхъ, сосланныхъ и измученныхъ, а на казнившихъ, сославшихъ и мучившихъ,—начиная отъ испуганнаго Императора Николая до маленькаго клевретика Блудова. Онъ ляжетъ на тѣхъ изъ дѣятелей тайнаго общества, которые передавшись въ противуположное направленіе, сдѣлались plus royalistes que le roi и во главѣ которыхъ мы поставимъ Михайлу Муравьева, (нынѣ министръ государственныхъ имуществъ) о которомъ, Польша до сихъ поръ вспоминаетъ какъ объ извергѣ, и который въ Россіи извѣстенъ изрѣченіемъ: " Я не изъ тѣхъ Муравьевыхъ, которыхъ вѣшаютъ, но изъ тѣхъ, которые вѣшаютъ".—Имена же казненныхъ и замученныхъ остаются въ русской памяти свѣтлы и незагрязняемы никакими слѣдственными коммиссіями и Штатсъ-Секретарями.

Изъ донесенія Коммиссіи видно, что первая мысль о тайномъ обществѣ принадлежала Александру Муравьеву,—брату выше упомянутаго министра государственныхъ имуществъ. Положимте, что коммиссія не лжетъ, что Александръ Муравьевъ, какъ слабый человѣкъ, впослѣдствіи отрекся отъ общества и изъявилъ при допросахъ раскаяніе въ самыхъ униженныхъ, противныхъ выраженіяхъ; положимте, что еще позже онъ сдѣлался губернаторомъ, да и теперь еще, кажется, губернаторомъ въ какой то губерніи; но остановимся на вопросѣ,—почему первая мысль о тайномъ обществѣ принадлежитъ Александру Муравьеву? Отвѣтъ на этотъ вопросъ покажетъ, что мысль

о тайномъ обществѣ не была пустымъ, случайнымъ подражаніемъ нѣмецкимъ тайнымъ обществамъ, или пустою модою, какъ то силится доказать донесеніе коммиссіи.

Отецъ Александра Муравьева—Николай Николаевичь Муравьевъ былъ основателемъ школы колонновожатыхъ, съ нимъ и окончившейся.

Агрономъ и математикъ, человѣкъ положительной науки и самаго благороднаго направленія, Н. Н. Муравьевъ образовалъ въ своей школѣ не только хорошихъ матматиковъ и офицеровъ, но онъ образовалъ благородныхъ людей, живо сочуствовавшихъ европейскимъ идеямъ гражданской свободы, преданныхъ идеѣ русскаго развитія, людей, которымъ современное положеніе Россіи, задавленной крѣпостнымъ правомъ, чиновничьимъ грабительствомъ и аракчеевскимъ направленіемъ правительства,—было невыносимо. Память стараго Муравьева, этаго неутомимаго дѣятеля на поприщѣ русскаго образованія, должна остаться для насъ священною. Изъ его школы вышли лучшіе люди того времени и дѣятельные члены тайнаго общества. Естественно, что честь основанія этаго общества принадлежитъ его сыну, и счастливо, что старый генералъ умеръ, не видавъ нравственнаго паденія своихъ сыновей.

Къ тайному обществу примкнули люди, воспитанные и не въ школѣ Муравьева,— не изъ моды и подражанія, а потому что кругъ идей, господствовавшихъ въ этой школѣ, уже разпространялся всюду. Не нѣмецкія тайныя общества имѣли вліяніе на тогдашнее юношество; изъ нихъ оно могло почерпнуть не болѣе какъ внѣшнюю форму. Глав-

ное вліяніе на умы имѣла революція 1789 года. Французскій языкъ былъ болѣе въ ходу чѣмъ нѣмецкій; французская исторія тогдашняго времени носила въ себѣ болѣе живыхъ, обще-человѣческихъ данныхъ — чѣмъ нѣмецкая. Идеи революціи 1789 года не могли проскользнуть мимо, не оставивъ глубокаго слѣда. Онѣ принимались не изъ моды и подражанія, а потому что въ нихъ было много горячо-понятыхъ истинъ, которыя равно истины и для русскаго, и для французскаго и для всякаго человѣческаго ума. Никто еще — потому что математика развилась не въ Россіи а въ Европѣ, не обвинялъ русскихъ тогдашняго или какаго бы времени ни было, что они изъ моды думаютъ, что прямая линія кратчайшій путь между двухъ точекъ; точно также нельзя назвать пустой модой и усвоеніе нравственныхъ и гражданскихъ идей. Онѣ перенимаются, потому что онѣ обще-человѣческія и не могутъ пройти мимо ума здраваго и способнаго принять истину съ горячей преданностю, мимо людей, готовыхъ поставить ее выше всякой личной выгоды.

Кромѣ Муравьевской школы — царскосельскій лицей былъ одинмъ изъ великихъ разсадниковъ людей сочувствовавшихъ развитію гражданственности. Самые офицеры во время похода 1814 и 1816 года, не могли не видать, изъ за минутнаго величія Наполеона, рядъ иныхъ государственныхъ понятій, и болѣе достойныхъ стремленій къ гражданскому развитію, чѣмъ то, что они встрѣчали дома. Наконецъ и самъ императоръ Александръ находился въ либеральномъ направленіи и способ-

ствовалъ его развитію. Весьма ошибочно было бы думать, что идеи лучшаго гражданскаго устройства были чужды для Россіи; ничто обще-человѣческое не можетъ быть чуждымъ на русской почвѣ; откуда бы оно ни было пересажено, оно найдетъ элементы для своего развитія и выработается, можетъ въ иныхъ формахъ чѣмъ въ западной Европѣ, но въ формахъ конечно не менѣе прочныхъ. Да потомъ европейскія идеи свободы въ то время уже вовсе не были такъ чужды для Россіи, какъ оно можетъ казаться при поверхностномъ взглядѣ. Екатерининское время воспитало въ высшемъ слоѣ русскаго общества не одни привычки барства; оно внесло понятія философіи XVIII столѣтія, которая нашла сочувствіе въ нашемъ образованномъ меньшинствѣ; даже мистическія общества и мнѣнія бывшія у насъ въ ходу въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія— были въ либеральномъ направленіи, не говоря уже о томъ, что французская революція имѣла сильный отголосокъ. Можно сказать, что въ 1816 году наше образованное меньшинство состояло изъ людей, внутренно пережившихъ всѣ европейскія событія и готовыхъ проповѣдывать понятія новаго государственнаго устройства именно потому, что ихъ умъ, усвоивъ теорію, вышелъ чистъ изъ европейскихъ событій, не подавленный и не искаженный ни бонапартизмомъ, ни буржуазнымъ началомъ. Война 1812 года заставила ихъ почувствовать свои силы; они были исполнены одушевленія. Въ такомъ настроеніи, наткнувшись въ Россіи на старый порядокъ вещей, рабство, безсудіе, грабительство, видя наконецъ шаткость и усталь самого государя,—наше образо-

ванное меньшинство не могло сидѣть сложа руки. Потребность измѣненій была слишкомъ сильна. Надо было работать для освобожденія крѣпостныхъ, надо было достигать вліянія, надо было замѣстить служебныя мѣста порядочными людьми, надо было разпространять здравыя понятія изустно и печатно. Съ этой цѣлью и составилось первое общество. Тутъ еще не было въ виду перемѣны правительства, но только измѣненіе внутреннихъ государственныхъ учрежденій, въ надеждѣ даже, что само правительсто оцѣнитъ благонамѣренноть цѣли и поможетъ дѣйствіямъ общества. Самое названіе — союза спасенія доказываетъ какъ тогда было тягостно внутреннее положеніе Россіи. Но общество не могло остановиться при мысли только пропаганды : правительство, не дѣлая никакихъ измѣненій къ лучшему, все болѣе и болѣе ударялось въ реакцію. Александръ I все болѣе и болѣе мучимый мыслію о убійствѣ отца, въ которомъ былъ невиннымъ участникомъ, и мистицизмомъ, и недовѣріемъ къ людямъ, рѣшительно подпалъ подъ вліяніе двухъ лицъ, всего менѣе заслуживавшихъ его благороднаго довѣрія — Аракчеева и Метерниха. Аракчеевъ мѣшалъ ему дѣлать что нибудь для освобожденія Россіи ; Метернихъ мѣшалъ ему дѣлать что нибудь для польской свободы не смотря на то что изъ разговоровъ государя видно было, что его желанія либеральны. Александръ жилъ и умеръ въ совершенномъ противурѣчіи съ самимъ собой ; его жизнь еще не разъ станетъ предметомъ изученія для патолога и психіятра. Но какъ ни трагична была личность императора,—Россіи отъ этого было не легче,

и юное общество не могло не придти къ мысли о перемѣнѣ правительства, потому что съ этимъ правительствомъ уже нельзя было идти впередъ. Что въ началѣ составленія общества не было мысли о перемѣнѣ правительства, это очевидно изъ самаго донесенія слѣдственной коммисіи. "Подвизаться для пользы отечества, способствовать всему полезному, пресѣкать злоупотребленія и стараться усиливать общество,"—вотъ что было его цѣлью вначалѣ, по показанію Сергѣя Трубецкаго. Но потребности развивались тѣмъ сильнѣе, чѣмъ неподвижнѣе стояло государство подъ вліяніемъ реакціи. Черезъ годъ въ обществѣ высказалась мысль о перемѣнѣ правительства; этого требовала часть членовъ общества, другіе противурѣчили. Общество раздѣлилось на двѣ партіи, на желавшихъ только пропаганду и на желавшихъ перемѣны правительства. Впослѣдствіи, чѣмъ болѣе потребности растутъ и чѣмъ болѣе правительство является реакціоннымъ, и это разногласіе изчезаетъ, все общество стремится къ перемѣнѣ правительства. Цѣль одна; разногласіе остается только на счетъ средствъ. Одни хотятъ заставить правительство дать конституцію; другіе, которые не вѣрятъ, чтобы можно было понудить къ этому правительство, предлагаютъ цареубійство. У всѣхъ одно чувство, что Россіи нельзя оставаться въ томъ положеніи, въ которомъ они ее видятъ; одна мысль: осуществленіе въ Россіи понятій гражданскаго благоустройства. Для иныхъ эти понятія сводятся на конституцію и учрежденіе правильнаго судопроизводства

вмѣсто господствующей анархіи власти и неправосудія; Пестель шелъ далѣе; его задушевной мыслью было измѣненіе экономическаго порядка въ государствѣ, измѣненіе земельной собственности такъ, чтобы всѣ русскіе были земельными собственниками, чтобы всѣ безъ исключенія участвовали въ землевладѣніи и на этомъ основаніи пролетаріатъ въ Россіи былъ бы невозможенъ. (1)

Вотъ нить исторіи общества, какъ ее можно провести основываясь на донесеніи Коммиссіи. Его связь съ общей Исторіей государства, необходимость его основанія и развитія — очевидны. Общество не успѣло въ достиженіи своей цѣли; члены его—или погибли на висѣлицѣ, или состарѣлись въ ссылкѣ. Но кромѣ того, что общество не успѣло въ достиженіи своей цѣли, изъ донесенія видно, что оно мало, или вовсе не вѣрило въ успѣхъ. Люди, составлявшіе его, работали, не смотря на то, что предугадывали свою гибель. "Честь этаго дня принадлежитъ мнѣ", говорилъ при допросѣ Рылѣевъ о 14-мъ Декабрѣ. "Мы славно умремъ" говорилъ 18-ти лѣтній Александръ Одоевскій наканунѣ этаго дня. Эти люди хотѣли всенародно заявить мысль русской свободы, зная, что они погибнутъ, но что разъ всенародно-заявленная — эта мысль уже никогда не погибнетъ.

Теперь разсмотримъ отношеніе Слѣдственной Коммиссіи къ отдѣльнымъ лицамъ. Авторъ до-

(1) Tourguéneff.—Mémoires d'un Proscrit. T. 1, стр. 129 и 130.

несенія Коммиссіи употребляетъ клевету, маленькія насмѣшки, нравственныя сентенціи, выдумываетъ или искажаетъ факты, какъ скоро это ему удобно, — такъ что очень мудрено достовѣрно сказать что было и чего не было. Напримѣръ Сергѣй и Матвѣй Муравьевы—Апостолъ (1) на столько извѣстны твердостью характера, что никто не заподозритъ ихъ въ пустыхъ и лживыхъ показаніяхъ; при допросѣ о томъ собраніи общества, гдѣ была подана мысль о покушеніи на жизнь императора, Сергѣй показалъ, что онъ помнитъ на этомъ собраніи только себя, Никиту Муравьева и Пестеля, т. е. очевидно онъ назвалъ только лицы, которые уже несомнѣнно были обрѣчены на гибель, и кромѣ ихъ никого не назвалъ. Стало — отъ этаго человѣка мудрено было выпытать какое нибудь показаніе ко вреду товарищей. Какимъ же образомъ повѣрить, чтобы подобные люди показывали на Новикова, что онъ заводилъ Малороссійское Общество, да еще изъ видовъ добыванія денегъ, и что принятый Новиковымъ въ члены Переяславскій Маршалъ Лукашевичь, завелъ еще новое Малороссійское Общество съ цѣлью отдѣлить Малороссію отъ Россіи и присоединить къ

(1) При допросѣ Императоромъ Николаемъ, Сергѣй Муравьевъ, такъ рѣзко высказалъ тягостное положеніе Россіи, что Николай протянулъ ему руку и предложилъ ему помилованіе, если онъ впредь ничего противъ него не предприметъ. Сергѣй Муравьевъ отказался отъ всякаго помилованія, говоря, что онъ именно и возставалъ противъ произвола и потому никакой произвольной пощады не приметъ,

къ Польшѣ, и что эти показанія, основанныя на догадкахъ, найдены несправедливыми? Что заключить, встрѣчая въ донесеніи подобное противурѣчіе въ поступкахъ такого человѣка какъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ? Или что слѣдователи его мучили на столько, что заставили говорить вздоръ, или что онъ никогда не говорилъ этого, и что это просто ложь, изобрѣтенная авторомъ донесенія, чтобы унизить сильныя личности Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ-Апостолъ и мимоходомъ очернить Новикова, да намекнуть о томъ, что въ планы общества входило распаденіе Государства (что также клевета, потому что конфедерація не есть разпаденіе, а союзъ). — Авторъ донесенія никогда не упускаетъ случая прибѣгать къ подобнымъ средствамъ для униженія личностей въ глазахъ публики, какъ бы нелѣпа ни была выдумка. Такой клеветѣ подвергся въ особенности Князь Трубецкой. Съ нимъ коммиссія поступаетъ безъ всякой церемоніи; она, не довольствуется тѣмъ, что, гдѣ только можетъ, выказываетъ его человѣкомъ неспособнымъ; она идетъ далѣе, она хочетъ выказать его воромъ. "Всякій членъ общества," говоритъ донесеніе, "долженъ былъ вносить въ кассу общества 25-ю долю своего годоваго дохода. Сему правилу, какъ всѣ согласно показываютъ, слѣдовали не многіе. Въ Петербургѣ до 1825 года собрано не болѣе пяти тысячъ рублей, которые отданы Князю Трубецкому, а имъ издержаны не на дѣла тайнаго общества". — Какая низкая

клевета! Положимте что Сергѣй Трубецкой, назначенный диктаторомъ въ день 14-го Декабря, не умѣлъ сладить съ обстоятельствами; но если человѣкъ не имѣлъ способности начальствовать возстаніемъ, изъ этого еще не слѣдуетъ чтобъ онъ былъ способенъ воровски пользоваться, деньгами своихъ товарищей. Трубецкой былъ честный человѣкъ. Обвиненіе въ разтратѣ пяти тысячь рублей — низкая ложь; я ссылаюсь на всѣхъ сверстниковъ и друзей Трубецкаго оставшихся въ живыхъ. Но, — скажуть мнѣ, какое фактическое доказательство я приведу въ опроверженіе этой разтраты пяти тысячь рублей? Кромѣ нравственнаго убѣжденія — никакаго. Но я спрошу какое доказательство коммиссія приведетъ въ подтвержденіе этой разтраты? Сказать можно безнаказанно всякую клевету, будучи авторомъ донесенія слѣдственной коммиссіи подъ особымъ покровительствомъ Государя; только стыдно прибѣгать къ такимъ черненькимъ средствамъ, чтобы попасть въ прикащики къ своему барину.

Сколько должно было быть употреблено ухищреній, выдумокъ, сбиваній съ толку и разныхъ инквизиціонныхъ мѣръ при допросахъ, чтобъ заставить говорить Пестеля! Какъ различить, что въ донесеніи выдумано на Пестеля, что не выдумано? Пестель не могъ напрашиваться на лишнюю откровенность передъ слѣдователями, когда дѣло шло о товарищахъ; Пестель ничего не скрывалъ, когда дѣло шло о немъ самомъ, онъ не скрывалъ своихъ мнѣній и при допросахъ дѣланныхъ лично Николаемъ, и не смотря

ни на выдумки, ни на щедушную иронію, которыми его награждаетъ донесеніе, сквозь весь этотъ туманъ клеветы, онъ является чистымъ и сильнымъ человѣкомъ. Его спрашиваютъ о его разговорѣ съ Поджіо—онъ не сознается до очной ставки съ Поджіо, очевидно для того, чтобы не повредить Поджіо; еслибъ онъ думалъ спасать себя, онъ отрекся бы и на очной ставкѣ; но тутъ, видя что уже не льзя больше повредить Поджіо,—онъ подтверждаетъ все, что онъ говорилъ съ Поджіо, но прибавляетъ, что говорилъ "безъ театральныхъ движеній." Въ этомъ отвѣтѣ видѣнъ весь характеръ человѣка—прямой и сильный. Коммиссія не помѣстила бы этаго отвѣта въ донесеніи, еслибъ поняла насколько онъ выказываетъ широкую и благородную натуру.

Не одному Пестелю коммиссія навязываетъ театральныя движенія, а при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, желая всему дѣлу придать видъ нелѣпости, и не замѣчая, что, чѣмъ болѣе дѣло имѣетъ видъ нелѣпости, тѣмъ менѣе правительство имѣетъ причинъ къ казнямъ. Коммиссія, по доносу Майбороды, обвиняетъ Пестеля, что онъ бывши полковникомъ то ласкалъ солдатъ, то вдругъ ихъ жестоко и не заслуженно наказывалъ такъ, чтобы они думали, что высшее начальство и государь причиной излишней строгости. — А отъ чего же слѣдственная коммиссія, прежде чѣмъ печатать такую гнусную клевету, не спросила солдатъ Пестелева полка — правда ли это? Какже она рѣшилась сказать вслухъ нелѣпицу, основываясь только на доносѣ шпіона? Что въ революціяхъ, какъ на войнѣ, сражающіеся не разчитываютъ сколько крови польется и чья

именно — это еще понятно; но противъ враговъ скованныхъ, подсудимыхъ, находящихся безотвѣтно во власти своихъ судей,—употреблять ложь, клевету, шпіонскія показанія—это мелко и отвратительно. —И кто же обвиняетъ Пестеля въ преднамѣренной жестокости обращенія съ солдатами? Та коммиссія, гдѣ засѣдаетъ генералъ Левашовъ, (1) который—по свидѣтельству офицеровъ того времени—наказывалъ солдатъ во время своего обѣда т. е. генералъ спокойно обѣдалъ, а въ той же комнатѣ, передъ его глазами, по его приказанію пороли несчастнаго солдата. Конечно ни одинъ изъ участвовавшихъ въ тайномъ обществѣ, не употреблялъ такихъ средствъ для возбужденія аппетита; какже коммиссія не догадалась, что однимъ изъ главныхъ дѣйствій тогдашнихъ порядочныхъ офицеровъ, т. е. болѣе или менѣе принадлежавшихъ къ тайному обществу, было обращеніе съ солдатами противуположное обращенію Аракчеевыхъ, Шварцовъ, Левашовыхъ и тому подобныхъ и что слѣдственно никто не повѣритъ ея обвиненію въ преднамѣренной жестокости кого бы то ни было изъ членовъ тайнаго общества. Именно жестокость, начинавшая въ то время страшно развиваться въ полковыхъ начальствахъ, и вызвала то противудѣйствіе, вслѣдствіи котораго столько военныхъ участвовало въ тайномъ обществѣ (2) Коммиссія вездѣ старается

(1) Впослѣдствіи графъ и Кіевскій генералъ-губернаторъ, извѣстный жестокостью и грабительствомъ; онъ даже ѣздивъ ревизовать Губернію, никогда не платилъ прогоновъ ни за себя, ни за свиту.

(2) Въ числѣ осужденныхъ находились: 3 генерала, 25 полковыхъ или батальонныхъ командировъ и 78 офицеровъ.

выставить Пестеля хитрымъ—честолюбцемъ, мѣтящимъ въ Наполеоны. Это она заключаетъ изъ показаній Поджіо (не знаемъ на сколько они точно переданы Коммиссіей), изъ того, что Пестель говорилъ, что временное правительство должно дѣйствовать не менѣе десяти лѣтъ, необходимыхъ для однихъ предварительныхъ мѣръ," между тѣмъ какъ въ этихъ словахъ видно только сознаніе положенія вещей, дальновидность практическаго человѣка. Честолюбіе выводитъ коммиссія и изъ отвѣта Пестеля Рылѣеву, когда Рылѣевъ говорилъ, что теперь уже Наполеономъ быть не льзя и что даже честолюбцу для собственной выгоды, должно подражать скорѣе Вашингтону, а Пестель отвѣчалъ: "правда, но если бы и вышелъ Наполеонъ, то мы все не будемъ въ проигрышѣ." Но эти слова естественно объясняются не честолюбіемъ, а слѣдующей мыслью: "Пожалуй давайте и Наполеона,—хуже того что теперь ничего быть не можетъ." Какъ коммиссія примиритъ противурѣчіе обвиненія въ честолюбіи и желаніи овладѣть царской властью съ крайне-республиканскимъ направленіемъ Пестеля, съ словами сказанными Пестелемъ, когда онъ уже былъ арестованъ, Волконскому: "Не бойтесь, спасайте только мою русскую правду, а я не открою ничего."—Стало Пестелю дѣло было не въ личномъ честолюбіи, а въ осуществленіи тѣхъ узаконеній, того устройства, которыя онъ предполагалъ учредить въ Россіи. Ошибочна ли и неприлагаема была его русская правда, или истинна и прилагаема, этого мы не знаемъ, этотъ документъ въ рукахъ правительства и хра-

нится подъ спудомъ; (1) но и не въ томъ дѣло; дѣло въ томъ что Пестель считалъ свою русскую правду полезною для Россіи, отсюда его главная забота—спасти ее, а тамъ, что бы съ нимъ лично ни случилось—все равно. Кажется что эта забота обличаетъ не честолюбца и не злодѣя, какъ хочетъ представить коммиссія, а героя-гражданина; чего коммиссія ужасно боится чтобъ кто нибудь не угадалъ?

Хотя бы коммиссія ради собственной выгоды разочла, что человѣкъ съ такимъ положительнымъ умомъ какъ Пестель, не могъ выставлять себя передъ товарищами Наполеономъ въ дѣлѣ возстанія, которое еще не началось и котораго начало было сомнительно для самаго Пестеля. Въ 1823 или 1824 году, Пестель удержалъ Муравьева и Бестужева-Рюмина отъ исполненія возмутить 9 дивизію; это Пестель показываетъ самъ: коммиссія спѣшитъ сказать, что она этому показанію не вѣритъ. Тутъ коммиссія становится совершенно близорука;

(1) Изъ всей русской правды, авторъ донесенія счелъ за нужное выписать только (чтобъ укорить Пестеля въ незнаніи Россіи, въ невѣроятномъ и смѣшномъ невѣжествѣ) предполагаемое раздѣленіе Россіи на области, въ которомъ Пестель соединяетъ Лифляндію, Эстляндію, Курляндію, Новогородскую и Тверскую Губерніи въ одну область: Холмогорскую; а Архангельскую, Ярославскую, Вологодскую, Костромскую и Пермскую губерніи въ другую область: Сѣверскую или Сѣверянскую.—Автора донесенія поразило названіе: Холмогорская область; но если бы онъ самъ зналъ Россію, то онъ вѣроятно зналъ бы, что на этой полосѣ простираются невысокія холмоподобные хребты, (мы совѣтуемъ Г-ну Блудову взглянуть на рельефную карту Россіи, изданную въ Петербургѣ по желанію Императора Николая); а зная это, авторъ донесенія понялъ бы названіе: Холмогорская область, и понялъ бы, что географическія понятія Пестеля шли далѣе, чѣмъ хозяйственная наслышка о холмогорскихъ коровахъ въ Архангельской губерніи.

она хочетъ смотрѣть на Пестеля, какъ на злодѣя, который никакъ не въ состояніи отказаться отъ мятежа, и говоритъ только такъ, чтобъ оправдаться: но, еслибъ она, помимо канцелярской точки зрѣнія, подумала, что Пестель удержалъ Муравьева и Рюмина, предвидя рѣшительную неудачу предпріятія, —она увидѣла бы, что Пестель говорилъ правду, тѣмъ болѣе, что изъ всего слѣдствія не видать, чтобы Пестель когда нибудь въ чемъ нибудь считалъ нужнымъ оправдываться, будучи убѣжденъ, что онъ правъ. Это то убѣжденіе въ страшномъ положеніи Россіи, въ необходимости переворота и слѣдственно въ правотѣ заговора, съ хладнокровіемъ передъ слѣдователями-обвинителями, и передъ самимъ допрашивающимъ императоромъ, и наконецъ геройски-хладнокровное шествіе на казнь и составляютъ величіе Пестеля, котораго у него отнять коммиссіи не по силамъ.

Донесеніе увѣряетъ, что и Рылѣевъ смотрѣлъ на Пестеля какъ на честолюбца и боялся, чтобы онъ не сдѣлался Наполеономъ. Можетъ быть, что Рылѣеву когда нибудь оно и показалось; это было возможно. Пестель и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ были реалисты; какъ ни мало было надежды на успѣхъ возстанія, но все же, если уже возстаніе было рѣшено обществомъ, то имъ хотѣлось, чтобы были приняты дѣйствительныя мѣры и чтобы общество, разъ принявъ ихъ, ни передъ чѣмъ не останавливалось. Если заговоръ могъ имѣть какой нибудь успѣхъ, то только при этомъ практическомъ взглядѣ на вещи. Пестель разсчитывалъ возможность успѣха и неуспѣха, средства и ходъ

дѣйствій, видѣлъ, что безъ единства дѣйствія всего менѣе возможенъ успѣхъ и искалъ диктатуры; Рылѣевъ можетъ быть въ этомъ и подозрѣвалъ честолюбивые замыслы; его вела къ этому чистота его республиканизма, боязнь малѣйшей тѣни опасности для возникающей русской свободы. Коммиссія конечно не имѣла поэтически - гражданскаго настроенія Рылѣева и воспользовалась недоразумѣніями между Сѣвернымъ и Южнымъ обществомъ только для обвиненія Пестеля въ честолюбіи, а общество въ томъ, что оно само не знало чего хотѣло. О послѣднемъ обвиненіи мы сей часъ поговоримъ, но прежде нѣсколько словъ о Рылѣевѣ.—

Поэтъ съ замѣчательнымъ талантомъ котораго развитіе прекратила казнь, но котораго имя всегда останется въ русской литературѣ, Рылѣевъ былъ одинъ изъ самыхъ искреннихъ и дѣятельныхъ членовъ тайнаго общества. Отвѣтъ его о 14-мъ Декабрѣ: "честь этаго дня принадлежитъ мнѣ," коммиссія передала такъ: "Я признаю себя главнымъ виновникомъ произшествій 14 Декабря." Раскаяніе, будто бы имъ обнаруженное, коммиссія на него всклепала, какъ и на многихъ другихъ, чтобы не показать публикѣ, что эти люди не имѣли никакого повода къ раскаянію,(1) потому что были убѣждены, что цѣль ихъ—

(1) Правительство не удовлетворилось этой клеветой въ донесеніи; было пущено въ публику рукописное письмо Рылѣева къ женѣ, въ которомъ будто бы онъ изъявляетъ несноснѣйшимъ слогомъ чувство раскаянія: жена Рылѣева сама говорила, что она никогда такого письма не получала, что Рылѣевъ никогда не писалъ

благо отечества, и не разубѣдились въ этомъ, ни передъ слѣдственной коммиссіей, ни передъ самимъ допрашивающимъ императоромъ, ни въ рудникахъ Сибири, ни съ петлей на шеѣ. Рылѣевъ, какъ и всѣ его товарищи, мало надѣялся на успѣхъ возстанія; его Войнаровскій свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ ожидалъ кончить жизнь въ ссылкѣ, не предвидя, что Императоръ Николай снова введетъ въ русское законодательство смертную казнь, уничтоженную предшествующими законами. Рылѣевъ, какъ и Пестель, при допросахъ никого не выдалъ и не скрывалъ своихъ убѣжденій.

Донесеніе коммиссіи много говоритъ о показаніяхъ Никиты Муравьева; но если оно уже разъ оклеветало его въ показаніяхъ противъ Тургенева, какже вѣрить остальному?

Уже одно то, что Юшневскій, другъ Пестеля, вмѣстѣ съ нимъ стоявшій во главѣ южнаго общества, былъ также другомъ Никиты Муравьева, — доказываетъ, что донесеніе клевещетъ на Никиту Муравьева. Онъ и Юшневскій въ Сибири, послѣ каторжной работы, сами построили избу, въ которой жили; къ нимъ пріѣзжали туда высшіе сановники Сибири совѣтоваться о дѣлахъ административныхъ,—такъ велико было уваженіе, которымъ они пользовались; ихъ мнѣніе имѣло вѣсъ и силу. Никита Муравьевъ умеръ прежде; Юшневскій, который все переносилъ спокойно,—

его, что слѣдственно оно подложное. Напрасно сравниваютъ царствованіе Николая съ римскимъ императорствомъ; въ Римскомъ императорствѣ бывали величавыя злодѣйства, — въ прошлое же царствованіе злодѣйство было мелкое и грязное.

"какъ должно мужу" и часто говаривалъ среди самыхъ трудныхъ обостятелствъ "не знаю какъ кому, а мнѣ хорошо,"—Юшневскій былъ глубоко пораженъ потерею друга. Тѣло покойника ссыльные товарищи сами снесли хоронить на кладбище, довольно отдаленное отъ ихъ избы; Юшневскій провожалъ мертваго товарища. Гробъ поставили въ церквѣ для отпѣванія; Юшневскій стоялъ задумчиво возлѣ гроба и сказалъ, что хорошо бы и ему умерсть за другомъ, наклонился къ покойнику и умеръ.

Нѣтъ! Память нашихъ мучениковъ останется чистою въ русской лѣтописи, какія бы клеветы ни взводили на нихъ преслѣдователи. Теперь настаетъ время, когда иныя искреннія свидѣтельтва обнародуютъ дѣла и людей того времени въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Мы убѣждены, что эти искреннія свидѣтельства гдѣ нибудь да хранятся и наконецъ найдутъ путь ко всеуслышанію. Еще никогда, нигдѣ, никакіе тайныя полиціи не препятствовали Исторіи обнаружиться. Ходъ общественной жизни всегда возметъ свое.

Коммиссіи вездѣ хочется показать, что заговорщики сами не знали чего хотѣли, что умъ ихъ былъ помраченъ, или что умыселъ ихъ былъ — властолюбіе, которое не останавливалось ни предъ какимъ злодѣйствомъ. Мы не станемъ здѣсь повторять всей Исторіи заговора. Нить его достаточно ясно выведена Коммиссіей, чтобы каждый легко могъ прослѣдить ее въ донесеніи и усмотрѣть, что—взять ли уставъ общества изъ Тугендъ-бунда, или придуманъ самими основателями и членами,— все же этотъ уставъ

обдуманъ умно и энергически. Намъ только остается отвѣчать на обвиненія слѣдственной коммиссіи. Донесеніе говоритъ, что общество хотѣло перемѣны государственныхъ установленій, и эту цѣль именно донесеніе и старается выставить съ той точки зрѣнія, что люди сами не знаютъ чего хотятъ; отсюда и выходитъ что иные хотятъ монархической конституціонной формы правленія, другіе республиканской. Сверхъ того коммиссіи кажется, что это желаніе перемѣны государственныхъ установленій уже само по себѣ—злодѣйство. Вотъ смыслъ, теорія всего донесенія. Но, если мы вспомнимъ, что въ то время въ Россіи народъ, еще недавно такъ геройски жертвовавшій собою въ 1812 году, былъ преданъ на угнетеніе помѣщичьей власти и на разграбленіе чиновникамъ; что войско, недавно возвратившееся съ кровавой войны, было разграблено и засѣчено своими начальниками, что суда негдѣ было искать правому человѣку, что гласности никакой не было и потому никакому полезному мнѣнію не было хода, всякое привиллегированное воровство и злодѣйство оставалось шито и крыто, и что самъ либеральный государь роковымъ образомъ былъ окруженъ тѣми людьми, которыхъ когда то не хотѣлъ бы взять къ себѣ въ лакеи; если мы вспомнимъ все это, то едва ли желаніе перемѣны государственныхъ установленій кому нибудь покажется злодѣйствомъ. Всякому человѣку, который не имѣетъ потребности лгать, оно покажется добродѣтелью. Очевидно, что тутъ дѣло не въ властолюбіи, а въ спасеніи отечества; не въ испровержепіи порядка — ради личныхъ выгодъ, а въ водвореніи гражданскаго устройства на

мѣсто нѣмецко-татарскаго безпорядка — ради блага общаго. Если общество 14 Декабря представляетъ "частныхъ людей (по выраженію донесенія) своевольно располагающихъ судьбою правительствъ и народовъ,"—то не надо забывать, что цѣлью этихъ своевольныхъ намѣреній было благо народа, и что они возникли потому, что правительство съ своею администраціею, также составленное изъ частныхъ людей (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ была возможна только общая мысль, а общаго человѣка никто не встрѣчалъ съ сотворенія міра) своевольно располагало судьбою народа, заставляя его невыносимо страдать отъ нѣмецко-татарскаго безпорядка.

Что общество желало то конституціи, то республики — это не доказываетъ, чтобы оно не знало чего хотѣло. Донесеніе старается перепутать разговоры между отдѣльными членами, бесѣды на какихъ нибудь вечеринкахъ, разсужденія о разныхъ формахъ правленія съ дѣйствительными, опредѣленными на нарочно-собранныхъ совѣщаніяхъ положеніями общества о его цѣляхъ, предпріятіяхъ и способахъ дѣйствія. Отбросивъ эту путаницу, цѣль и дѣйствія общества опредѣляются весьма ясно. Общество хотѣло перемѣны государственныхъ постановленій и прежде всего положило, чтобы члены распространяли его мнѣнія, т. е. образовало пропаганду. Рядомъ съ этимъ, такъ какъ большая часть образованныхъ людей того времени вступали въ военную службу, общество положило, если не льзя иначе, то силою войска понудить правительство принять конституцію и дать возможность устроить иныя административныя и судебныя учре-

жденія въ государствѣ. Если же правительство не согласится, то свергнуть его во чтобы ни стало, и водворить новый порядокъ—но тогда уже республиканскій. Какой изъ этихъ двухъ результатовъ будетъ достигнутъ—обществу было неизвѣстно, какъ вообще неизвѣстна будущность. Общество раздѣлилось на вѣрящихъ, что правительство приметъ конституцію и на невѣрящихъ, т. е. на сѣверный отдѣлъ общества и на южный; но ихъ размолвка была мнимая, цѣль оставалась одна; отъ этого, какъ скоро на сѣверѣ убѣдились, что правительство никакъ не приметъ конституціи, то общество воспользовалось первымъ предлогомъ къ возстанію. Это еще не значитъ, чтобъ люди не знали чего хотятъ.

Ясно что общество хотѣло перемѣны государственныхъ учрежденій, потому что положеніе государства было невыносимо. Ясно что общество хотѣло достичь цѣли, слѣдственно хотѣло чтобы его предпріятія имѣли успѣхъ. Но общество очень хорошо знало, что оно составляетъ весьма небольшое меньшинство и потому могло расчитывать только на вѣроятный, но не на вѣрный успѣхъ. По этому общество рѣшалось дѣйствовать каковъ бы результатъ ни вышелъ, будучи убѣждено, что если оно и погибнетъ, то все же потребность Россіи освободиться отъ нѣмецко-татарскихъ учрежденій будетъ всенародно заявлена. Это чувство, эту мысль можно вывести изъ помѣщенныхъ въ донесеніи разговоровъ и писемъ; эта мысль вездѣ встрѣчается въ литературѣ того времени; она

дышетъ въ каждой строкѣ стихотворенiй Рылѣева.

Самое возмущенiе 14 Декабря доказываетъ, справедливость нашего взгляда. Все соединилось, чтобы заставить общество дѣйствовать,—его собственное развитiе, усиливающiйся произволъ внутренняго и военнаго управленiя въ государствѣ, смерть Александра, междуцарствiе и даже доносы на общество. Оно чувствовало что съ Александромъ въ конецъ исчезнутъ всѣ, уже и такъ угасавшiя искры либеральныхъ побужденiй въ правительствѣ, слѣдственно надо было что нибудь предпринять. Николай былъ слишкомъ извѣстенъ въ войскѣ грубостью обращенiя съ офицерами, манiей разводовъ и ученiй, не уступавшей той же манiи императора Павла; ждать отъ него какого нибудь человѣческаго направленiя было не льзя,—надо было что нибудь предпринять. Чего лучше какъ противупоставить Николаю — Константина, принудить того или другаго дать конституцiю, или отстранить обоихъ и учредить республиканское ли, или ограниченное монархическое правленiе—все равно, лишь бы иное, потому что хуже того, которое было быть не могло. — А если возмущенiе не удастся, по крайней мѣрѣ мысль освобожденiя отъ правительственнаго произвола, потребность гражданскаго порядка будетъ заявлена. На этихъ основанiяхъ 14 Декабря было рѣшено.

Доносы, хотя частiю и подстрекнули общество къ дѣйствiю, но они не могли быть главной побудительной причиной поспѣшить возстанiемъ. Доносы произвели бы частные аресты, пострадали бы отдѣльныя лицы, но общество осталось

бы. Изъ арестованныхъ въ Тульчинѣ никто бы не сообщилъ правительству столько свѣдѣній, чтобы оно могло уничтожить общество. Къ тому же въ сѣверномъ обществѣ еще не знали объ арестѣ Пестеля; а о доносѣ Ростовцова, какъ видно изъ донесенія коммиссіи, на совѣщаніяхъ общества упоминается въ первый разъ только вечеромъ, 13-го Декабря, между тѣмъ какъ возстаніе было рѣшено уже за нѣсколько дней до 14-го Декабря, иначе коммиссія не сказала бы: " ихъ совѣщанія въ сіи послѣдніе дни представляли странную смѣсь звѣрства и легкомысленной буйной непокорности къ властямъ законнымъ и слѣпаго повиновенія неизвѣстному начальству будто бы ими избранному".

Не говоря о томъ, чта эта фраза донесенія въ переводѣ на человѣческій языкъ, значитъ, что люди были исполнены одушевленія и преданности дѣлу, въ пользѣ котораго не сомнѣвались,—мы укажемъ на то, что отсюда очевидно, что возстаніе было рѣшено не вслѣдствіе доносовъ на общество, какъ то намекаетъ донесеніе и повторяютъ многіе, а вслѣдствіе междуцарствія, изобрѣтеннаго Николаемъ, чтобы доказать свое сомнительное безкорыстіе и несомнѣнное непониманіе въ государственномъ дѣлѣ.

Доносчиковъ на тайное общество было четверо: Шервудъ, Майборода, Комаровъ и Ростовцовъ. Мы говоримъ четверо, а не пятеро, потому что Генералъ-Лейтенантъ Виттъ не заслуживаетъ этого названія; онъ не былъ товарищемъ участниковъ

тайнаго общества, онъ никому не измѣнялъ, онъ былъ просто русскій генералъ изъ нѣмцевъ, да и безыменный агентъ, которому онъ поручилъ подсматривать за обществомъ, кажется, ничего не подсмотрѣлъ и ничего не донесъ. Но тѣ четверо вполнѣ заслуживаютъ имени доносчиковъ, и намъ бы очень хотѣлось сказать о нихъ что нибудь подробное, но къ сожалѣнію источниковъ у насъ мало. Шервудъ и Майборода, какъ видно изъ донесенія, измѣнивъ обществу, предложили правительству остаться при обществѣ шпіонами. Что послѣ вышло изъ Майбороды—намъ вовсе не извѣстно. Шервудъ, котораго императоръ Николай произвелъ въ дворяне и назвалъ "вѣрнымъ,"—былъ послѣ на службѣ экзекуторомъ въ Государственномъ Совѣтѣ и тамъ, за деньги укралъ какой то документъ, въ чемъ былъ уличенъ по суду и — сосланъ. Комаровъ (на лицѣ котораго Якушкинъ видѣлъ что онъ измѣняетъ) впослѣдствіи былъ губернаторомъ въ Симбирскѣ, гдѣ о немъ еще и теперь иногда вспоминаютъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ скверныхъ губернаторовъ; выбылъ оттуда вслѣдствіе грязной ссоры съ жандармскимъ полковникомъ: шпіонствомъ погрѣшивый, шпіономъ и наказанъ.— Но съ Ростовцевымъ вышло еще хуже: онъ попалъ въ книгу Корфа, гдѣ такъ велерѣчиво расписанъ, что отъ такого позора ему уже никогда не оправиться. "Благородный двадцатилѣтній юноша, горѣвшій любовью къ отечеству и преданный великому князю, (по словамъ Корфа), въ порывѣ молодаго, неопытнаго энтузіазма, предложилъ для

себя трудную задачу: спасти вмѣстѣ—хотя бы цѣною собственной жизни—и отечество и монарха, т. е. это на простомъ языкѣ значитъ: не подвергая жизнь свою ни малѣйшей опасности — сдѣлать доносъ. За симъ слѣдуетъ письмо Ростовцева къ Николаю: "думая, что люди васъ окружающіе не имѣютъ довольно смѣлости, чтобъ быть откровенными съ Вами . . . . ." Откуда же такая мысль Г-на Іакова Ростовцева? Развѣ нужна какая нибудь смѣлость для того, чтобъ сказать великому князю: берегитесь, есть заговоръ? На такую смѣлость всякій трусъ способенъ. "Не почитайте меня коварнымъ доносчикомъ, не думайте чтобъ я былъ чьимъ либо орудіемъ, или дѣйствовалъ изъ подлыхъ видовъ моей личности; — нѣтъ. Съ чистою совѣстью я пришелъ говорить Вамъ правду." — Какую же это правду? Подумаешь что Ростовцевъ станетъ говорить о бѣдственномъ положеніи Россіи, о необходимости лучшихъ учрежденій; совсѣмъ нѣтъ. Ростовцевъ говоритъ только — во первыхъ, что Николай Павловичь великій человѣкъ, (1) потому что отказывается отъ престола, во вторыхъ, что готовится бунтъ, вслѣдствіи котораго Грузія, Бессарабія, Финляндія, Польша, и Литва отпадутъ отъ Россіи; въ третьихъ, что надо, чтобъ Константинъ

(1) Это намъ напоминаетъ Ш. Дюпеня, который говорилъ Луи-Филиппу: "Я мужикъ, я вамъ не стану льстить какъ другіе; я вамъ просто скажу, что вы величайшій человѣкъ нашей эпохи." — Теперь этотъ откровенный человѣкъ, душеприкащикъ и другъ Луи-Филиппа принялся также откровенно служить Наполеону III. Для этихъ людей что ни монархъ—то и великій человѣкъ, что ни попъ то батька.

Павловичъ самъ пріѣхалъ провозгласить Николая Императоромъ; въ четвертыхъ доносчикъ проситъ казнить его, если его поступокъ дерзокъ; въ пятыхъ проситъ: "не награждайте меня ничѣмъ; пусть останусь я безкорыстенъ и благороденъ въ глазахъ вашихъ и моихъ собственныхъ!" — шестое: "Объ одномъ только дерзаю просить васъ — прикажите меня арестовать." — Ловко! Тутъ все есть и лесть, и безкорыстіе. Странно не много, что человѣкъ, который думаетъ, что въ его поступкѣ можетъ быть что нибудь достойное казни, черезъ двѣ строки проситъ, чтобъ его ничѣмъ не награждали, и вслѣдъ за этимъ проситъ ареста. Очевидно, что арестовать было не за что; но въ арестантской комнатѣ бываетъ такъ тихо, что лучше и желать нечего. — Разумѣется, прочитавъ письмо, Николай Павловичъ позвалъ Ростовцева, обнялъ его и сказалъ ему: "такой правды я не слыхивалъ никогда." Что при этомъ Николай Павловичъ и Ростовцевъ понимали подъ словомъ — правда, этого рѣшительно не пойметъ никто изъ обыкновенныхъ смертныхъ. Далѣе Николай Павловичъ сказалъ Ростовцеву: "Можетъ быть ты знаешь нѣкоторыхъ злоумышленниковъ и не хочешь назвать ихъ, думая что это противно твоему благородству — и не называй!" — Мы бы искренно хотѣли видѣть въ этомъ благородную черту Николая, но намъ мѣшаетъ то, что въ тотъ же день, 12-го Декабря, въ 6 часовъ утра, онъ уже получилъ отъ Дибича донесеніе о заговорѣ и въ присутствіи Милорадо-

вича и Галицына, рѣшился арестовать поименованныхъ въ доносеніи заговорщиковъ (см: книгу Корфа стр. 91). Стало — чтоже сказать объ этой выходкѣ? . . — Далѣе Николай Павловичь сказалъ Ростовцеву: "Но если разумъ человѣческій слабъ, если воля всевышняго назначитъ иначе и мнѣ нужно погибнуть, то у меня шпага съ темлякомъ: это вывѣска благороднаго человѣка (! !). За симъ Ростовцевъ сказалъ ему: "Ваше Высочество, — это личность. Вы думаете о собственной славѣ и забываете Россію.„ . . . . . Въ этомъ случаѣ Ростовцевъ сказалъ конечно что то похожее на правду. — Потомъ Николай Павловичь сказалъ: "ежели нужно умереть, то мы умремъ вмѣстѣ." За симъ Николай Павловичь и Ростовцевъ обнялись и прослезились. — 13-го Декабря не уединенный подъ арестъ Ростовцевъ, послѣ обѣда, далъ копію съ своего письма и записку о разговорѣ съ государемъ — своему товарищу, при Рылѣевѣ, т. е. далъ копію съ доноса заговорщикамъ, на которыхъ доносилъ, чтобы такимъ образомъ совершенно разыграть роль благороднаго человѣка. Здѣсь мы должны замѣтить историческую разницу: незабвенный Іуда Искаріотскій предалъ Христа послѣ трапезы, а Ростовцевъ прежде донесъ на товарища, а потомъ съ нимъ пообѣдалъ. — Далѣе . . . . . . далѣе — просто Яковъ Ростовцевъ сдѣлался генералъ-адъютантомъ (что надо было ожидать) и Іаковымъ (чего уже никто не ожидалъ).

Какимъ образомъ Корфъ помиритъ то, что на

91 страницѣ, онъ говоритъ, что Николай рѣшился арестовать поименованныхъ въ донесеніи Дибича заговорщиковъ, а на 104 страницѣ: „Ростовцевъ никого, однакоже, не указалъ; никого не назвалъ по имени, а разысканія графа Милорадовича остались совершенно безплодными?" Тутъ есть чтото непонятное, но крайней мѣрѣ столько же противнаго здравому смыслу, какъ и само междуцарствіе, какъ и то что Николай въ своемъ манифестѣ говоритъ, что онъ присягалъ Константину, „дабы отклонить любезное отечество отъ малѣйшей, даже и мгновенной неизвѣстности о законномъ его государѣ," между тѣмъ какъ именно это присяганіе и повергло отечество въ неизвѣстность о законномъ государѣ. — Далѣе въ манифестѣ, упомянувъ объ актахъ присланныхъ Константиномъ, Николай говоритъ: „Сколь ни положительны сіи акты ...... мы признали однакоже ..... положенію дѣла сходственнымъ, пріостановиться возвѣщеніемъ оныхъ" ..... Почему же это? Гдѣ тутъ здравый смыслъ? ..... Удивительно! — Не менѣе удивительно вечернее засѣданіе государственнаго Совѣта съ 13-го на 14-ое Декабря. Почему Николай хочетъ явиться въ Совѣтъ непремѣнно съ Михаиломъ Павловичемъ, котораго нѣтъ въ Петербургѣ, теряетъ время и заставляетъ старческое собраніе ждать до позднягo часа? Все дѣло такъ ясно, что безъ всякаго Михаила Павловича могло быть покончено въ полчаса; а Николай ждетъ и насилу рѣшается идти въ Совѣтъ, обнявъ прежде обѣихъ императрицъ.

Досугъ тутъ было государственному человѣку разыгрывать чувствительныя сцены, которыя больше смѣшны чѣмъ чувствительны. И чего же Николай боялся идти одинъ въ Совѣтъ? Ждалъ что ли какаго сопротивленія отъ членовъ Совѣта? Онъ безъ сомнѣнія зналъ, что и все это засѣданіе только государственный формализмъ, къ которому присутствіе Михаила Павловича ничего бы не прибавило. Въ Совѣтѣ Николай опять разыгрываетъ ту же таинственность, велитъ читать вслухъ объявленіе Константина и потомъ прячетъ его къ себѣ въ карманъ, не "велѣвъ давать ему гласности, собственно по причинѣ особенно сильныхъ и даже рѣзкихъ его выраженій." Если Корфъ счелъ нужнымъ сказать это (стр. 113)—по крайней мѣрѣ онъ бы не долженъ былъ печатать въ своей книгѣ объявленія Константина, прочитавъ которое каждый увидитъ, что въ немъ никакихъ сильныхъ и рѣзкихъ выраженій нѣтъ, а что напротивъ того это объявленіе Константина написано такъ, что изъ уваженія къ памяти цесаревича не худо было его истребить, или хотя назвать Демосѳена-семинариста, сочинявшаго объявленіе, чтобы никто не подумалъ, что оно сочинено самимъ цесаревичемъ.—Какъ могъ Николай, имѣя въ рукахъ всѣ нужные акты, получивъ въ 6 часовъ утра донесеніе о заговорѣ, ждать цѣлый день Михаила Павловича и сидѣть съ императрицами, вмѣсто того, чтобъ тотчасъ же собрать Совѣтъ, и тотчасъ же привести гвардію къ присягѣ? Для публики это останется совершенно непонятнымъ, и напрасно мы стали бы отыскивать во всемъ этомъ

какаго нибудь сокровеннаго смысла; тутъ просто отсутствіе всякаго смысла—и только. Тутъ столько же смысла какъ и въ томъ, что въ письмѣ къ Волконскому, отъ того же 12-го Декабря, императоръ Николай говоритъ: "я начинаю дѣлаться прозрачнымъ." Что такое значитъ? Что разумѣетъ подъ этимъ словомъ Николай? То ли, что онъ похудѣлъ? То ли, что дѣла пришли въ такое положеніе, что всякому становилось насквозь видно все нелѣпое комедіанство нежеланія вступить на престолъ? Или что другое?... Этого никто не рѣшитъ. Баронъ Модестъ Корфъ конечно понимаетъ смыслъ этого слова, иначе онъ бы его не выписалъ съ такимъ многоуваженіемъ; но къ сожалѣнію баронъ всякій разъ забываетъ объяснять поэтическія выраженія незабвеннаго; такимъ образомъ прозрачность Николая и гранитное чувство долга преображенскаго полка—на веегда останутся непонятными для публики.

Въ ночномъ засѣданіи Совѣта Николай занималъ предсѣдательское мѣсто; Корфъ называетъ эту ночь "началомъ новой эры въ нашемъ бытописаніи," —потому что Николай послѣ уже никогда не садился на предсѣдательскомъ мѣстѣ, а всегда напротивъ предсѣдательскаго мѣста по лѣвую сторону возлѣ докладчика. Странная причина новой эры для Россіи!

"Изъ Совѣта государь возвратился въ свои комнаты: тамъ его ожидали, въ молитвѣ, родительница и супруга. Былъ часъ ночи, слѣдственно уже начало понедѣльника, что многіе сочли дурнымъ предзнаменованіемъ для перваго дня царствованія."

—Какія интересныя подробности! Къ сожалѣнію біографъ въ этихъ подробностяхъ не развивъ ни одного характера, развилъ только картину какой то странной жизни, гдѣ нѣтъ ни силы, ни мысли. А кто эти многіе, вѣровавшіе въ дурное вліяніе понедѣльника? Штатсъ-секретари или камердинеры? Жаль что Корфъ никого не назвалъ; по крайней мѣрѣ мы бы увидали степень образованности тогдашняго придворнаго штата.

За симъ слѣдуетъ письмо Николая къ Константину; Николай проситъ брата быть ему наставникомъ на пути многотрудномъ. Признаемся, что хотя письмо сочинялъ Сперанскій, но эта фраза поражаетъ неискренностью, и послѣ объявленія съ сильными и рѣзкими выраженіями трудно было просить Константина быть наставникомъ на пути многотрудномъ. Вдобавокъ Николай — и по мимо знаменитаго объявленія — очень хорошо зналъ что такое старшій братъ; зналъ, что во время молодости цесаревича, Екатерина писала про него Павлу, что если онъ не уйметъ сына, то она вынуждена будетъ исключить его изъ августѣйшаго семейства, какъ позорящаго своимъ поведеніемъ домъ Романовыхъ; зналъ Николай и то, что Александръ устранялъ Константина отъ престолонаслѣдія — по его неспособности къ государственнымъ дѣламъ. Къ чему же въ письмѣ къ Константину это ненужное лицемѣріе, доходящее до смѣшнаго? Чувствительное посланіе къ великой княгинѣ Марьѣ Павловнѣ еще страннѣе; никто не повѣритъ, чтобы Николай считалъ для себя такимъ огромнымъ несчастіемъ восшествіе на престолъ. Все его царствованіе, занятое исключительно дипа-

стическимъ интересомъ и боязнью какого нибудь развитія гражданственности — противурѣчитъ этому считанію себя "жертвой воли божьей и двухъ братьевъ." Такая ненужная неискренность ужасно противна.

"Державная чета отошла къ покою и — сонъ Ея былъ безмятеженъ: съ чистою передъ богомъ совѣстью" (точно будто кто нибудь обвиняетъ державную чету въ преступленіи!) "Она предала себя, отъ глубины души, Его неисповѣдимому промыслу.

Наступило 14 Декабря."

Очень краснорѣчиво! Но теперь и мы приступимъ къ 14 Декабря, то есть разсмотримъ какъ оно разсказано въ донесеніи слѣдственной коммиссіи и въ книгѣ Корфа.

Изъ разсказа Корфа можно почти заподозрѣть Милорадовича въ принадлежаніи къ тайному обществу. По крайней мѣрѣ онъ старается опрокинуть на него вину, что никто изъ заговорщиковъ не былъ схваченъ, ни даже замѣченъ. Но вѣдь были заговорщики поименованы и въ донесеніи Дибича; кто же мѣшалъ Николаю велѣть ихъ арестовать? Кто мѣшалъ Николаю велѣть читать манифестъ передъ обѣдней 14 Декабря, а не послѣ обѣдни (въ чемъ Милорадовичь уже конечно не виноватъ, да и едва ли это имѣло такую важность какъ полагаетъ Корфъ)? Кто мѣшалъ ему поручить наблюденіе за печатаніемъ, раздачею и продажею манифеста—умному человѣку? Кто наконецъ мѣшалъ ему сдѣлать что нибудь энергическое и благоразумное съ 6ти часовъ утра 12 Декабря, вмѣсто того, чтобъ проводить время въ ожиданіи Михаила Павловича? Съ шести часовъ утра 12го Де-

кабря и до того времени, когда генералъ Нейдгардтъ посовѣтовалъ Николаю послать Преображенскій полкъ противъ взбунтовавшихся,—прошло болѣе двухъ сутокъ.

Но наконецъ пріѣхалъ и Михаилъ Павловичъ, наконецъ и самъ государь, "въ мундирѣ Измайловскаго полка, съ лентою черезъ плечо, спустился къ главной дворцовой гауптвахтѣ" и приказалъ Апраксину привести кавалергардскій полкъ, а Войнову идти къ войскамъ. За чѣмъ тутъ Корфъ мимоходомъ называетъ Войнова дуракомъ—это непостижимо(1) въ его книгѣ подобная выходка такъ неприлична, что мы удивляемся какъ ему позволили печатно оскорбить стараго генерала безъ всякой нужды. Потомъ Николай самъ повелъ дивизіонъ къ главнымъ воротамъ дворца" лѣвымъ плечемъ впередъ, "читалъ народу манифестъ и цѣловался съ ближайшими изъ окружающихъ "такъ сказать лежавшими у него на груди," изъ которыхъ одинъ былъ Лука Чесноковъ. Народъ принималъ его съ криками: ура. Мы нисколько не сомнѣваемся, что народъ на дворцовой площади принималъ Николая съ тѣми же криками: ура, какъ на Сенатской площади кричалъ ура Константину. Народъ въ этомъ случаѣ не имѣлъ никакого мнѣнія; законность присяги интересовала только войско, для котораго идея присяги и знамени имѣетъ значеніе. Народу было совершенно все равно кто будетъ царемъ; онъ со-

(1)...... второму (т. е. Войнову)—человѣку почтенному по храбрости, но ограниченному и не успѣвшему пріобрѣсть никакого вѣса въ гвардейскомъ корпусѣ — строго припомнилъ (т. е. Николай), что мѣсто его среди вышедшихъ изъ повиновенія войскъ..." (книга Корфа стр: 129.)

гласовался съ тѣмъ, что было у него передъ глазами: на Сенатской площади съ заговорщиками, на дворцовой площади съ Николаемъ. Мы еще будемъ имѣть случай объяснить это явленіе. Теперь укажемъ только на разницу, которую полагаетъ Корфъ между народомъ на дворцовой и народомъ на Сенатской площади, между солдатами бунтующаго Московскаго полка и солдатами на примѣръ Преображенскаго батальона, составлявшаго "семью" императора Николая. Народъ на дворцовой площади—это любопытствующій народъ, который хватаетъ государя за фалды мундира и цѣлуетъ ему ноги, выказывая врожденную русскому народу царелюбивость: солдаты Преображенскаго полка представляютъ гранитное выраженіе глубокаго чувства долга.(1) Совсѣмъ другое бунтовавшая толпа: "Тутъ были лица, какихъ никогда не видать въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ массами; старинныя, фризовыя шинели съ множествомъ откидныхъ воротниковъ; шинели гражданскія, порядочныя, и при нихъ на головахъ мужицкія шапки; полушубки при круглыхъ шляпахъ; бѣлыя полотенца вмѣсто кушаковъ и тому подобное—цѣлый маскарадъ распутства, замышляющаго преступленіе" . . . . и "стоявшая вокругъ чернь."—"Солдаты, разстегнутые, съ заваленными на затылокъ киверами, въ амуниціи безпорядочно накинутой, были большею частію пьяны. — Все это оглашало воздухъ дикими воплями, безсмысленнымъ говоромъ, посреди котораго слышался иногда явственный крикъ: ура Константинъ!"—

(1) "Моя семья" и гранитное выраженіе—слова самаго императора Николая о Преображенскомъ полку.

Два или три унтеръ-офицера безпрестанно отгоняли народъ отъ колонны и говорили, что, если уже пришлось умирать, такъ пусть умрутъ одни они, Московцы, а народу не къ чѣму лѣзть на смерть." —И такъ тотъ же русскій народъ на дворцовой площади—любопытствующій народъ, а на Сенатской площади чернь и лица, какихъ не видать въ Петербургѣ, и фризовыя шинели, (безъ сомнѣнія принадлежавшія народу), и маскарадъ распутства замышляющаго преступленіе!.... Кто бы могъ подумать, что люди, массою идущіе на смерть составляютъ маскарадъ распутства? Какъ Гнъ Штатсъ-Секретарь ни старается, но это масса не будетъ гадка ни въ чьихъ глазахъ; гадокъ только его разсказъ о ней, тѣмъ болѣе, что уже прошло тридцать лѣтъ, какъ эта масса была на площади, пора бы утихнуть тупоумной ненависти и у тѣхъ людей, у которыхъ она могла быть сгоряча; а у господина Корфа этой ненависти и не бывало; его слова—не выраженіе дѣйствительной раздраженности, это языкъ подслуживанья, котораго цѣль орденская лента или мѣсто по службѣ и которому средства для достиженія этой почтеной цѣли все равны, какъ бы жалки ни были; это языкъ лести и раболѣнія, это языкъ клеветника и холопа, это языкъ позорный.

Солдаты, по разсказу Корфа, были пьяны!.... Однако время было утреннее, кабаки были заперты и не были разбиты, не смотря на предложеніе Якубовича; откуда же солдаты могли взять вина? Если Кожевниковъ показалъ на себя—ради облегчительнаго обстоятельства, что онъ былъ пьянъ (да еще

полно показалъ ли онъ это?)—изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ остальные были пьяны. Пора отбросить эту гнусную клевету. Не при такихъ переворотахъ напиваются люди, когда выходятъ на площадь изъ за убѣжденія; это привычка переворотовъ домашнихъ. Такъ Петръ III былъ убитъ людьми пьяными; (1) такъ Паленъ напоилъ у себя цѣлую ватагу, отправлявшуюся задушить Павла I; (2) а кто выходитъ съ оружіемъ на площадь, у того бываетъ иное одушевленіе, для котораго вина не нужно.—Даже и то обстоятельство, что солдаты отстраняли народъ, говоря, что они одни умрутъ за него и что ему не надо лѣзть на смерть,—даже и это Корфъ хочетъ представить въ смѣшномъ или унизительномъ видѣ. А эта черта едва ли покажется смѣшной кому нибудь изъ обыкновенныхъ людей, которые еще не сдѣлались штатсъ-секретарями и не писали подобострастныхъ книгъ, а просто остались способными уважать всякое благородно-человѣческое чувство, хотя бы и у бунтующаго солдата.

Донесеніе Слѣдственной Коммиссіи нигдѣ не говоритъ, чтобы бунтовавшіе солдаты, или ихъ начальники были пьяны; оно еще не достигло высоты слога барона Корфа и, не упоминая о маскарадѣ распутства, говоритъ просто что къ мятежникамъ

(1) Это доказываютъ записки Е. Р. Дашковой, гдѣ она между прочимъ говоритъ и о письмѣ Орлова, извѣщающемъ Екатерину о смерти Петра III-го и писанномъ въ нетрезвомъ состояніи. (Смотри книжку 3-ю полярной звѣзды стр: 241).

(2) Паленъ объявилъ заговорщикамъ, что и великій князь Александръ Павловичъ одобряетъ ихъ намѣреніе. Этого было достаточно, чтобы разсѣять сомнѣнія большею частью пьяныхъ и разгоряченныхъ людей и вызвать ихъ бурное согласіе......... (Crusenstolpe, der russische Hof T. III, стр: 356).

"пристало нѣсколько человѣкъ во фракахъ, съ кинжалами, пистолетами, саблями", хотя и эти фраки, судя по времени года, очень сомнительны; вѣроятно это просто значитъ—не въ военныхъ мундирахъ, а въ обыкновенномъ одѣяніи. Газеты того времени упортебили выраженіе: "къ нимъ (т. е. къ бунтовавшимъ солдатамъ) пристало нѣсколько человѣкъ гнуснаго вида, во фракахъ". Изъ этого видно, что правительство не жалѣло грязной краски, чтобъ запачкать возстаніе; тогда правительство и его агенты и журналисты были раздражены; Корфъ, какъ мы уже замѣтили, имѣетъ надъ ними то преимущество, что черезъ тридцать лѣтъ, хладнокровно подлаживается подъ тотъ же грязный колоритъ.

"Въ рядахъ мелькали", говоритъ Корфъ со словъ очевидца, "по временамъ Александръ Бестужевъ, Рылѣевъ и нѣсколько другихъ лицъ въ упомянутыхъ фантастическихъ нарядахъ". Верховный уголовный судъ прямо указываетъ на Рылѣева, какъ на участвовавшаго въ мятежѣ на площади. Отъ чего же въ донесеніи слѣдственной комисіи мы находимъ слѣдующее: "Рылѣевъ......отвѣчалъ: "если придетъ хоть пятьдесятъ человѣкъ то я становлюсь въ ряды съ ними,"—и однакожъ не сдержалъ слова"? Изъ этого слѣдовало бы, что Рылѣевъ не былъ на площади. Странно, что Корфъ забылъ повторить эту клевету донесенія и напротивъ того опровергаетъ ее свидѣтельствомъ очевидца.

Разсказъ донесенія и разсказъ Корфа сходны, кромѣ этихъ двухъ пунктовъ, т. е.—пьянаго состоянія мятежниковъ, гдѣ клевещетъ Корфъ, а не донесеніе,—и отсутствія Рылѣева на площади, гдѣ кле-

вещетъ донесеніе, а не Корфъ. Главная разница между ними заключается въ подробностяхъ, и происходитъ отъ различія ихъ цѣлей. Цѣль донесенія —показать что дѣлали возмутившіеся; оно и старается подробно разсказать ихъ дѣйствія и назвать каждаго изъ дѣятелей по имени; цѣль Корфа—показать дѣйствія императора Николая, и его генераловъ, и что происходило въ августѣйшемъ семействѣ; отсюда у Корфа болѣе подробностей стратегическихъ и домашнихъ, дворцовыхъ. Корфъ, когда ему случается назвать кого изъ заговорщиковъ, дѣлаетъ это какъ бы не хотя и большей частью старается умолчать имена подъ общими названіями — офицера, или гражданскаго чиновника. Ему непріятно напомнить публикѣ эти имена. Донесеніе умолчало только имена трехъ членовъ тайнаго общества, прежде отставшихъ отъ него и сдѣлавшихъ на него показанія; эти три члена имѣли достаточно вліянія, чтобъ выпросить храненія ихъ именъ въ тайнѣ; вѣроятно Николай и согласился на ихъ просьбу, видя въ ней страхъ, чтобы ихъ имена не были запятнаны участіемъ въ тайномъ обществѣ; а они просто боялись общественнаго мнѣнія, которое, какъ робко ни было, а все же не могло видѣть въ нихъ ничто иное, какъ предателей. Тутъ мы не можемъ не отдать справедливости Корфу; онъ поступилъ съ тактомъ; не смотря на всю противуположность его методы съ методой донесенія, онъ не рѣшился назвать трехъ предателей, неназванныхъ донесеніемъ, остерегся и своихъ не выдалъ. Но исторія еще до нихъ доберется.

Донесеніе говоритъ и Корфъ повторяетъ, что Александръ Бестужевъ выдавалъ себя солдатамъ за присланнаго изъ Варшавы съ повелѣніемъ не допускать до присяги. Тутъ же мы видимъ, что Александръ Бестужевъ былъ адъютантомъ герцога Виртембергскаго. Какимъ образомъ могъ Бестужевъ говорить ложь, которая должна была броситься въ глаза солдатамъ, встрѣчавшимъ его безвыѣздно въ Петербургѣ? Тутъ очевидна метода донесенія и Корфа обвинять заговорщиковъ во лжи, и къ счастію оба—и донесеніе и Корфъ взводятъ свои обвиненія такъ глупо, что ихъ ложь становится очевидною съ перваго взгляда.

Донесеніе говоритъ прямо, что Московскій полкъ бунтовали Князь Щепинъ-Ростовскій и Михаило Бестужевъ. Корфъ, по обычаю, говоритъ только двое офицеровъ. Впрочемъ читатели могутъ—по донесенію—возстановить всѣ имена умолченныя Корфомъ.

Правда ли, что "государь, перекрестясь и предавъ себя волѣ божьей рѣшился предстать лично на мѣсто опасности; правда ли, что императрица "Марія Θеодоровна вошла къ императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ въ крайнемъ волненіи и съ словами: Pas de toilette, mon enfant, il y a désordre, révolte..... (книга Корфа 128 и 129) — объ этомъ мы не можемъ судить, да и едва ли это важно для Исторіи. Правда ли, что государь самъ читалъ народу манифестъ "протяжно и съ разстановкою, толкуя каждое слово" (1)

(1) Книга Корфа стр. 131.

(какъ будто не надѣялся на ясность самаго манифеста), и правда ли что слушатели при этомъ бросали вверхъ шапки,—это тоже мы совершенно предоставляемъ добросовѣстности автора, равно какъ и то, что фельд-фебель Дмитрій Косяковъ, бывшій послѣ полиц-мейстеромъ въ Павловскѣ, былъ человѣкъ умный. Можетъ быть Корфъ выставляетъ умъ фельдфебеля Косякова въ противуположность глупости генерала Войнова, чтобы картина была рельефнѣе; но тутъ замѣчательно то, что Корфъ вездѣ старается унизить лицы, съ которыми императоръ Николай обошелся грубо. Такимъ образомъ онъ о Милорадовичѣ говоритъ съ какимъ то сдержаннымъ гнѣвомъ; то кольнетъ его тѣмъ, что онъ хорошо отзывался о Якубовичѣ, забывая, что Милорадовичь былъ благородный человѣкъ и не могъ дурно отзываться объ одномъ изъ лучшихъ Кавказскихъ офицеровъ; то почтительно подивится тому что, Императоръ Николай, въ два дни ничѣмъ не разпорядившійся, ни слова не сказалъ въ укоръ Милорадовичу, то для рельефности выставитъ героемъ Орлова, котораго Сенатскій чиновникъ ухватилъ за ногу, и, при встрѣчѣ Милорадовича съ Орловымъ, на запросъ перваго: "Allons ensemble parler aux mutins," —заставляетъ Орлова отвѣчать: "J'en viens" между тѣмъ какъ изъ всего разсказа очевидно, что тогда Орловъ не успѣлъ еще быть на площади. Смерть же Милорадовича описана у барона съ ужасной поспѣшностью. Хотя Милорадовичь по мнѣніямъ и не могъ принадлежать къ тайному обществу, но эта храбрая, благородная и милая личность конечно заслуживала по больше вниманія со

стороны исторіографа русскаго императора; и если Корфъ такъ не хотя и неблагосклонно говоритъ о немъ, — это конечно только потому, что книга писана хотя и въ 1848 году, но для императора Николая, а Николай былъ сердитъ на Милорадовича съ самаго 14 Декабря 1825 года, съ того дня, когда Милорадовичь былъ убитъ спасая его, и Корфъ очень хорошо понялъ, что не надо быть благосклоннымъ къ Милорадовичу. Мы къ исторіи Милорадовича прибавимъ только три вещи: Когда его несли раненаго, онъ спросилъ — куда его несутъ; ему отвѣчали въ квартиру Орлова; онъ закричалъ "нѣтъ, нѣтъ! несите въ казармы!" Должно быть онъ не очень любилъ Орлова. — Когда надо было вынимать пулю, онъ потребовалъ чтобы операція была сдѣлана его старымъ докторомъ, не желая передъ смертію его обидѣть, давши сдѣлать операцію кому нибудь другому. — Принявшись диктовать завѣщаніе, онъ ничего не нашелъ сказать, кромѣ просьбы къ императору Николаю — помиловать сына его друга Коновницына, вѣроятно принадлежавшаго къ заговору. Мы увидимъ какъ Николай исполнилъ это завѣщаніе.

Если Корфъ ограничивался неблагосклонностью къ людямъ, на которыхъ императоръ Николай изволилъ только гнѣваться, то само собою разумѣется, что онъ не щадитъ заговорщиковъ, на которыхъ Николай не только гнѣвался, но о которыхъ постоянно носилъ въ душѣ воспоминаніе, сдѣлавшее изъ всего его царствованія развитіе одной темы: боязни

либерализма. Мы уже упоминали, что Корфъ о величавой, воинственной фигурѣ Якубовича, котораго мы сами очень хорошо помнимъ, говоритъ, что черная повязка, огромные черные глаза и усы придавали его наружности что то замѣчательно отвратительное; но мы не можемъ не замѣтить еще разговоръ Якубовича съ Николаемъ, помѣщенный вслѣдъ за описаніемъ наружности Якубовича въ книгѣ Корфа. Якубовичь приходилъ высмотрѣть распоряженія враговъ и встрѣтился съ Николаемъ, котораго обманулъ такъ, что Николай опять послалъ его къ мятежникамъ. Слѣдственно Николай не зналъ, что онъ одинъ изъ предводителей мятежа. Почему же, когда Якубовичь, указавъ на свою повязку, сказалъ: "вотъ доказательство что я не изъ трусливыхъ," а флигель-адъютантъ Дурново воскликнулъ при этомъ "браво"—почему Николай остановилъ эту неумѣстную выходку Дурново строгимъ замѣчаніемъ." Что же тутъ было такого неумѣстнаго? Или уже и тогда Николай Павловичь не умѣлъ позволить при себѣ кому нибудь высказать какое бы то ни было чувство? Что въ этой выходкѣ заслуживало строгаго замѣчанія,—это можетъ быть понятно только императору Николаю и барону Модесту Корфу. Впрочемъ можетъ быть и Корфъ—не понимаетъ смыслъ строгаго замѣчанія, но разсудивъ, что такъ какъ государь самъ побранилъ Дурново, то и ему слѣдуетъ назвать выходку Дурново—неумѣстною.

Что императоръ Николай просилъ народъ разойтись,—"но мнѣ стрѣлять будутъ и могутъ въ васъ

попасть; не хочу чтобъ кто нибудь пострадалъ за меня; ступайте по домамъ: завтра узнаете чѣмъ кончилось,"—это похвально и должно быть правда, потому что объ этомъ свидѣтельствуетъ Шпицлеръ, какъ очевидецъ; только Шпицлеръ, иначе приводитъ слова императора: Faites-moi la grâce de rentrer chez vous, vous n'avez rien à faire ici."(1) вотъ слова, приводимыя Шпицлеромъ, изъ которыхъ слѣдуетъ, что Николай не столько боялся, чтобы кто нибудь пострадалъ, сколько боялся чтобъ толпа не умножилась. Какъ бы то ни было — Николай былъ учтивъ на этотъ разъ, какъ никогда не бывалъ впослѣдствіи. Даже, разсказываетъ Шпицлеръ, старухи говорили: "Самъ насъ просилъ уйти, да еще съ какой вѣжливостью."

Привѣтствіе Николая конногвардейскому полку было болѣе чѣмъ учтиво; въ немъ было что то патетическое: "первый мундиръ, который я носилъ, говорилъ онъ, былъ вашъ, и хотя я былъ тогда еще ребенокъ, но съ сожалѣніемъ помѣнялся имъ съ братомъ Константиномъ". Это приводитъ насъ къ любопытному вопросу: на какомъ основаніи члены императорской фамиліи носятъ такой или другой мундиръ? Кто рѣшаетъ эту важную, государственную задачу? И зачѣмъ они скидаютъ какой нибудь мундиръ, если имъ его жаль? Мы очень желали бы узнать разумную причину всѣхъ этихъ костюмированій, которыя отдаляютъ членовъ царской фамиліи отъ гражданскихъ вопросовъ и приводятъ ихъ къ интересамъ фельдфебельскимъ. И какъ человѣчески

(1) Вѣроятно: "пожалуйста разойдитесь."

объяснить явленіе, гдѣ эти фельдфебельскіе интересы возводятся до какого то паѳоса, до какой то страстности?—Но при всей этой страстности, изъ книги Корфа видно, что Николаю не хотѣлось настоящаго боя; не смотря на то, что принцъ Евгеній Виртембергскій съ истинно нѣмецкимъ усердіемъ "поднялъ свою лошадь на дыбы и повернувъ ее, сказалъ съ досадой: "Cela ne servira à rien." Въ самомъ ли дѣлѣ принцъ Евгеній поднялъ свою лошадь на дыбы, или Корфъ говоритъ это только ради краснорѣчія,—это тоже важный историческій фактъ, котораго дѣйствительность опредѣлитъ развѣ позднее потомство.

Развивъ всю важность случая, что Михаилъ Павловичъ присягалъ въ первый разъ отъ роду, Корфъ разсказываетъ, что офицеры небунтовавшаго отряда Московскаго полка бросились цѣловать руки и ноги государя. О такихъ руконожныхъ поцѣлуяхъ Корфъ упоминаетъ раза три; это намѣренное повтореніе заставляетъ сомнѣваться въ истинѣ самаго происшествія, хотя мы и не имѣемъ положительныхъ даказательствъ противъ него, развѣ только то, что Шницлеръ ничего подобнаго не разсказываетъ. Къ чести нашихъ офицеровъ и народа мы желали бы усомниться въ дѣйствительности этихъ холопскихъ изъявленій усердія, которымъ такъ радуется сердце барона Модеста Корфа.

Страннымъ образомъ объясняетъ Корфъ замедленіе Измайловскаго полка выступить противъ мятежниковъ. По его словамъ замедленіе произошло отъ того, что Кавелинъ, посланный привести его, услыхавъ что въ полку были возгласы въ пользу Константина, —спросилъ ротнаго командира Богдановича—руча-

ется ли онъ за людей; а Богдановичъ отвѣчалъ, что ручается. Тогда Кавелинъ сказалъ нѣсколько словъ солдатамъ, и полкъ двинулся. Гдѣ же тутъ объясненіе замедленія? На все то, что дѣлалъ Кавелинъ — пяти минутъ было бы много. Откуда же замедленіе? Баронъ, защитникъ исторической истины, имѣетъ о ней какія то странныя понятія. — Не менѣе странныя понятія имѣетъ онъ о замѣчательныхъ людяхъ. Разсказавъ какъ Орловъ скомандовалъ: "равняйсь", онъ далѣе повѣствуетъ, какъ у конпоніоперовъ былъ убитъ только одинъ унтеръ офицеръ, замѣчательный тѣмъ, что, " при формированіи конпоніонернаго эскадрона, онъ первый въ образчикъ обмундированія, былъ представленъ покойному Государю" Чтожъ тутъ замѣчательнаго?

Съ прискорбіемъ встрѣчаемъ мы у Корфа смѣшную фигуру Карамзина съ chapeau claque подъ мышкой, въ пудрѣ, мундирѣ и шелковыхъ чулкахъ, пробирающагося поклониться государю. Бѣдный исторіографъ! Къ чему послужило все его либеральное ратоборствованіе противъ Іоанна Грознаго? Корфъ его окончательно свелъ съ ученаго пьедестала въ придворную грязь.

Вслѣдъ за описаніемъ исторіографа Россіи, Корфъ разсказываетъ отвѣтъ императора Николая дипломатическому корпусу. Николай смотрѣлъ на возстаніе, какъ на семейное дѣло, " c'est une affaire de famille à laquelle l'Europe n'a rien à démêler." Корфъ въ этомъ отвѣтѣ видитъ что то великое, но безпристрастно говоря, онъ выражаетъ совершенное непониманіе того, что происходило, смѣшанное съ аутократической наглостью.

На счетъ состава (!) Лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, Корфъ, разказывая происшествіе согласно съ донесеніемъ, избѣгаетъ назвать Сутгофа, увлекшаго роту къ мятежу; но въ донесеніи нѣтъ того тонкаго анализа всѣхъ человѣческихъ побужденій, который мы встрѣчаемъ у Корфа. Напримѣръ — почему рота, почти въ полномъ составѣ, пошла за Сутгофомъ? Корфъ это тотчасъ объясняетъ: "по привычкѣ слѣпо повиноваться начальнику." Привычка повиноваться начальнику привела къ возмущенію! . . . . . очень тонко. Но не смотря на эту дисциплину рота, по словамъ Корфа, шла въ большомъ безпорядкѣ. Этого въ донесеніи нѣтъ, да и нужды не было идти въ безпорядкѣ. Далѣе про тѣ роты того же полка, которыя пошли за Пановымъ, Корфъ разсказываетъ (по донесенію), что Пановъ бѣгалъ изъ роты въ роту, уговаривая солдатъ къ возстанію; но отъ себя Корфъ прибавляетъ, что солдаты не слушали его внушеній; а черезъ нѣсколько строкъ — мы уже видимъ, что солдаты отправились за Пановымъ съ возмутительнымъ крикомъ: ура! (и почему въ этомъ случаѣ ура возмутительнѣе чѣмъ въ другомъ?) такъ, что читатель и не ожидалъ такой выходки со стороны людей, на которыхъ слова Панова не производили впечатлѣнія. И разсказывая вещи подобнымъ образомъ, Корфъ думаетъ, что удовлетворяетъ "любопытству, заслуживающему право на благородное имя — исторической любознательности"! (1)

(1) 2-ое Предисловіе къ книгѣ Корфа стр. VII.

Императоръ Николай самъ пропустилъ Панова съ гренадерами на Сенатскую площадь. "Само конечно провидѣніе внушило государю эту мысль", говоритъ Корфъ. "Отстранивъ раздѣльное, вдругъ на нѣсколькихъ точкахъ, дѣйствіе мятежниковъ и кровопролитія почти подъ окнами дворца, совокупивъ весь ихъ составъ въ одно мѣсто и облегчивъ тѣмъ послѣдующее ихъ пораженіе, она, можно сказать, рѣшила участь дня. Этою благодатною мыслію и чудеснымъ за минуту до того спасеніемъ Императорскаго дома, явно ознаменовалось покровительство Промысла Божія наступившему царствованію."—Слѣдственно въ этомъ пропускѣ возмутившихся гренадеръ на Сенатскую площадь, самъ баронъ, видитъ только чудесное вліяніе промысла божія, а не стратегическую мысль императора Николая. Николай, пересматривавшій книгу Корфа, вѣроятно не забылъ бы показать, что пропускъ былъ его стратегической мыслью, еслибъ сознавалъ это. Великодушію также не льзя приписать этаго пропуска; такое великодушіе было бы просто глупо. Чему же приписать поступокъ Николая, не вмѣшивая въ него сверхъестественныя силы? Да просто тому, что — еслибъ онъ не пропустилъ возмущенныхъ гренадеръ, то ему самому пришлось бы плохо, потому что онъ былъ бы долженъ участвовать въ рукопашной.

Вмѣшательство маститаго іерарха (преставившагося въ 1843-мъ году) т. е. митрополита Серафима не описано въ донесеніи, но

описано у Корфа со всѣми подробностями; даже не забыто и то, что архидіаконъ Прохоръ Ивановъ „первый изъ діаконовъ православной церкви" — какое торжество для православной церкви! — „удостоился въ двадцатипятилѣтіе 14 Декабря (въ 1850 году), въ память событій этого дня, сопричисленіемъ ордену Св. Анны 3-й степени." Не забыто и то, что митрополитъ со свитою долженъ былъ ускакать съ площади въ простыхъ извощичьихъ саняхъ. Коммиссія объ этомъ не упоминаетъ, потому что она скупа на разсказы; она „почитаетъ ненужнымъ описывать всѣ происшествія сего дня, ознаменованнаго буйствомъ немногихъ и знаками общаго усердія, нелицемѣрной преданности къ престолу, и всего болѣе, новымъ примѣромъ царственныхъ доблестей, наслѣдственныхъ въ семъ августѣйшемъ домѣ, который былъ предметомъ безумной злобы мятежниковъ." Фразеологія, достойная хотя бы книги Корфа! И неужели авторъ донесенія коммиссіи не понималъ, что безумной злобы противъ августѣйшаго дома у мятежниковъ не было: солдаты стояли за Константина, принадлежавшаго къ тому же дому, а члены тайнаго общества имѣли въ виду спасеніе Россіи; августѣйшій домъ для ихъ цѣли былъ дѣло второстепенное; имъ надо было его устранить, потому что онъ мѣшалъ русскому развитію; ихъ заставляла дѣйствовать любовь къ Россіи, а къ августѣйшему дому тутъ не могло быть ни злобы, ни любви.

Наконецъ генералъ Толь (изъ Нѣмцевъ) закричалъ сзади государя: "картечи бы имъ надо", — и государю, какъ ни хотѣлось проливать кровь, но онъ позволилъ себя уговорить и приказалъ стрѣлять. Артиллеристъ солдатъ не хотѣлъ стрѣлять и отвѣчалъ офицеру Бакунину на вопросъ—за чѣмъ онъ не стрѣляетъ: "свои, ваше Благородіе"! Но наконецъ и этотъ единственный человѣкъ, у котораго еще было живо чувство связи народной, повиновался—и конечно, каре не могъ устоять.

"Измѣна всегда робка", говоритъ Корфъ. Измѣна чья и чему? Солдаты не измѣняли Константину а офицеры остались вѣрны своимъ убѣжденіямъ. Гдѣ же измѣна? И гдѣ же робость? Развѣ отъ того, что каре изъ немногихъ баталіоновъ не могъ устоять противъ артиллеріи—можно назвать его трусомъ? Самъ же Корфъ говоритъ (стр: 189), что мятежники вновь выстроились на льду Невы; стало не вдругъ уступили бой. Но на сентенцію мы можемъ отвѣчать сентенціей:—недобросовѣстность раба всегда гнусна,—и мы надѣемся что баронъ Модестъ Корфъ этой сентенціи не оспоритъ.

Такимъ образомъ кончилось возстаніе 14 Декабря. Далѣе въ разсказѣ Корфа идутъ почти исключительно дворцовыя обстоятельства. Изъ недворцовыхъ замѣчательно только, что преслѣдованіе и захватываніе разбѣжавшихся было возложено на генералъ-адъютанта Бенкендорфа и Орлова; оба впослѣдствіи были шефами корпуса жандармовъ и тайной полиціи: вотъ что значитъ быть вѣрнымъ своему призванію.

Изъ дворцовыхъ обстоятельствъ самое замѣчательное—это возвращеніе императора Николая во дворецъ. Встрѣча Его съ царственною семьею была на деревянной лѣстницѣ, которая прежде пожара Зимняго Дворца (1837 году) вела, изъ подъ главныхъ воротъ, въ переднюю дежурную комнату возлѣ почивальни императрицы Маріи Ѳеодоровны. Эта встрѣча, это свиданіе еще менѣе доступны нашему перу. Императрицѣ—супругѣ казалось, что Она видитъ передъ Собою и обнимаетъ совсѣмъ "новаго человѣка".... (книга Корфа стр. 190). Неужели Корфъ не чувствуетъ, что это смѣшно? Что такое—новаго человѣка? Зачѣмъ же обнимать новаго человѣка? До какихъ нелѣпостей не доводитъ страсть къ высокому слогу! Мы не можемъ не замѣтить при этомъ, что страсть къ высокому слогу всегда показываетъ отсутствіе внутренняго убѣжденія и присутствіе внутренней пустоты.

Также мы не можемъ пропустить безъ вниманія и слѣдующій образчикъ высокаго слога: "Во время молебствія, возгласа къ колѣнопреклоненію не было; всѣ стояли; только царственная чета, отъ перваго слова Божественной службы до послѣдняго, лежала распростертая на колѣняхъ. Всевышній принималъ сердце Царево въ свою руку!" (стр. 192).

Вотъ былъ бы отличный сюжетъ для барельефа. Особенно рука Всевышняго, принимающая сердце царево—было бы превосходна въ скульптурѣ. Далѣе на той же страницѣ мы видимъ, что Николай изъ руки Всевышняго принялъ свою корону. Сколько подумаешь, по Корфу—рука всевышняго надѣлала

зла для Россіи: вынула у Николая сердце и дала ему корону!

Изъ книги Корфа видно еще, что государь "чуждый утомленія, тутъ же, въ глубокую ночь, въ шарфѣ и лентѣ, какъ былъ цѣлый день, дѣлалъ первые допросы заговорщикамъ." Какъ это обрисовываетъ характеръ Николая: военный формалистъ и шефъ тайной полиціи разомъ, именно тѣ два назначенія, которыя онъ такъ неутомимо выполнялъ во все свое царствованіе.

О возмущеніи Сергѣя Муравьева Апостола на Югѣ, этой послѣдней пробѣ, послѣднемъ отчаянномъ усиліи тайнаго общества разшевелить Россію, — Корфъ ничего не упоминаетъ и отъ дворцовыхъ обстоятельствъ переходитъ къ тому, что

" Прошли еще годы.

" Императоръ Николай опочилъ отъ трудовъ своихъ смертію праведника, смертію, которая, неземнымъ ея величіемъ, удивила современниковъ и осталась назиданіемъ для потомства."

Въ чемъ заключается праведность смерти Николая, въ чемъ неземное величіе, что удивило современниковъ, что въ ней было назидательнаго — это очень мудрено понять. Развѣ то, что человѣкъ, умирая не хотѣлъ причаститься не побрившись, съ ненавистью и боязнью вспомнилъ 14 Декабря, и на перекоръ вопіющей дѣйствительности, желалъ чтобы Россія шла въ томъ же духѣ какъ при немъ, т. е. разграбленная и задавленная чиновниками-администраторами, не смѣющая высказать ни одной свѣтлой мысли, ни одного полезнаго, справедливаго, человѣческаго требованія, и проигрывающая кро-

вавую войну, затѣянную безумнымъ самолюбіемъ императора.

Теперь мы опять оставимъ въ сторонѣ книгу Корфа и займемся существеннымъ вопросомъ: почему 14 Декабря не удалось.

Было бы слишкомъ поверхностно свести рѣшеніе этого вопроса на стратегическую ошибку. Конечно дѣла приняли бы другой оборотъ, если бы, напримѣръ, на мѣсто нерѣшительнаго Трубецкаго диктаторомъ былъ назначенъ такой человѣкъ, какъ Якубовичъ и возставшій отрядъ вмѣсто того, чтобы ждать на Сенатской площади, пока сберутся императорскія войска и уничтожатъ его, пошелъ бы прямо во дворецъ, тогда еще ни кѣмъ не защищаемый. Народъ присталъ бы къ возстанію при первомъ успѣхѣ, тѣмъ болѣе, что возстаніе обѣщало бы ему волю! Напрасно Корфъ предполагаетъ въ народѣ пристрастіе къ законности престолонаслѣдія. Вся исторія русскаго народа противорѣчитъ этому. Не говоря о равнодушіи народа къ междоусобіямъ удѣльныхъ князей, не говоря о томъ, что возстаніе противъ Лже-Димитрія было вопросомъ не престолонаслѣдія, а освобожденія отъ польскаго нашествія, — что было законнаго въ восшествіи на престолъ императрицы Анны, Петра III, или Екатерины II? Ровно ничего. Народъ оставался равнодушенъ. Но отчего онъ пошелъ за Пугачевымъ? Развѣ народъ вѣрилъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ Петръ III? Нисколько! Пугачевъ ему обѣщалъ свободу—и народъ шелъ за нимъ способствуя обману законности, изобрѣтенной Пугачевымъ для облегченія своихъ дѣйствій; Пугачеву нуженъ былъ призракъ законности не для народа, а

чтобы стать на какую нибудь почву противъ существующей власти. Но кромѣ своего темнаго чувства освобожденія отъ насилія — масса всегда стоитъ за успѣхъ; отъ этаго народъ сочувствовалъ мятежу на Сенатской площади, и императору Николаю на дворцовой. Въ сущности же масса была равнодушна къ тому — кто будетъ царствовать — Николай или Константинъ. Темное предчувствіе, что кто бы ни царствовалъ, до царя далеко, а народу все также будетъ плохо — заставляетъ его быть равнодушнымъ къ престолонаслѣдію и къ какой бы правительственной формѣ ни было, если она не касается до освобожденія народа отъ помѣщичьей и чиновничей власти. А поставьте это освобожденіе на вашемъ знамени и, будьте вы Пугачевъ, или законный государь, — народъ пойдетъ за вами и причислитъ васъ къ лику святыхъ. (Замѣтимъ мимоходомъ: отъ этого то и надо русскому царю спѣшить, спѣшить освобожденіемъ массъ отъ помѣщичьей и чиновничей власти, правильнымъ, яснымъ и полнымъ освобожденіемъ, а не дразнить народъ полумѣрами, которыя могутъ привести только къ Пугачевщинѣ; оставить же этого вопроса и воротиться къ поддержанію помѣщичьей и чиновничьей власти—теперь уже не возможно; отношенія слишкомъ натянуты). Возстаніе 14 Декабря, сдѣланное подъ вывѣскою законности Константина, а не Николая, по самой этой вывѣскѣ не могло сильно увлечь массу, равнодушную къ этому вопросу. По этому возстаніе должно было основаться исключительно на войскѣ, а не на народѣ; а войско

въ этомъ вопросѣ не могло все придти къ одному мнѣнію. Большая часть солдатъ должна была думать, что вѣроятно Николай Павловичь правъ, да вдобавокъ онъ былъ на лицо, и какъ бы за ослушаніе не пришлось худо. Слѣдственно возстаніе даже и войско не могло увлечь законностью престолонаслѣдія. Задней же мысли тайнаго общества, т. е. конституціонной или республиканской—войско не могло ни угадать, ни понять; и не только масса, которой до царя далеко и которая жаждетъ освободиться только отъ ближайшаго насилія, т. е. отъ помѣщика и чиновника,—не только масса не знала и не понимала конституціоннаго или республиканскаго вопроса, но и въ образованномъ и полуобразованномъ дворянствѣ, это былъ вопросъ доступный только чрезвычайно малому меньшинству. Слѣдственно тайное общество основывалось только на этомъ маломъ меньшинствѣ и на нѣкоторой части войска, гдѣ солдаты были преданы офицерамъ—членамъ тайнаго общества, потому что эти офицеры ихъ не мучили подобно Аракчеевымъ, Левашовымъ, Шварцамъ et coetera. Съ этими средствами, нельзя было выиграть дѣло, и вотъ внутренняя причина неудачи 14 Декабря.

Но съ другой стороны темное чувство массъ и мнѣніе развитаго меньшинства всегда сходны и только недомолвка разъединяетъ ихъ. Мнѣніе меньшинства, заявленное всенародно, совершаетъ свое, то есть заставляетъ темное чувство массъ искать себѣ яснаго опредѣленія. И въ этомъ случаѣ 14 Декабря—имѣло успѣхъ, потому что, не смотря на весь тридцатилѣтній гнетъ Николаевскаго царство-

ванія, мысль развитія русской гражданственности, росла и может быть возмужала до той степени, что спокойно выскажет и выполнит свои требованія.

Въ Исторіи императора Николая и тайнаго общества 14 Декабря не льзя миновать верховнаго уголовнаго суда надъ членами общества. Корфъ ни слова не упомянулъ о немъ, да ему и не ловко было о немъ говорить, потому что тутъ именно рѣзче всего выражается и характеръ Николая и его сановниковъ, — и тутъ уже никакой Корфъ, хотя бы съ удесятереннымъ раболѣпіемъ, не можетъ оправдать Николая. Но мы, перепечатывая въ этомъ изданіи документы верховнаго уголовнаго суда, обязаны сказать о немъ свое мнѣніе.

Къ сожалѣнію манифестъ 1 Іюня 1826 года о назначеніи верховнаго уголовнаго суда не былъ напечатанъ въ числѣ документовъ и мы не имѣемъ его передъ глазами; но о немъ упоминаетъ докладъ суда императору Николаю. Изъ этого доклада видно, что "обрядъ производства уголовныхъ дѣлъ установленъ общими законами; но въ дѣлѣ высшихъ государственныхъ преступленій, общій уголовный судъ не могъ быть достаточенъ." Почему же это? Почему общій уголовный судъ для высшихъ государственныхъ преступленій недостаточенъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ очень ясенъ: потому что на основаніяхъ общаго уголовнаго суда никого не льзя было осудить на казнь, а такъ императору хотѣлось казней, то и надо для этого было измѣнить общія государственныя постановленія, а членамъ

особо, вне закона назначеннаго верховнаго уголовнаго суда оставалось только подладиться под желаніе императора и придать своему рѣшенію солганный вид законности.

Вот что говорит верховный суд:

"Из соображенія законов с дѣлом, сами собою произтекали два слѣдующія вопроса:

1). К какому роду преступленій относятся преступленія в актах слѣдственной коммиссіи обнаруженныя? Суд призна́л единогласно, что всѣ они принадлежат к преступленіям государственным, под именем двух первых пунктов в нашем законодательствѣ извѣстным.

2). Какое наказаніе по законам нашим положено за сіи преступленія? Суд признал и единогласно опредѣлил, что преступленія, в актах означенныя и собственным признаніем подсудимых двукратно удостовѣренныя, подлежат всѣ без изъятія смертной казни."

Мы очень бы желали, чтобы русскіе юристы уяснили эту путаницу. Смертная казнь за преступленія против царственных особ вошла как первыя два пункта уголовнаго законодательства только в XV. том свода законов, изданнаго в первый раз лѣт десять послѣ 14 Декабря. Гдѣ же прежде Николаевскаго свода преступленія против царственных особ извѣстны были у нас под именем первых двух пунктов нашего законодательства? — В судебникѣ Іоанна IV эти преступленія относятся к статьѣ 61-й. В уложеніи царя Алексѣя Михайловича они составляют два первые пункта — но не уложенія

а второй главы уложенія (о государской чести и какъ его государское здоровье оберегать) и не только два первые пункта этой главы, а еще и 11-й и 21-й пункты. Въ воинскомъ артикулѣ эти преступленія относятся къ главѣ 3-ей артикулу 19-му. Гдѣ же эти два первые пункта законодательства? Очевидно верховный уголовный судъ ссылается на уложеніе которое, будетъ издано послѣ него. Еслибъ верховный судъ ограничился ссылкою на историческіе примѣры, какъ казнь Мировича (1) и Пугачева, онъ имѣлъ бы, хотя незаконное, но все же какое нибудь основаніе. Замѣчательно, что XV томъ Николаевскаго свода законовъ вводитъ смертную казнь, за преступленія противъ царственныхъ особъ и именно противъ первыхъ двухъ пунктовъ, которыя въ первый разъ какъ таковыя являются только въ этомъ XV томѣ Свода, на основаніи историческихъ примѣровъ т. е. казни Мировича, Пугачева, и двухъ повѣшенныхъ во время чумы

(1) Судъ надъ Мировичемъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ дѣлъ Екатерины II, по наглости лицемѣрія. Никто не сомнѣвается, что подпоручикъ Мировичъ былъ подкупленъ взбунтоваться, чтобъ дать поводъ къ убійству Принца Іоанна, за что Екатерина обѣщала Мировичу не казнь, а награжденіе; Мировичъ польстился на награжденіе, а императрица велѣла его казнить. Манифестомъ 17 Августа 1764 она учредила надъ нимъ верховный уголовный судъ изъ Сената, Синода и первыхъ трехъ классовъ Персонъ съ Президентами всѣхъ коллегій. (Собраніе законовъ, T. XVI, N 72. 228). Въ этомъ манифестѣ Екатерина объясняетъ нить престолонаслѣдія: "Когда всего нашего вѣрноподданнаго народа единодушнымъ желаніемъ" —(когда же это народъ изъявлялъ его?)—"Богъ благоволилъ вступить намъ на престолъ Всероссійскій и мы вѣдая въ живыхъ еще находящагося тогда Принца Іоанна, рожденнаго отъ Принца Антона Брауншвейгъ-Вольфенбительскаго и отъ принцессы Анны Мекленбургской, который былъ на нѣкоторое время, (какъ всему свѣту извѣстно) незаконно въ младенчествѣ опредѣленъ къ

въ Москвѣ, прямо говоря, что " казнь смертная, . . . по указамъ 1753 и 1754 годовъ другими наказаніями замѣненная, . . . опредѣляется дѣйствующими нынѣ законами — за слѣдующія токмо преступленія." — Изъ этаго ясно, что и XV томъ свода, напечатаный въ первый разъ въ трицатыхъ годахъ, (?) не говоритъ, чтобы первые два пункта существовали въ нашемъ законодательствѣ до него, а утверждаетъ ихъ на историческихъ примѣрахъ, помѣщенныхъ имъ въ примѣчаніяхъ. Какъ же верховный судъ могъ ссылаться на послѣдующее законодательство? Ему—или лучше императору Николаю было тогда не ловко основаться только на незаконномъ примѣрѣ Екатерины II, стыдно передъ публикой. Нельзя было тутъ же измѣнить законъ Елизаветы которая говоритъ, что по ея указу 2 го Августа 1743 года Генералъ Фельдмаршалу Лессію, видно что она установила всякія смертныя преступленія не натуральной, но политической смертью наказывать, т. е. ввести на висѣлицу, или положить голову на плаху

Всероссійскому Престолу Императоромъ, и въ томъ же еще сущемъ младенствѣ совѣтомъ Божіимъ низложено на вѣки, а Скипетръ законнонаслѣдный получила Петра Великаго дочь, Наша вселюбезнѣйшая тетка, въ Бозѣ почивающая Императрица Елисавета Петровна; то первое намъ было по принесеніи хвалы Богу Всемогущему, желаніе и мысль, по природному Нашему человѣколюбію чтобъ сему, судьбою Божіею низложенному человѣку, сдѣлать жребій облегченный въ стѣсненной его отъ младенчества жизни. Мы тогда же положили сего Принца сами видѣть, дабы, узнавъ его душевныя свойствы, и жизнь ему, по природнымъ его качествамъ и по воспитанію, которое онъ до того времени имѣлъ, опредѣлить спокойную". (Эта спокойная жизнь была заключеніе въ Шлиссельбургской крѣпости!) "Но съ чувствительностію Нашею увидѣли въ немъ, кромѣ весьма ему тягостнаго и другимъ почти неразумительнаго косноязычества, лишеніе разума и смысла человѣческаго. Всѣ бывшіе тогда съ нами видѣли,

и потомъ сослать на каторгу. (Высочайшая резолюція на докладѣ Сената 1753 года Марта 29 го; см. собраніе законовъ, томъ XV). Николаю хотѣлось сохранить видъ законности и онъ велѣлъ верховному суду сослаться на уложеніе, которое онъ, Николай, еще издаетъ въ послѣдствіи. Такъ вотъ по какой причинѣ имъ былъ задуманъ сводъ законовъ! Тутъ все есть и боязнь общественнаго мнѣнія, проистекающая не изъ чувства нравственности, а изъ чувства формальнаго приличія, и вмѣстѣ съ тѣмъ презрѣніе къ законамъ своего государства, византійское лицемѣріе и жажда достичъ своей цѣли, т. е. казни подсудимыхъ, — не рѣшительностью, не силой воли, которую ему напрасно приписываютъ, а адвокатской уловкой, судебнымъ крючкомъ, или по просту: гаденькой ложью, которая въ добавокъ была глупа, потому что уже гораздо умнѣе было бы сослаться на примѣръ Екатерины, чѣмъ на еще не изданное законодательство, тѣмъ болѣе, что кому же

сколько ваше сердце сострадало жалостію человѣчеству".—Екатерина опредѣлила къ несчастному Принцу капитана Власьева и поручика Чекина.—"Симъ двумъ офицерамъ Мы повелѣли его также призирать и соблюдать. Но не могли однакожъ избѣгнуть зла и коварства, такаго въ родѣ человѣческомъ чудовища, каковый нынѣ въ Шлиссельбургѣ съ отчаяніемъ живота своего въ ужасномъ своемъ дѣйствіи явился. Нѣкто подпоручикъ Смоленскаго пѣхотнаго полка Малороссіянецъ Василій Мировичь, перваго измѣнника съ Мазепою Мировича внукъ, по крови своей, какъ видно, отечеству вѣроломный, провождая свою жизнь въ мотовствѣ и распутствѣ, и тѣмъ лишась всѣхъ способовъ къ законному достиженію чести и счастія, наконецъ отступилъ отъ закона Божія и присяги своей намъ учиненной, и не зная, какъ только по единому слуху о имени Принца Іоанна, а тѣмъ меньше о душевныхъ его качествахъ и тѣлесномъ сложеніи, сдѣлалъ себѣ предметъ, чрезъ какое бы то ни было въ народѣ кровопролитное смятеніе, счастіе для себя возвысить".—И будто кто ни-

и было какъ не внуку подражать достойному примѣру бабушки?

Своему верховному уголовному суду, составленному изъ совѣта, Сената, Синода и пятнадцати генераловъ (всего около 80 членовъ) подъ предсѣдательствомъ Лопухина и съ прокуроромъ княземъ Лобановымъ — Ростовскимъ, — предписалъ установить разряды степеней виновности подсудимыхъ и степеней наказаній, а этомъ верховный уголовный судъ начинаетъ съ того, что судитъ слѣдующимъ образомъ: . . . "общій порядокъ правосудія," сказано въ докладѣ, "и правила Вашимъ Императорскимъ Величествомъ предначертанныя, требовали личнаго въ допросахъ удостовѣренія. Къ сему два пути предлежали: призывъ подсудимыхъ предъ судъ, или нарядъ къ нимъ коммиссіи, судомъ избранной и изъ среды его составленной; Ваше Императорское Величество и тотъ и другой способъ соизволили предоставить его усмотрѣнію. Онъ избралъ послѣ-

будь могъ повѣрить, что Мировичь, какой бы онъ мотъ ни былъ, взбунтуется на такомъ странномъ основаніи! Благонадежные офицеры Власьевъ и Чекинъ, "увидя передъ собою силу непреодолимую," т. е. одинъ взводъ, стоявшій въ караулѣ, рѣшились убить принца Іоанна, за что ихъ конечно похвалили, а Мировича отдали подъ судъ.—10 Сентября 1764 Екатерина издала манифестъ о томъ, чтобъ пѣхотному Смоленскому полку бунтъ Мировича въ укоръ не ставить (Собр. законовъ, т. XVI, N 12. 237) Вѣроятно въ подражаніе этому указу, императоръ Николай повторилъ его смыслъ въ отношеніи родственниковъ заговорщиковъ 14 Декабря.—15 Сентября состоялась сентенція о Мировичѣ. Сентенція приводитъ конфирмацію императрицы на докладъ Собранія (т. е. верховнаго суда), докладъ, "которымъ собраніе, принявъ въ разсужденіе важность Мировичева злодѣйства, и чтобъ частыми по сему дѣлу быть могущими представленіями не нанести нѣжному, человѣколюбивому и милосердному Ея Императорскаго Величества сердцу прискорбія и безпокойства, всеподданнѣйше просило Ея Императорское Величество, чтобъ только на сей

дній как равно достовѣрный, но по числу подсудимыхъ болѣе удобный.

Что за бездна лицемѣрія и коварства! Николай разыгрываетъ роль, будто онъ въ это дѣло и не вмѣшивается, а все предоставляетъ суду; судъ находитъ болѣе удобнымъ, чтобы особая коммиссія ходила къ подсудимымъ, чѣмъ позвать подсудимыхъ въ судъ. Во первыхъ это во все не удобнѣе, а гораздо затруднительнѣе; даже и въ частной жизни легче созвать въ одно мѣсто своихъ знакомыхъ, чѣмъ ѣздить къ каждому порознь. Во вторыхъ — тутъ уже дѣло рѣшаетъ не судъ, состоящій изъ 80 членовъ и выслушивающій подсудимыхъ, а коммиссія изъ немногихъ *отборныхъ* членовъ, которые остальнымъ членамъ представятъ дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ имъ — немногимъ членамъ — заблагоразсудится. Къ чему вся эта игра въ подтасованныя карты?

"Ревизіонная коммиссія," продолжаетъ докладъ, "исполнила порученное ей дѣло съ точностію. Всѣ

случай соизволила уполномочить собраніе въ рѣшеніи дѣла, и въ надлежащемъ по тому исполненіи для будущаго потомковъ спокойствія и безопасности государства поступить по законамъ и чтобъ притомъ же Всемилостивѣйше дозволено было Собранію поступить по сему дѣлу во всемъ по большинству голосовъ".—Въ конфирмаціи Екатерина отвѣчаетъ: "что принадлежитъ до Ея Императорскаго Величества *собственнаго оскорбленія*, въ томъ сего судимаго Всемилостивѣйше прощаетъ; въ касающихся же дѣлахъ *до цѣлости государственной* общаго благополучія и тишины, въ силу поднесеннаго доклада на сего дѣла случай отдаетъ въ полную власть сему вѣрноподданному Собранію". Такимъ образомъ собраніе и приговорило "отсѣчь Мировичу голову и, оставя тѣло его народу на позорище до вечера, сжечь оное потомъ купно съ эшафотомъ, на которомъ та смертная казнь учинена будетъ".—Во время допросовъ Мировичу Собраніемъ были "примѣчены съ удивленіемъ и прискорбіемъ отважное въ злодѣйствѣ его *незазорство* и нѣкоторая человѣчество превосходящая и паче звѣрская окамѣнелость"; по этому

подсудимые безъ исключенія подтвердили предъ нею собственноручнымъ подписаніемъ прежнія ихъ показанія."—Мы уже изъ записокъ Н. И. Тургенева видѣли—какъ были отбираемы эти собственноручныя показанія; вдобавокъ эти показанія и подписи никогда не были обнародованы и составляютъ государственную тайну.

И такъ дѣло верховнаго уголовнаго суда состояло въ томъ, чтобы рѣшить степень виновности на показаніяхъ, отобранныхъ въ тайнѣ, и положить наказанія на основаніи законовъ, послѣ наказаній изданныхъ.

Послѣ этаго какъ императору Николаю было не умереть "смертію праведника!"

Для приготовленія началъ на коихъ должны быть основаны разряды виновности изъ среды суда была избрана особая коммиссія, которая, обозрѣвъ все дѣло, приступила къ установленію разрядовъ." Для сего ей предлежало: опредѣлить главные роды пре-

собраніе отправило къ Мировичу увѣщевать его—Афонасія Епископа Ростовскаго, Гетмана Малороссіи Графа Разумовскаго, Генерала Аншефа Князя Голицына и Медицинской Коллегіи Президента Барона Черкасова, которымъ Мировичь сказалъ, что "кромѣ того, что его рукой подписано, болѣе ничего объявить не имѣетъ и что всѣ будущія муки понести желаетъ, и никогда Царства небеснаго наслѣдовать не хочетъ, ежели какъ прежде, такъ и теперь что ни есть, или кого нибудь утаиваетъ".—Мы печатаемъ эти выписки изъ дѣла Мировича, потому что оно въ публикѣ не такъ извѣстно, какъ дѣло Пугачева, о которомъ сентенція напечатана въ приложеніяхъ къ Исторіи Пугачева Пушкина. Собраніе верховнаго суда надъ Мировичемъ ссылается на 1-ю и 2-ю статьи Главы II Уложенія и на военные артикулы,—какъ и въ дѣлѣ Пугачева,—нисколько не говоря о извѣстныхъ двухъ пунктахъ нашего законодательства, какъ выражается верховный судъ 1826 года, пунктахъ, которые стали извѣстны только съ изданіемъ Николаевскаго свода. Вотъ эти два пункта: 1. Императоръ всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограничен-

ступленій, отличить въ каждомъ родѣ всѣ его виды, и поставивъ ихъ въ порядкѣ постепенности изъ сложенія и сопряженія ихъ, произвесть начала разрядовъ.

Что за безсмыслица! Кто сочинялъ этотъ докладъ —мы не знаемъ. Вѣроятно не Блудовъ, потому что въ донесеніи слѣдственной коммиссіи все же больше смысла человѣческаго.

"Всѣ разнообразныя части обширнаго дѣла, въ совокупномъ ихъ обозрѣніи, представляютъ одинъ главный умыселъ: умыслъ на потрясеніе Имперіи, на испровержение коренныхъ отечественныхъ законовъ, на превращеніе всего государственнаго порядка."

Что такое значитъ превращеніе?

"Три средства, три главные рода злодѣяній предполагаемы были къ совершенію сего умысла: 1) Цареубійство, 2) бунтъ, 3) мятежъ воинскій."

Это роды преступленій. Но что же тутъ именно относится къ роду преступленій: умыслъ или средства привести его въ исполненіе? и какое различіе между бунтомъ и мятежемъ воинскимъ?—Кажется изъ доклада, что умыслъ есть нѣчто цѣлое, самобытное, а средства составляютъ роды злодѣяній, да еще

ный. Повиноваться верховной его власти не токмо за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ.—2. Таже власть верховная и самодержавная принадлежитъ и Императрицѣ, когда наслѣдство престола, въ порядкѣ для сего установленномъ дойдетъ до лица женскаго; но супругъ ея не почитается государемъ; онъ пользуется почестями и преимуществомъ наравнѣ съ супругами Государей (!), кромѣ титула, (сводъ законовъ, пол. изд. 1842 года.—Эти два пункта составлены изъ указовъ 1716, 1720 и 1797 года, въ которыхъ они не именуются первыми двумя пунктами.

злодѣяній предпологаемыхъ, а не совершенныхъ, Въ какомъ законодательствѣ подлежатъ суду злодѣянія предполагаемыя?

Потомъ идутъ виды преступленій:

"Каждый изъ сихъ главныхъ родовъ влечетъ за собою свой длинный рядъ преступленій." И этотъ длинный рядъ состоитъ изъ трехъ видовъ: 1) знаніе умысла, 2) согласіе въ немъ, 3) вызовъ на совершеніе его. Каждый видъ въ свою очередь состоитъ изъ разныхъ постепенностей.

Первый видъ естъ родъ, т. е. въ немъ дѣло идетъ о цареубійствѣ. Это смѣшеніе видовъ и родовъ названо пунктами. И такъ первый пунктъ состоитъ изъ 10 постепенностей, которые читатели уже видѣли въ докладѣ верховнаго суда, перепечатанномъ въ этомъ изданіи. Есть замѣчательныя постепенности, на примѣръ шестая постепенность: "Злодерзостныя дѣла (совершенно языкъ просьбы Ивана Никифоровича на Ивана Ивановича) относящіяся къ цареубійству, произнесенныя не на совѣщаніяхъ тайныхъ обществъ, но въ частномъ разговорѣ, и означающія не умыслъ обдуманный, но мгновенную мысль и порывъ." (Дѣла произнесенныя и означающія порывъ — что за путаница!) — 10 постепенность состоитъ въ "знаніи умысла съ противурѣчіемъ противъ него" (И это преступленіе!)

Второй пунктъ, или видъ, или родъ заключаетъ семь постепенностей участія въ бунтѣ; третій пунктъ десять постепенностей участія въ мятежѣ, изъ которыхъ пятая постепенность: "дѣйствіе

безъ возбужденія нижнихъ чиновъ и возбужденіе безъ дѣйствія, съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли", 9 постепенность: "знаніе о предстоящемъ мятежѣ безъ дѣйствія и безъ полнаго знанія цѣли; "а 10 постепность:" личное дѣйствіе съ возбужденіемъ или возбужденіе безъ личнаго дѣйствія.

Изъ всего этаго разрядо-разпредѣлительной коммисіи сдѣлалось "ясно, что къ основанію разрядовъ нѣтъ другаго средства, какъ соединеніе сихъ видовъ въ каждомъ родѣ преступленій соразмѣрно ихъ тяжести". Отсюда она также заключила слѣдующее: "Вина весьма тяжкая въ одномъ родѣ преступленія, часто сопрягается въ одномъ лицѣ, съ другими винами, менѣе тяжкими въ другихъ родахъ; а какъ законъ "(какой законъ?)" въ сопряженіи винъ опредѣляетъ наказаніе по той изъ нихъ, которая считается тягчайшею: то и надлежало сію тягчайшую вину поставить въ свойственномъ ей разрядѣ, хотя бы лицо, по другимъ его винамъ, принадлежало къ разрядамъ высшимъ".

То есть просто говоря, это значитъ что всегда надо стараться присудить наказаніе тягчайшее. Такимъ образомъ произошло одиннадцать разрядовъ преступленій," которымъ коммисія сдѣлала "примѣрный опытъ".

"При подробномъ разсмотрѣніи дѣла найдено", что "вины усиливаются: тяжкими послѣдствіями зловреднаго примѣра, разрушеніемъ воинскаго порядка, кровавыми дѣйствіями нѣкоего буйственнаго разсвирѣпѣнія".

Что это такое?... совершеннѣйшая дичь, и на этой дичи верховный судъ основываетъ свои рѣшенія.

Верховный судъ конечно утвердилъ "примѣрный опытъ" коммиссіи, "за исключеніемъ тѣхъ злодѣяній, кои по черезмѣрной ихъ тяжести поставлены внѣ всякаго разряда". Объ этомъ внѣ разрядномъ разрядѣ докладъ суда говоритъ императору, что люди къ нему принадлежащіе не должны быть доступны самому милосердію, т. е. проситъ императора Николая утвердить казнь. Уже тутъ тотчасъ становится видно, что государь благосклонно согласится на такое представленіе, и съ горестью, но съ свойственнымъ ему великодушіемъ, подавитъ въ себѣ чувство милосердія, сколько бы это ни стоило его чувствительному сердцу.

Такимъ образомъ верховный судъ опредѣлилъ десять разрядовъ наказаній: 1) четвертованіе (для внѣразрядныхъ пяти человѣкъ); 2) отсѣченіе головы (тридцати одному человѣку), 3) политическую смерть (семнадцати человѣкамъ), 4) въ каторжную работу вѣчно (двухъ человѣкъ), 5) въ каторжную работу на время и потомъ на поселеніе (тридцать восемъ человѣкъ), 6) вѣчно на поселеніе (пятнадцать человѣкъ), 7) вѣчно въ Сибирь три человѣка), 8) въ солдаты до выслуги (одинъ человѣкъ), 9) въ солдаты съ выслугою (восемь человѣкъ). — Какая разница между ссылкою вѣчно на поселеніе и ссылкою вѣчно въ Сибирь — это очень темно; отъ чего въ солдаты до выслуги — значитъ въ сотдаты безъ выслуги — это также не понятно.

Этотъ безграмотный верховный судъ вмѣняетъ себѣ долгомъ донести, что "опредѣленія и приговоры его состоялись или по большинству голосовъ всего собранія, или же по большему числу голосовъ одинакаго мнѣнія." Но вѣдь большее число голосовъ одинакаго мнѣнія и составляетъ большинство голосовъ; развѣ докладъ хочетъ сказать въ первомъ случаѣ по единогласному рѣшенію всего собранія, ну — тогда такъ и надо говорить. Какже браться за рѣшеніе уголовнаго дѣла, когда не умѣешь грамотно связать двухъ мыслей?

Члены святѣйшаго Синода объявили, (какъ и въ дѣлѣ Пугачева) что "они напередъ согласны со всякой сентенціей, но поелику они духовнаго чина, то къ подписанію сентенціи приступить не могутъ." Это не хитрое лицемѣріе, дѣлающее различіе между подписью подъ согласіемъ на сентенцію и подписью подъ самою сентенціею, смѣшно и отвратительно, и кладетъ дѣйствительное пятно на русское духовенство, пятно безсилія, лжи и раболѣпія.

Изъ всѣхъ своихъ многосложныхъ трудовъ верховный судъ заключилъ, что "духъ крамолы можетъ вторгнуться въ Россію только заключенный въ предѣлахъ отчаяннаго разврата" и что онъ, верховный судъ, искалъ по слову государеву "единаго: справедливости, справедливости нелицепріятной, ничѣмъ неколебемой, на законѣ и силѣ доказательствъ утвержденной." . . .

И все это совершенно зная, что она ни на какомъ законѣ не основывается!

За симъ слѣдуетъ роспись преступникамъ. Не говоря вообще о бездоказательности большей части взводимыхъ на нихъ винъ, мы сдѣлаемъ нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній.

Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ обвиняется въ требованіи убіенія въ особенности цесаревича. Такой нелѣпости не могъ имѣть въ виду Сергѣй Муравьевъ; у него не было никакой личной вражды противъ цесаревича, а самъ цесаревичъ совсѣмъ не былъ такимъ сильнымъ человѣкомъ, чтобы его жизнь или смерть были чѣмъ то особенно важнымъ для заговорщиковъ.

О многихъ сказано: "возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу", И сентенціи то не умѣли написать грамотно!

Никита Муравьевъ участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство, а потомъ измѣнилъ въ семъ отношеніи свой образъ мыслей, — какже его приговорить къ наказанію по разряду за умыселъ на цареубійство?

Какая разница между виною осуждаемыхъ на отсѣченіе головы и виною присужденныхъ къ политической смерти? Первый, присужденный къ политической смерти "Капитанъ Тютчевъ, участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ, участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденіемъ и подговореніемъ нижнихъ чиновъ и зналъ о приготовленіи къ мятежу," словомъ — виноватъ во всемъ томъ, за что другіе осуждены на казнь. Очевидно, что судъ руководствовался въ присужденіи наказаній своей фантазіей, или тайными приказаніями.

Штабсъ-Капитанъ Муравьевъ осужденъ на 15 лѣтъ каторжной работы за то, что "произносилъ дерзостныя слова въ частномъ, разговорѣ означающія мгновенный порывъ на цареубійство". Что это такое!

Почему Александръ Муравьевъ, участвовавшій въ умыслѣ на цареубійство и первый основатель тайнаго общества менѣе виноватъ чѣмъ другіе? Потому ли что отсталъ отъ общества? Но которые отстали отъ умысла цареубійства—тѣмъ не менѣе осуждены за этотъ умыселъ: чѣмъ же тутъ руководствуется верховный судъ? Очевидно тайными предписаніями.

Присужденіе одного и тогоже мы находимъ за слѣдующія вины:

Поручикъ Андреевъ 2-й. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго и возбуждалъ къ мятежу.

Штабсъ-капитанъ Пазимовъ. Учавствовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ одного товарища.

Да гдѣ же тутъ есть равная степень виновности? Изъ всей сентенціи очевидно, что и съ своей точки зрѣнія — т. е. признанія заговорщиковъ за злодѣевъ, — верховный судъ присуждалъ наказанія совершенно произвольно, какъ ни попало, или по тайнымъ предписаніямъ.

Указъ Николая верховному суду, по разсмотрѣніи доклада, находитъ что приговоръ силѣ законовъ сообразенъ. Николаю конечно легче было найти это, чѣмъ самому верховному суду, потому что Николай находилъ приговоръ сообразнымъ съ тѣми законами, которые онъ современемъ издастъ.

За симъ слѣдуютъ смягченія наказаній. Тутъ замѣчательно то, что большая часть раскаяній, изъявленныхъ подсудимыми, на нихъ выдуманы. Скажемъ первый примѣръ, приходящій на память: Якушкину смертная казнь сведена на двадцать лѣтъ каторжной работы, по уваженію совершеннаго раскаянія. Между тѣмъ раскаяніе Якушкина состояло только въ слѣдующемъ: онъ сказалъ суду, что соглашался на цареубійство и самъ рѣшался на него, что слѣдственно онъ долженъ быть осужденъ на казнь, и пусть его казнятъ, но что онъ болѣе говорить ничего не будетъ. Императоръ Николай самъ его позвалъ и велѣлъ признаваться. Якушкинъ и ему сказалъ тоже что передъ судомъ. "Да знаешъ ли передъ кѣмъ ты стоишъ?" закричалъ государь. За то, что ты государю не говоришъ правды, если бы и я тебя помиловалъ, то на томъ свѣтѣ Богъ тебя не проститъ." — "Да вѣдь я въ будущую жизнь не вѣрю," отвѣчалъ спокойно Якушкинъ. Вонъ отсюда этого мерзавца, закричалъ Николай—и велѣлъ опять отвести Якушкина въ тюрьму, дать ему катихизисъ, кормить его постнымъ и ежедневно посылать къ нему попа для назиданія. — Вотъ и все раскаяніе Якушкина.

Донесеніе слѣдственной коммисіи, Верховный судъ и самъ императоръ выдумывали на подсудимыхъ раскаяніе по двумъ причинамъ,—разъ, чтобы унизить тайное общество, а потомъ, чтобы имѣть случай придраться къ раскаянію для смягченія наказаній; не льзя же было все казнить, да казнить.

Между преступниками, по рѣшенію суда присужденными къ отсѣченію головы, только подполковникъ Норовъ получилъ наибольшее смягченіе наказанія—только пятнадцатилѣтнюю каторжную работу. Тутъ Николай оказалъ великодушіе, потому что всѣ знали, что онъ съ Норовымъ имѣлъ личную вражду. На какомъ то ученьи Николай (разумѣется бывши еще великимъ княземъ) разсердился, подбѣжалъ къ Норову съ ругательствами и ногою брызнулъ въ него грязью изъ бывшей тутъ лужи. Норовъ, положивъ шпагу въ ножны, ушелъ и подалъ въ отставку. Императоръ Александръ страшно разсердился на этотъ случай и велѣлъ Николаю просить извиненья у Норова. Николай исполнилъ приказаніе императора, говоря Норову, что и Наполеонъ иногда ругалъ своихъ Маршаловъ. "Мнѣ также далеко до маршала Франціи, какъ вамъ до Наполеона," отвѣчалъ Норовъ.

Въ своихъ рѣшеніяхъ Николай не всегда согласуется съ соображеніями верховнаго суда. Такъ преступникамъ, приговореннымъ судомъ къ отсѣченію головы, онъ опредѣляетъ двадцать лѣтъ каторги; а изъ приговоренныхъ только къ политической смерти двухъ Бестужевыхъ оставляетъ на каторгѣ вѣчно; а Лунина (1) и остальныхъ этой категоріи осуждаетъ на

(1) Судьба Лунина замѣчательна. По окончаніи каторги, онъ жилъ на поселеніи въ Сибири и писалъ въ Россію своей сестрѣ письмо, изъ котораго было видно, что онъ не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, не упалъ духомъ, и сохранилъ вѣру въ русское развитіе. Это письмо какъ то дошло до Николая. Николай велѣлъ отправить Лунина опять въ дальніе рудники, гдѣ его не заставляли работать, но держали въ сырой и скверной казаматѣ, не позволяя имѣть ни книгъ, ни пера ни бумаги. Лунинъ, изнывая отъ праздности и

двадцать лѣтъ, на равнѣ съ преступниками высшаго разряда.

Коновницына Николай помиловалъ, вѣроятно по завѣщанію Милорадовича, и вмѣсто присужденной ссылки въ Сибирь просто на житье,— велѣлъ написать его въ солдаты безъ выслуги въ дальніе гарнизоны!

Цебрикова, приговореннаго судомъ въ солдаты съ выслугою безъ лишенія дворянства, Николай— за участіе въ мятежѣ—осудилъ какъ недостойнаго благороднаго имени разжаловать въ солдаты безъ выслуги, съ лишеніемъ дворянства.

"Наконецъ", говоритъ Николай въ указѣ верховному суду, "участь преступниковъ, здѣсь непоименованныхъ, кои по тяжести ихъ злодѣяній поставлены внѣ разрядовъ и внѣ сравненія съ другими, Предаю рѣшенію Верховнаго Уголовнаго Суда и тому окончательному постановленію, какое объ нихъ въ семъ судѣ состоится."

Онъ даже назвать ихъ не хочетъ въ указѣ и отстраняетъ отъ себя рѣшеніе. Судъ, "сообразуясь съ высокомонаршимъ милосердіемъ, въ семъ самомъ дѣлѣ явленномъ, смягченіемъ казней и наказаній, прочимъ преступникамъ опредѣленныхъ," присуждаетъ "вмѣсто мучительной смертной казни четвертованіемъ Павлу Пестелю, Кондратію Рылѣеву, Сергѣю Муравьеву-Апостолу, Михайлѣ Безтужеву-

скуки, просилъ, чтобы ему позволили шить платье для солдатъ. Одинъ изъ главныхъ докторовъ, проѣзжая въ томъ мѣстѣ, и находя положеніе Лунина невыносимымъ, уговаривалъ его написать просьбу къ государю объ облегченіи своей участи. Лунинъ не согласился и вскорѣ умеръ. Лунинъ былъ одинъ изъ замѣчательныхъ партизановъ 1812 года.

Рюмину и Петру Каховскому, приговоромъ суда опредѣленной, сихъ преступниковъ за ихъ тяжкія злодѣянія повѣсить."

Такимъ образомъ окончилась эта игра недостойная и не нужная, потому что все же было бы откровеннѣе и слѣдственно благороднѣе, безъ всякаго суда, по царской волѣ, какъ оно въ дѣйствительности и было, опредѣлить тѣже наказанія. Всѣмъ этимъ внѣшнимъ лакомъ формализма, лицемѣріе нисколько не замазало истины, и только выставилось во всемъ своемъ отвратительномъ видѣ передъ общественнымъ мнѣніемъ.

10 Іюля 26 года Николай далъ указъ Верховному суду; 11 Іюля Судъ отослалъ свой протоколъ въ Сенатъ. 13 Іюля Сенатъ предписалъ исполненіе приговоровъ.

За симъ слѣдовалъ Манифестъ 13го же Іюля, удивительный манифестъ по безсмыслицѣ слога.

"Мы зрѣли благотворную Его (всевышняго) десницу, какъ она разтворила завѣсу, указывала зло, помогла Намъ истребить его собственнымъ его оружіемъ — туча мятежу взошла какъ бы для того, чтобъ потушить умыслъ бунта.

"Составленный горстью извергoвъ, онъ (умыслъ) заразилъ ближайшее ихъ сообщество, сердца развратныя и мечтательность дерзновенную."

"Мы видѣли при семъ самомъ случаѣ новые опыты приверженности; видѣли какъ отцы не щадили преступныхъ дѣтей своихъ, родственники отвергали и приводили къ суду подозрѣва-

смыхъ; видѣли всѣ состоянія соединившимися въ одной мысли, въ одномъ желаніи: суда и казни преступникамъ."

Если и были такіе позорные примѣры, что отцы выдавали дѣтей, — неужели это могло тѣшить Николая? Какъ онъ рѣшился вслухъ объявить себя покровителемъ подлецовъ—это неимовѣрно! Впрочемъ онъ и впослѣдствіи положилъ награду отцамъ, доносящимъ на своихъ сыновей по политическимъ дѣламъ въ Польшѣ.

"Слѣдственная коммиссія въ теченіи пяти мѣсяцевъ неусыпныхъ трудовъ, дѣятельностью, разборчивостью, безпристрастіемъ, мѣрами кроткаго убѣжденія(!) привела самыхъ ожесточенныхъ къ смягченію, возбудила ихъ совѣсть, обратила къ добровольному и чистосердечному признанію. Верховный уголовный судъ, объявивъ дѣло во всемъ пространствѣ его государственной важности, отличивъ со тщаніемъ всѣ его виды и постепенности, положилъ оному конецъ законный."

И все это клевета и ложь!

"Да обратятъ родители все ихъ вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей. Не просвѣщенію, не праздности ума, болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ, — недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ въ мечтательныя

крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ погибель."

Подписавъ эту безсмыслицу императоръ Николай сталъ царствовать, не измѣняя своему принципу страха передъ всякой человѣческой мыслью, передъ малѣйшимъ развитіемъ образованія; на томъ основаніи онъ учреждалъ слѣдственныя коммиссіи одна за другой надъ каждымъ юношей, сказавшимъ неосторожное слово на какомъ нибудь праздникѣ, или заявившимъ какую нибудь здравую мысль; на этомъ основаніи онъ бросился въ обьятія вѣчно враждебной Австріи, и вмѣшался въ Венгерскую войну; на этомъ основаніи онъ удалилъ отъ себя всѣхъ порядочныхъ людей и безсознательно явился главою грабящей администраціи, другомъ грабящихъ и бездарныхъ генераловъ и проигралъ Севастополь, и "умеръ смертію праведника," оставивъ Россію истощенную, задавленную, съ разстроенными финансами, съ некормленнымъ и дурно вооруженнымъ войскомъ....

И не смотря на все это, противъ его воли, мысль развитія русской гражданственности росла въ людяхъ русскихъ!....

Возобновивъ въ памяти нашихъ соотечественниковъ факты и людей тайнаго общества 14 Декабря, мы исполнили священную обязанность: стыдно было бы, еслибъ по появленіи книги Корфа, ни одинъ русскій голосъ, не возсталъ въ защиту русскихъ мучениковъ. Но мы еще разъ повторяемъ: мы не друзья крутыхъ, кровавыхъ переворотовъ; они не достигаютъ цѣли, если смыслъ ихъ не ясенъ въ сознаніи народномъ; а если смыслъ переворота ясенъ

въ сознаніи народномъ, то и самый переворотъ можетъ осуществится безъ потрясеній и кровопролитій. Царствованіе Николая было для Россіи какимъ то тупымъ, тяжелымъ болѣзненнымъ состояніемъ; послѣ смерти его Россія вздохнула свободно. Цѣпь снята, толчекъ данъ; теперь надо идти впередъ и трудиться. Мы полагаемъ что Александръ II имѣетъ расположеніе къ добру и вѣримъ въ неодолимую силу обстоятельствъ, которая выведетъ Россію изъ подъ нѣмецко-татарскаго давленія, изъ узкой, нѣмецко-татарской колеи — на широкій путь человѣческаго развитія.

Александръ II сказалъ Корфу о 14 Декабрѣ: "дай Богъ, чтобы впредь никогда не приходилось русскому государю ни наказывать, ни прощать за подобныя преступленія?" Мы искренно желаемъ, чтобы Александръ II, при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, измѣнилъ наконецъ и эту не реальную точку зрѣнія и увидѣлъ бы, что историческія событія вызываются общественною потребностью и нуждою и не составляютъ преступленія, что слѣдственно прощать историческому явленію не въ его власти. Мы искренно желаемъ, чтобы онъ увидѣлъ, что для устраненія потрясеній въ Россіи, надо чтобы онъ шелъ впередъ съ общественнымъ развитіемъ, чтобы онъ сталъ во главѣ общественнаго развитія, а не тянулъ бы русскую гражданственность обратно въ грязную нѣмецко-татарскую колею, изъ которой тогда Россія вынуждена будетъ вырваться страшнымъ потрясеніемъ, а онъ вмѣсто свѣтлой страницы заслужитъ печальную страницу въ Исторіи. Мы искренно

желаемъ, чтобы онъ понялъ, что его призваніе— освобожденіе крѣпостнаго состоянія, переобразованіе чиновничества, и водвореніе открытаго суда и гласности. Мы искренно желаемъ, чтобы выполненіемъ этаго призванія онъ заслужилъ блестящую страницу въ Исторіи. Пусть онъ забудетъ страшную ошибку изданія книги Корфа, пусть прогонитъ отъ себя этихъ людей, которыхъ Александръ I не хотѣлъ бы имѣть лакеями, пусть откровенно и смѣло идетъ къ своему предназначенію и да не изгладятся изъ его памяти стихи, ему — когда онъ былъ семилѣтнимъ ребенкомъ — посвященные тѣмъ же Рылѣевымъ:

Люби глас истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный,
Неправосудье истреби.

Р. Ч.

UNIVERSAL PRINTING ESTABLISHMENT:

Zeno Swietoslowski, 178-179, High Holborn.—London.